

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Елистратова Ксения Александровна

«Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой:
лингвосемиотический аспект»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель:
Лаврова С.Ю.,
д. филол.н., профессор

Череповец
2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОНОМАСТИКОН КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА.....	16
1.1. Семантическая специфика и знаковые составляющие онимов как дискурсивных имен	16
1.1.1. Имена собственные как особый тип языковых знаков: проблема значения	16
1.1.2. Имя собственное в структуре художественного текста	23
1.1.3. Функционирование поэтонимов в художественном тексте	25
1.1.4. Оним как ключевой тип прецедентных феноменов	27
1.2. Ономастикон как семантическая категория	32
1.3. Оним – ономастикон – дискурс: лингвистические аспекты взаимодействия	51
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I	57
ГЛАВА II. ОНОМАСТИКОН ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ.....	60
2.1. Топонимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой.....	60
2.2. Антропонимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой	70
2.3. Прецедентные поэтонимы как ключевой тип онимов в поэтическом дискурсе Веры Полозковой.....	101
2.4. Прагматонимы и другие периферийные онимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой	118
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ II	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	145
ПРИЛОЖЕНИЕ	169

ВВЕДЕНИЕ

Исследование языковой личности автора на современном этапе развития языкознания невозможно без изучения его *ономастикона*¹, отражающего знания, используемые в ходе реализации творческого замысла.

В художественных произведениях знания о природе, человеке, культуре получают своеобразное преломление, поэтому аспекты языковой личности художника слова особенно ярко раскрываются при антропоцентрическом подходе к исследованию такой текстовой единицы, как *оним*². Это связано с тем, что творец использует реальные исторические, географические, астрономические и иные имена собственные, обозначающие личностные, временные и пространственные вехи, а также заполняет художественное пространство так называемыми «литературными именами» (вымышленными единицами) (Барковская 2004: 7).

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью тщательного изучения *ономастикона* индивидуально-авторских поэтических дискурсов. Онимы как «особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов» (Фонякова 1990; Супрун 2000), – концептуально значимые элементы в коммуникативной стратегии текстового развертывания любого художественного произведения. В современной поэзии эта категория имен существительных с «гипертрофированной семантикой» (Есперсен 1958: 72) все чаще становится предметом различных игровых авторских интенций. Поэтический дискурс молодого поэта-блогера Веры Полозковой проявляет обозначенные тенденции наиболее ярко.

Тема данного исследования представляется **актуальной**, так как в нем дается анализ роли проприальных единиц в организации ономастикона поэтических текстов Веры Полозковой с целью не только их последующей

---

¹ Под «*ономастикон*ом» Н.В. Подольская понимает: а) словарь или список любых собственных имен (составленный обычно отдельно для разных категорий онимов, в частности антропонимикон, топонимикон; б) репертуар собственных имен данного этноса, данного социума, для данного периода (Подольская 1978: 98).

² *Оним* (собственное имя) – слово или словосочетание, которое служит для выделения именованного им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации (Там же 1978: 95). В рамках настоящей работы используются следующие синонимичные обозначения имени собственного: оним, проприальная единица, ономастическая единица.

классификации, но и выяснения положения, занимаемого ими в полевой системе онимов, выявления той роли, которую они играют в индивидуально-авторском поэтическом дискурсе.

*Имя собственное*¹, используемое в любом типе дискурса (в нашем случае – поэтическом), – явление, которое позволяет проследить изменения в системе языка, обусловленные историческими, социальными и культурными событиями, характерными для данного общества и имеющими значение для данной области знания. Онимы участвуют в создании смысловой многомерности основных содержательных универсалий текста (человек – время – пространство) (Воронова 2000: 3). Единицы проприальной лексики становятся важным смысло- и стилеобразующим элементом информационного пространства текста.

Настоящее исследование направлено на изучение ономастикона как неотъемлемой части художественного произведения, как средства создания художественного образа, а также слагаемого стиля языковой личности автора.

В диссертационной работе мы придерживаемся точки зрения исследователя В.И. Супруна, который интерпретирует ономастикон не только как «именной континуум, существующий в представлениях людей разных культур и в разные эпохи заполненный по-разному», но и как фрагмент языковой картины мира² (Супрун 2000: 6). Ономастикон имеет полевую структуру, предполагающую выделение ядерной и периферийной зон (Там же 2000).

Согласно нашей гипотезе, имена собственные в поэтическом дискурсе являются одним из связующих звеньев между автором, текстом и внетекстовой реальностью, что позволяет соотносить действительность, изображенную в произведениях Веры Полозковой, с объективно существующим пространственно-временным континуумом. При этом изображенная реальность имеет многие сходные черты, или атрибуты, с действительностью, в которой живет автор. Иными словами, имена собственные в анализируемых поэтических текстах – неотъемлемая часть индивидуально-авторской картины мира Веры Полозковой.

¹ *Имя собственное* – то же, что оним (Подольская 1978: 122).

² В настоящей работе мы представляем ономастикон как фрагмент индивидуальной языковой картины мира поэта Веры Полозковой. – К.Е.

Изучение ономастических единиц и их функций в художественном тексте способствует пониманию авторского замысла, а также глубокой и детальной интерпретации созданного творцом текста.

Научная новизна исследования определяется тем, что: а) уточнен функциональный аспект ономов в парадигме художественного текста с учетом новых тенденций в лингвистике; б) привлечен современный литературный материал для исследования (тексты молодого поэта-блогера) с последующим моделированием его ономастикона.

Выбор современной сетевой поэзии в качестве материала исследования мотивирован тем фактом, что она (поэзия), будучи частью общего культурного макротекста, оказывается источником, способным восполнить пробелы культурного образования в сознании молодежи:

- во-первых, современная сетевая поэзия есть проекция картины эпохи, регистрирующая актуальность выбора тех или иных культурно значимых реалий и фикций;
- во-вторых, для нее характерно отсутствие исторической (временной) и психологической дистанций с читающей молодежной аудиторией;
- в-третьих, сетевые поэты весьма популярны в молодежной среде, о чем свидетельствуют высокий рейтинг просмотров ЖЖ поэтов (Вера Полозкова, она же Miss Understanding, входит в список самых популярных блогеров Рунета на платформе «livejournal»: <http://mantrabox.livejournal.com>), цитирование их текстов на публичных страницах пользователей в различных социальных сетях («ВКонтакте», «Facebook», «Одноклассники.ru»);
- в-четвертых, сетевой формат размещения поэтических текстов в значительной степени обуславливает их широкую доступность для читательской аудитории.

В данном научном исследовании на материале поэзии Веры Полозковой **впервые** ономастикон интерпретируется как полевая структура, при этом определяется место и роль этого функционального образования в структуре

индивидуально-авторского поэтического дискурса. Мы исходим из положения о том, что в художественном тексте нет неговорящих имен (Тынянов 1965: 56).

Однако данное положение почти всегда применялось по отношению к вымышленным именам персонажей произведения, их адресным характеристикам. В последнее же время оно стало часто использоваться и применительно к прецедентным именам. При этом гораздо меньше внимания уделяется функционированию онимов, которые интерпретируются как семиотические единицы, представляющие определенное языковое и культурное пространство. Такие имена не всегда входят в набор фоновых знаний носителей языка и, на первый взгляд, не добавляют в текст ничего, кроме ощущения интеллектуальной изощренности автора, его профессиональных интересов, литературных вкусов и др.

В настоящее время в современной филологии одним из приоритетных аспектов анализа поэтического текста является анализ ономастической лексики. Это связано, во-первых, с тем, что *поэтическая ономастика* выступает как новое направление исследования текста, развивающееся на стыке ономастики, стилистики, поэтики, лингвистики текста, семиотики, лексической семантики; во-вторых, с тем, что вопросы ономапоэтики становятся все актуальнее в связи с активизацией внимания современной науки к функциональной стороне языка в целом. К тому же современный поэтический дискурс именно в этом аспекте **еще не становился объектом специального изучения.**

Акцентирование данной отрасли ономастики отражает и определенную исследовательскую парадигму (ср. литературная, стилистическая, литературно-художественная или художественная, поэтонимология и др.): в поэтической ономастике имена собственные изучаются лингвистическими методами (Калинкин 1999: 68–73); кроме того, важным представляется тот факт, что «в поэтической ономастике центральной областью окажется изучение собственных имен художественной литературы, в которой поэтическая функция проявляется ярче всего» (Фомин 2009: 65) и которая в свою очередь «обуславливается общей эстетической функцией художественного текста» (Там же 2009: 61).

В настоящей работе оним квалифицируется, с одной стороны, как языковой знак, имеющий свою фонетическую структуру и входящий в систему конкретного языка; с другой – как элемент поэтического дискурса, контаминирующий с семиосферой определенной культуры, что и допускает в свою очередь возможность характеристики языковой личности поэта с учетом основных положений теории ономастикона. Объем и структура ономастикона напрямую зависят от особенностей языковой личности автора, пользующегося в своем творчестве системой проприальных единиц для отражения индивидуального видения окружающей действительности.

Объектом настоящего диссертационного исследования является ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой.

Предмет изучения – функционально-семантическая характеристика имен собственных как особого типа языковых знаков и средств субъективной оценки в поэтическом дискурсе Веры Полозковой.

Цель работы – системный лингвосемиотический анализ ономастикона поэтического дискурса современного молодого поэта-блогера Веры Полозковой.

Для выполнения данной цели ставятся следующие **задачи**:

- 1) описать существующие теоретические подходы к изучению имен собственных в рамках когнитивной лингвистики, семиотики и поэтической ономастики;
- 2) установить систему корреляции между системой онимов и ее дискурсивной проекцией: «оним» – «ономастикон» – «художественный (поэтический) дискурс»;
- 3) провести выборку онимов из текстов поэтических произведений Веры Полозковой;
- 4) представить функционально-семантическую классификацию различных разрядов имен собственных в поэтическом дискурсе Веры Полозковой;
- 5) интерпретировать ономастикон Веры Полозковой как полевою семиотическую структуру, определив при этом место и роль этого функционального

образования в структуре индивидуально-авторского поэтического дискурса¹.

Методы и приемы анализа в диссертационной работе определяются поставленными задачами, теоретической и практической направленностью исследования, характером анализируемого материала: а) метод сплошной выборки, б) классификации, в) описательно-аналитический (приемы: наблюдения, типологизации, обобщения, интерпретации), г) семантико-стилистический, д) структурно-семантический метод, е) дефиниционный анализ, ж) метод количественной обработки материала, з) лингвокультурное и семиотическое моделирование ономастического пространства поэзии Веры Полозковой.

Отбор анализируемого языкового материала проводился методом фронтальной выборки всех имеющихся в поэтических текстах Веры Полозковой имен собственных. Критерий различия имени и апеллятива – семантический: современная сетевая поэзия ориентирована на упрощенный язык и графику интернет-коммуникации, в силу чего большая часть имен собственных характеризуется написанием со строчной буквы. Отбор слов, написание которых характеризуется только прописной буквой, в данном случае не являлся бы эффективным.

Алгоритм анализа языкового материала последовательно включает в себя: а) типологическую классификацию онимического материала (антропонимы, топонимы, мифонимы, прагматонимы и пр.); б) составление на каждую онимическую единицу, употребляемую в текстах поэта (с опорой на энциклопедические электронные и печатные источники²), словарных статей; создание сводной картотеки ономастикона Веры Полозковой; в) описательно-интерпретативный анализ ономастикона поэта как полевого семиотического образования в структуре индивидуально-авторского поэтического дискурса.

Научно-теоретическую базу составляют работы отечественных и зарубежных исследователей:

¹ Анализ ономастического пространства в структуре поэтического дискурса Веры Полозковой предполагается резюмировать реконструированной авторской номинативной лингвосемиотической моделью. – *К.Е.*

² Свободная общедоступная мультязычная универсальная интернет-энциклопедия «Википедия» (Эл. ресурс): Режим доступа – <http://www.wikipedia.org/>; «Энциклопедия литературных героев» / Сост. и научн. ред. С.В. Стахорский. – М., 1997; «Российский энциклопедический словарь»: В 2 кн. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 2001; «Российский гуманитарный энциклопедический словарь»: В 3 Т. / Гл. ред. П.А. Клубков. – М.; СПб., 2002.

- ✓ *общеономастические труды*: Е.М. Галкина-Федорук (1956), Е. Курилович (1962), А.А. Белецкий (1972), А.В. Суперанская (1973), В.А. Никонов (1974), Н.В. Подольская (1978), Ю.К. Юркенас (1979), В.Д. Бондалетов (1983), Щербак А.С. (2008);
- ✓ *исследования по поэтической ономастике*: Э.Б. Магазаник (1967), С.И. Зинин, А.Г. Степанова (1970), Ю.А. Карпенко (1986), В.Н. Михайлов (1987), М.В. Горбаневский (1988), О.И. Фонякова (1990), В.М. Калинин (1999), В.И. Супрун (2000), С.И. Гарагуля (2002), И.Э. Ратникова (2003), С.М. Пак (2003), С.Н. Смольников, Л.Г. Яцкевич (2006), Н.В. Васильева (2008), А.А. Фомин (2009), Е. Pieciul (2000), F. Debus (2004), J. Gottschalk (2008), A. Steinhöfel (2011);
- ✓ *теории поэтического текста и дискурса*: В.В. Виноградов (1963, 1976), Р.О. Якобсон (1975), Г.О. Винокур (1991), Ю.Н. Тынянов (1993), Ю.М. Лотман (1994, 1996, 1999, 2002), Ю.И. Левин (1998), М.С. Степанов (2007), Е.А. Горло (2007);
- ✓ *прецедентного имени*: Д.Б. Гудков (1999), И.В. Крюкова (2004), С.Л. Кушнерук (2004), Е.С. Отин (2004), Е.А. Нахимова (2007), А.В. Суперанская (2007); В.А. Козырев, А.Ю. Петина, В.Д. Черняк (2014);
- ✓ *языковой личности*: В.В. Виноградов (1930), Г.И. Богин (1975, 1984), Ю.Н. Караулов (1987), В.И. Супрун (1993), М.В. Ляпон (1995) В.И. Тхорик (2000), В.А. Маслова (2001, 2004), В.И. Карасик (2002), Ю.Д. Апресян (2006), О.Г. Ревзина (2006), О.В. Шаталова (2012);
- ✓ *теории текстового пространства*: Е.С. Кубрякова (1972), В.Н. Топоров (1997), С.И. Зинин (1998, 2005), Ю.М. Лотман (1999), В.И. Супрун (2000).

В рамках настоящей работы *поэтический текст* интерпретирован как «смыслопорождающее устройство», выполняющее три функции: 1) творческую: текст «не только передает готовые сообщения, но и служит генератором новых»; 2) направляет сообщения на код: «при сложных операциях смыслопорождения язык неотделим от выражаемого им содержания»; 3) функцию памяти¹: «текст

---

¹ Текст – это своего рода «интертекстуальная энциклопедия», «область культурной памяти» (Денисова 2003: 147–148).

обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах (Лотман 2004: 158–162).

С нашей точки зрения, в роли функционально-семантических знаков в тексте выступают *онимические единицы*, которые, обладая прецедентной природой, усложняют семантическую структуру текста.

Поэтический текст в современной лингвистике изучается и понимается в качестве составной единицы явления более сложной организации и более высокого уровня – дискурса (в нашем случае – поэтического дискурса).

Помимо текста, дискурс включает в себя совокупность культурно-исторических факторов, систему когнитивных и коммуникативно-прагматических целеустановок автора, взаимодействующего с реципиентом (Чернявская 2002: 230).

В рамках современного подхода поэтический дискурс рассматривается как многомерное пространство, отдельными областями которого являются дискурс текста, дискурс личности, дискурс культуры (Тикунова 2005). Следовательно, адекватная интерпретация поэтического дискурса требует учета как внутритекстовой информации, так и информации, являющейся достоянием авторского сознания, его когнитивной базы, а также всех тех знаний, которые связаны с внетекстовой реальностью, социально-культурными и историческими условиями действительности, получившими отражение в данном типе дискурса.

Ономастический материал в этом смысле наиболее референтен: он обладает огромным культуроведческим потенциалом и потому может выступать одним из средств передачи значимой информации для реципиента, в то же время, обладая способностью делать ту же информацию закрытой для «непосвященных» или инокультурных восприимчивых, поскольку имена собственные – это всегда специфические реалии, относящиеся к фоновой лексике (Ражина 2007: 3).

Имена собственные в лексиконе любого языка образуют особую подсистему со свойственными ей системообразующими факторами, а также закономерностями развития и функционирования в различные исторические периоды. Анализ совокупности проприальных единиц современной поэзии позволяет как можно

полнее и точнее отразить сквозь призму индивидуально-авторской картины мира национальную, так как, несмотря на распространенное представление о современной поэзии как контркультурном явлении, многие культурные стереотипы и модели, активно функционирующие в дискурсе современной поэзии, традиционны для русского национального сознания, а векторы их развития определены общими закономерностями литературного процесса мировой и, в частности, русской культуры.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Оним – смыслопорождающий и текстообразующий функционально-семантический словесный знак в системе поэтических текстов Веры Полозковой.
2. Значительная часть онимов в поэтических текстах Веры Полозковой (за исключением антропонимов на синхронном срезе времени жизни самого поэта, прагматонимов, антропопоэтонимов) являются прецедентными феноменами, а значит, лингвокультуремами, то есть комплексами многослойной культурологической информации, выполняющими роль текстообразующих средств и играющими важную роль в раскрытии выраженных в произведении образов и идей.
3. В парадигме «оним – ономастикон – дискурс» онимы квалифицируются как элементы его картины мира, функционирующие в текстах и способные выражать эстетическую сущность.
4. Совокупность единиц проприальной лексики в поэтических текстах Веры Полозковой образует ономастикон поэта. Ономастикон поэта представляет собой дискретное образование с ядерно-периферийными отношениями, в структуре которого выделяются ономастические поля (антропонимы, топонимы, прецедентные поэтонимы, прагматонимы и пр.).
5. Прецедентные поэтонимы в поэтических текстах Веры Полозковой всегда являются смыслонесущими и текстопорождающими знаками, поэтому занимают центральное место в ядре ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой.

Материалом исследования являются тексты Веры Полозковой, вошедшие в авторские поэтические сборники «Фотосинтез» (2008), «Непоэманье» (2009), «Осточерчение» (2013), а также другие широко представленные в ЖЖ поэта¹. В диссертационном исследовании проанализировано **276** поэтических текстов поэта, содержащих **552** онима.

Тексты Веры Полозковой характеризуются чрезвычайной насыщенностью онимическими единицами разных уровней и разной степени узнаваемости. В процессе анализа поэтического текстового материала выявлены различные онимы, интерпретируемые как прецедентные имена, прямо или ассоциативно связанные с «инокультурами». Е.А. Нахимова отмечает, что «в последние годы значительно активнее, чем в советскую эпоху, используются прецедентные имена зарубежного происхождения» (Нахимова 2007: Эл. ресурс).

Наиболее важным моментом при таком подходе является сам процесс диалогического обмена между текстами, где ономастические единицы выступают в качестве:

- 1) знаковых единиц, показателей включенности текста в определенный культурный диалог;
- 2) маркеров той или иной общекультурной ситуации на определенном темпоральном срезе;
- 3) идентификаторов индивидуальных свойств языковой личности автора, специфики его когнитивного развития;
- 4) самостоятельных элементов текстопостроения;
- 5) факторов, влияющих на процесс коммуникации в аспекте темпоральной динамики.

Выбор материала для реконструкции фрагмента ономастикона современного поэтического дискурса обусловлен следующими обстоятельствами: а) частотой обращения к онимическим единицам Верой Полозковой в своих текстах; б) наличием вербальных и невербальных маркеров, помогающих их опознаваемости читателем; в) абсолютной неизученностью материала

¹ Вера Полозкова. Живой журнал (Эл. ресурс). – Режим доступа: <http://mantrabox.livejournal.com/>

(поэтические тексты Веры Полозковой еще ни разу не становились предметом специального изучения).

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что в нем предпринимается попытка выработки алгоритма анализа ономастикона сетевой поэзии, содержатся материалы для дальнейшего изучения механизма актуализации в сознании носителя языка сообщаемой именем информации, определения роли прецедентных поэтонимов в художественном тексте, уточняется система соотношений между теоретическими концептами «оним», «ономастикон» и «дискурс».

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных данных и выводов в учебном процессе на практических и семинарских занятиях по лексикологии, стилистике, медиалингвистике, интернет-лингвистике, поэтической ономастике, а также в дальнейшем исследовании феномена сетевой поэзии, сопоставлении ономастиконов современных поэтов.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, выводов по каждой главе, заключения, списка использованной и цитируемой литературы, включающего 241 наименование (в том числе 8 исследований на иностранных языках, 15 словарей и справочных изданий), приложения.

Апробация результатов исследования¹. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов на студенческих научных конференциях (Череповец: апрель 2010, 2011, 2012, 2013 г.), III Региональной межвузовской научной студенческой конференции «Интеллектуальное будущее Вологодского края (Вологда: 20–21 октября 2010 г.),

---

¹ Поддержанные гранты: 1) Проект № 2012-1.4.-12-000-3004-004 «Когнитивные исследования национальной концептосферы: язык, текст, культура» в рамках мероприятия 1.4. «Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров путем выполнения научных исследований молодыми учеными и преподавателями в научно-образовательных центрах федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы. Соглашение № 14.В37.21.0095 (исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ). – Научный руководитель – Т.Б. Радбиль, д.ф.н., проф. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; 2) № 6.3849.2011 от 22.11.2011 г. «Языковая личность и ее концептуализация в различных типах дискурса»: государственное задание Министерства образования и науки РФ на выполнение работ (темплан) на период 2012 – 2014 гг. Научный руководитель – Лаврова С.Ю., д-р филол. наук, профессор.

Международном молодежном научном форуме (Москва: «Ломоносов-2010», «Ломоносов-2011»), Всероссийской научной конференции «Слово и текст в культурном сознании эпохи» (Вологда: 2011, 2012 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Филология в образовательном пространстве города: история и современность (к 85-летию Леонарда Яковлевича Маловицкого)» (Череповец: 24–25 ноября 2011 г.), X выездной школе-семинаре «Проблемы порождения и восприятия речи» (Череповец: 27-29 октября 2011 г.), III Международной научно-практической интернет-конференции «Современный русский язык: динамика и функционирование» (Волгоград: 14–25 декабря 2011 г.), Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов «Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран» (Сыктывкар: 31 марта 2012 г.), Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 200-летию со дня рождения А.И. Герцена)» (Санкт-Петербург: 14–16 ноябрь 2012 г.), Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические вопросы развития научной мысли в современном мире» (Уфа: 29–30 апреля 2013 г.), Международной научной конференции «European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches» (Европейские прикладные науки: современные подходы в научных исследованиях) (Штутгарт, Германия: 20–22 мая 2013 г.), Всероссийской научной конференции «Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера» (Вологда: 29–31 октября 2013 г.), Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко)» (Санкт-Петербург: 13–15 ноября 2013 г.), Всероссийской конференции с международным участием «Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук)» (Череповец: 12–15 марта 2014 г.), I Международной конференции «Глобальная наука и инновации» («Global Science and Innovation» (Чикаго, США: 17–18 декабря 2013 г.), IX Международной научно-практической конференции «Язык и культура»

(Новосибирск: 20 декабря 2014 г.), а также обсуждались на аспирантских семинарах кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций ЧГУ.

По теме исследования опубликовано **28 работ** (в том числе **5** – в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и **1** – в журнале, индексируемом в Scopus):

1. Елистратова К.А. Дискурсивизация ономастического пространства в современной поэзии (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: ООО ИД «Хорс», 2012. – № 2. – С. 391–394.
2. Елистратова К.А. Специфика репрезентации концепта «Мужчина» в поэтических текстах Веры Полозковой: от кризиса маскулинности к метросексуальности // «Вестник Череповецкого государственного университета» / Под ред. Н.И. Шестакова – Череповец: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2013. – № 3 (49). – Т.1. – С. 74–78.
3. Елистратова К.А. Концепты-онимы в современном поэтическом дискурсе (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского, 2012.– № 5 (3). – С. 27–34.
4. Елистратова К.А., Минец Д.В. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки в современной сетевой поэзии // Казанская наука: Изд.-во Казанский Издательский Дом, 2013. – № 1.– С.106–110.
5. Лаврова С.Ю., Минец Д.В., Бирюкова Е.О., Елистратова К.А. Концептуализация языковой личности в различных типах дискурса // Гуманизация образования. Научно-практический журнал. 2013. – № 4. – С.56 – 61.
6. Grudeva E.V., Minets D.V., Elistratova K.A. Electronic dictionary of quotes as a way to enhance cultural literacy // Life Science Journal, 2014. – № 12(12s). – P. 616 – 619 (Электронный ресурс). – Режим доступа: http://www.lifesciencesite.com/ljsj/life1112s/132_26456life1112s14_616_619.pdf

ГЛАВА I. ОНОМАСТИКОН КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

1.1. Семантическая специфика и знаковые составляющие онимов как дискурсивных имен

1.1.1. Имена собственные как особый тип языковых знаков: проблема значения

В рамках антропоцентрического подхода современной лингвистики особое значение приобретают единицы проприальной системы – онимы (Подольская 1978: 95). Единицы ономастической системы в современном русском языке образуют уникальную подсистему со свойственными ей особыми системобразующими механизмами, закономерностями развития и функционирования. Онимы обеспечивают знакообозначение таких координат, как субъект / объект реальной действительности, и являются одним из способов определения пространственно-временных параметров образа мира, что и определяет их «высокий коммуникативно-прагматический потенциал» при «реализации социокультурной функции языка ...» (Алешина 2000:11).

Новые подходы к изучению имен собственных, их функционированию в разных сферах человеческого общения обусловлены современными тенденциями языкознания, ориентированными на комбинаторность и междисциплинарность, что в свою очередь отражает общекультурную ситуацию в мире.

Традиционно утверждается, что специфика онимов обусловлена не только их лингвистическим статусом, но и экстралингвистическими факторами, которые в свою очередь влияют непосредственно на формирование семантической структуры онимов и их функционирование. Акцент при этом следует делать на различных свойствах имен.

По В.А. Никонову, имена собственные образуют в языке «особую подсистему, в которой и общезыковые законы преломляются специфически, и возникают свои закономерности, в которых нет в языке вне ее» (Никонов 1974: 6). Созвучны приведенной точки зрения размышления А.В. Суперанской о сущностной природе имен собственных: «Даже наиболее «чистое» лингвистическое изучение имен не может не выходить за пределы одних лишь

языковых возможностей, и лингвисту все время необходимо иметь в виду внеязыковые ассоциации собственных имен...» (Суперанская 1970: 7). Ю.К. Юркенас подчеркивал, что «онимия воспринимается как специфическая, автономная подсистема языка», где отражаются «такие социальные, исторические, культурные факторы, которые не оставили следа в обычной лексике...» (Юркенас 1979: 3). Вывод очевиден: **процесс создания имен собственных идентичен разновидности кодирования культурно-исторической информации.**

В то же время, несмотря на признание за именами собственными особого статуса, эти единицы квалифицируются рядом исследователей как «маловажные», «не занимающие должного места в лексическом составе языка» (Курилович 1962: 253): в отличие от имен нарицательных, образующих центральную семантическую категорию, они лишены сферы употребления.

В рамках настоящей работы **мы придерживаемся позиции исследователей**, которые считают правомерным говорить о существовании **автономной, но не изолированной ономастической системы**, являющейся полноправной частью общей лексико-семантической системы языка и в силу этого подчиняющейся общелингвистическим закономерностям, обладающей специфическими особенностями (приведенные положения В.А. Никонова, А.В. Суперанской, Ю.К. Юркенаса).

Ни одна именная категория не порождает такого количества разноречивых точек зрения, как ономастическая единица. Традиционным для исследований по ономастике стало указание на нерешенность определенного ряда проблем, среди которых можно отметить следующие: **определение сущности имен собственных** (В.Д. Бондалетов, Е.Ф. Данилина, В.П. Нерознак, В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Н.И. Толстой и др.), **их семантического потенциала** (Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, Е.М. Галкина-Федорук, С.Д. Кацнельсон, В.П. Руднев, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская, А. Петерсон, А.А. Уфимцева и др.); **связь онима и понятия** (М.В. Горбаневский, Е. Курилович, А.В. Суперанская, А.А. Уфимцева, О.И. Фонякова и др.); **соотношение интенционала**

(предметно-понятийного ядра лексического значения) и *импликационала* (его смысловой периферии – комплекса предметно-образных связей и отношений) *в структуре значения онима* (Р.Карнап, М.В. Никитин, Г. Фреге); *граница апеллятивной и ономастической лексики* (Е.С. Кубрякова, А.В. Суперанская, В.И. Супрун, С.М. Толстая, В.Н. Топоров, О.И. Фонякова), *состав ономастической макросистемы, иначе – их классификация* (Н.В. Подольская, Ю.В. Рождественский, А.В. Суперанская).

Дефиниции онимов часто сопровождаются вопросами об их количественном составе и приводят исследователей к *широкой трактовке компонентного состава имен* – это *и слово, и словосочетание, и предложение* (Грот 1876: 360). Так, в «Русской грамматике» 1980 года отмечено, что «для имен собственных наименований используются нарицательные существительные или сочетания слов» (Русская грамматика 1980, т. 1: 461). По А.К. Матвееву, имена, выделяющие предмет из ряда подобных, могут быть и словом, и словосочетанием, и предложением» (Матвеев 2004: 9). О.С. Ахманова определяет онимы как слова или словосочетания, специфическим назначением которых является «обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам (Ахманова 2005: 175). В.Д. Бондалетов квалифицирует онимы как «единицы языка – речи» (слова и субстантивированные словосочетания), служащие для подчеркнуто конкретного названия отдельных предметов действительности и, вследствие такой специализации, выработавшие некоторые особенности в значении, грамматическом оформлении и функционировании...» (Бондалетов 1983: 27). О.И. Фонякова называет онимы «универсальной функционально-семантической категорией имен существительных», «особым типом словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» (Фонякова 1990: 21). Последнее определение представляется наиболее удачным. Автор сделал акцент на семантической специфике онима.

В теории имен собственных одним из сложных вопросов является проблема наличия / отсутствия значения у онимов. Одна из самых распространенных точек зрения на онимы отказывает им как в наличии лексического значения, так и в связи с понятием. Так, Е.М. Галкина-Федорук считает, что «имена собственные не заключают в себе ни понятия, ни значения. Они являются только различающими знаками» (Галкина-Федорук 1956: 53). В.Д. Бондалетов напротив выявляет в сущностной природе онима три типа отношений: 1) денотативное (отношение значения слова к предмету); 2) сигнификативное (отношение к понятию); 3) структурное (отношение значения слова, а также всего слова к другим словам данного языка) (Бондалетов 1983: 24). В.А. Никонов также отстаивает право ономастических единиц на наличие лексического значения и связь с понятием и возражает тем, кто усматривает специфику этой группы лексики в асемантической и апонятийности (Никонов 1974: 246). Компромиссную точку зрения занимают лингвисты, стремящиеся раскрыть диалектическую сложность проприальных единиц как особой группы лексики: А.Г. Степанов (Зинин, Степанов 1970: 330–335), Ю.А. Карпенко (Карпенко 1970; Карпенко 1986: 9–16), С.И. Зинин (Зинин 1975).

Важно подчеркнуть, что большинство исследователей отмечают *отражение в семантическом потенциале имен собственных особенностей культуры, ее национального своеобразия*. На первый план выходит проблема взаимодействия культуры с функционирующим в ней именем. Онимы могут отражать особенности культуры того или иного этноса, при этом культурно-исторический потенциал в одних именах проявляется ярче, в других менее интенсивно, но нет ни одного имени собственного, которое было бы не связано так или иначе с культурой народа, его создавшего или употребляющего (Никитина 2001: 123–126). Иными словами, имена собственные имеют особые связи «в ментальности носителей языка» и обладают некой «культурной памятью» (Николаева 2001: 38).

Признание *лексического значения у имен собственных* вкупе с культурным отражением позволяет говорить о способности онимов обладать

дополнительным *коннотативным значением, отражающим национально-культурную специфику* (акцент на многомерности и многокомпонентности лексической структуры имен собственных) (Аникина 1992: 101–103). Лексическое значение участвует в формировании денотативного каркаса за счет предельно прочной, постоянной и неразрывной связи с денотатами, которые можно рассматривать как дискретные объекты действительности (Воронова 2000: 20). Что же касается сигнификата имен собственных, то внимания заслуживает вывод, сделанный Л.Б. Селезневой: «... в семантической структуре имени собственного обнаруживаются «общие» семы, то есть понятийные <...>, и единичные, контекстные, отражающие индивидуальные особенности, зависящие от человека, причем набор этих сем зависит от степени знакомства с денотатом» (Селезнева 1984: 60).

В рамках настоящего диссертационного исследования мы рассматриваем оним как *смыслопорождающий и текстообразующий функционально-семантический словесный знак*. Данный подход вносит определенную ясность в интерпретацию семантического потенциала имени собственного: лексическое значение онима складывается из денотативного, сигнификативного и структурного типов отношений или в виде соотношения предметно-понятийного ядра (интенционала) и смысловой периферии (импликационала), комплекса предметно-образных связей и отношений, где объективируется вероятностная структура обозначаемого фрагмента действительности, соотносимого также с экстралингвистическим фоном (Алефиренко 1998).

Таким образом, семантика онима может варьироваться за счет его способности приращивать речеконтекстные, ассоциативные и фоновые значения: *ядро (денотативно-сигнификативный аспект) + периферия (коннотативный аспект)*.

Особенность имен собственных – результат проявления различий между *онимами и апеллятивами*. Имена собственные противопоставлены нарицательным своей «гипертрофированной номинативностью», а также «редукцией семасиологической функции» (Реформатский 1964: 17–18). Как

правило, в большинстве своем онимы, возникая на базе имен нарицательных, употребляются не в том же значении, что и омонимы-апеллятивы, задающие неопределенное множество схожих предметов и обладающие классифицирующей номинацией. Важный критерий отличия онимов от апеллятивов – сужение зоны применения и именованности до единичного объекта.

Онимы и апеллятивные единицы различаются и темпами роста: ежедневно возникают новые лексические единицы для новых понятий и предметов, при этом новые онимы создаются актом индивидуального выделения из ряда уже существующих апеллятивов. Иными словами, в языке постоянно наблюдается переход имен нарицательных в онимы и наоборот (процессы онимизации и апеллятивизации, деонимизации (Подольская 1978: 37, 54). Переход онимов в апеллятивы и наоборот – сложный процесс, затрагивающий глубинную сущность лексических единиц, меняющий их ценность, лексическую, морфологическую, синтаксическую валентность.

При образовании онима апеллятивная основа остается неизменной, что порождает спорные точки зрения по поводу названия такого способа образования: с одной стороны – семантический или метафорический переход, с другой – «**онимизация апеллятива**», «ономастическая конверсия», «способ с нулевой аффиксацией» (Суперанская 1969: 92–93). Общим условием **перехода онима в апеллятив** является утрата именем собственным соотносительности с конкретным референтом: переход имен собственных в нарицательные сопровождается «разрывом первоначальной связи «имя – объект» и обретением именем связи с новым понятием» (Суперанская 2002: 10). При **полном превращении** онима в апеллятив возникают омонимичные формы имени собственного и нарицательного; **ситуативный переход** осуществляется при сравнении или оценке: у антропонимов теряется функция идентификации объекта, у топонима – локализация (Суперанская 2002: 10).

Однако граница между двумя классами онимов не является абсолютно заданной. Подвижность лексического состава языка обусловлена возможностью перемещения слов из одного разряда в другой в процессе функционирования.

Подобного рода взаимодействие проприальных единиц вызывает появление «переходного поля» между данными разрядами (Никонов 1974: 246), *онимов промежуточного типа*. Подчеркивая коннотативный потенциал имен собственных, Е.С. Отин вводит такой термин, как *коннотоним*¹. Отличие коннотонимов от испытывавших деонимизацию собственных имен, часть которых или вовсе не имела в прошлом понятийных (референтных) коннотаций, или перешла в нарицательные слова (апеллятивы), давно утратив свои добавочные значения, заключается в том, что они продолжают оставаться онимами и не теряют своей способности соотноситься с другими именами собственными. По мнению ученого, выделение подобного рода имен возможно потому, что они «не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных» (Отин 2006: 11).

Таким образом, онимы и апеллятивы могут быть квалифицированы как лексико-грамматические классы существительных, различающиеся как в семантике, так и в грамматических свойствах. Однако это не мешает им обладать при этом и сходствами, проявляющимися в механизмах образования посредством взаимоперехода имен одного класса в другой. Согласно А.В. Суперанской, можно говорить о существовании *трех основных признаков, разграничивающих онимы и апеллятивы*, даже в тех случаях, когда граница между ними неясна: а) имя дается индивидуальному объекту, а не совокупности объектов; б) объект, получивший индивидуальное имя, всегда четко определен; в) имя, непосредственно не связанное с понятием, не имеет на уровне языка четкой и однородной коннотации (Суперанская 1973: 324).

¹ *Коннотоним* – имя собственное, с помощью которого «переносно» именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством имени нарицательного, апеллятива (Отин 2006: 11, 13). В настоящей работе синонимом к термину «коннотоним» выступает термин «*полуантропоним*» – К.А. Согласно М.Я. Блох и Т.Н. Семеновой, «...лексико-грамматическая оппозиция «имя личное – имя нарицательное» нередко подвергается не нейтрализующему стяжению, а транспонирующей деформации...В отличие от нейтрализации, транспозиция категориальных форм высвечивает стадийный (процессуальный) характер разрешения противоречий между противочленами, что находит выражение в приобретении транспонированным членом смешанных категориальных признаков» (Блох, Семенова 2001: 152-153).

Онимы отличаются от апеллятивов своим многофункциональным потенциалом (Никитина 2006: 5): см. об этом подробнее § 1.1.3.

1.1.2. Имя собственное в структуре художественного текста

В настоящее время одним из приоритетных ракурсов рассмотрения и изучения ономастической лексики является *поэтическая ономастика*, или иначе – *ономапоэтика*, сосредоточенная именно на лингвистическом ракурсе изучения специфики ономастических единиц и закономерностей их функционирования в художественном тексте. В научной литературе за исследованиями подобного рода в лингвистике еще не закрепилось единого определения, поэтому термины «*поэтическая (литературная) ономастика*», «*стилистическая (литературно-художественная) ономастика*» (Фомин 2009: 57), «*поэтонимология*», «*поэтика онима*» (Калинкин 2006: 81–88) употребляются как синонимичные. При этом предметом поэтической ономастики являются «не собственные имена как таковые, а их специфическая трансформация – *поэтонимы*», то есть речь идет исключительно об именах в литературных произведениях, в художественной речи, а не в языке.

Для обозначения объекта поэтической ономастики в разное время предлагались следующие термины: «*литературный оним*» (О.И. Фонякова), «*поэтическое имя*» (Н.В. Подольская), «*фиктоним*» (А.В. Суперанская), «*поэтоним*» (В.М. Калинкин, Н.В. Подольская). В диссертационном исследовании мы придерживаемся точки зрения исследователя В.М. Калинкина, согласно которому «поэтоним обозначает не реальный, а существующий в сознании автора и воспринимающийся читателем художественный образ человека или объектов, обладающий коннотациями и служащий выражению авторской оценки, реализации художественного замысла писателя» (Калинкин 2008: 97). В данной работе термин «*поэтоним*» подразумевает под собой любое имя собственное в художественном тексте (в том числе – антропонимы, топонимы и др.).

Сущность поэтонима раскрывается в ряде его основных свойств и признаков. Укажем наиболее существенные особенности поэтического имени:

- 1) поэтоним вторичен по отношению к реальной онимии (эти номинативные единицы выступают как знаки, вторично примененные с намеренно заданной целью – художественное изображение особого мира в произведениях автора);
- 2) поэтоним обладает динамической семантической структурой: имена собственные в контексте текстового материала способны приобретать особые оттенки значения, менять свой исходный план содержания;
- 3) поэтоним предполагает бесконечность интерпретаций, поскольку определен авторской моделью мировидения и читательской рефлексией.
- 4) поэтоним концентрирует в себе конкретную коммуникативную ситуацию и мировой художественный опыт (литературное имя «стягивает» все фоновые знания как автора, так и читателя, выполняя роль ключевого слова в семантическом поле текста).

Исходя из вышеперечисленного, уточним определение поэтонима, предложенное В.М. Калинкиным: поэтоним – это вторичное по отношению к обычной онимии ключевое слово в авторских художественных текстах, которое служит для именованья денотатов и обладает способностью семантизироваться, то есть менять исходный план содержания и приобретать контекстуально обусловленные оттенки смысла.

На фоне словесного материала в окружении «ближайшего» и «общего контекста» онимы приращивают речеконтекстные, ассоциативные и фоновые значения (Воронова 2000: 3), то есть в условиях художественной коммуникации поэтонимы участвуют в *генерализации импликациональных сем имени* (суггестивность поэтонимов).

Приведенное определение может быть дополнено указанием на функции имен собственных в художественных текстах (в нашем случае – в индивидуально-авторском дискурсе Веры Полозковой).

1.1.3. Функционирование поэтонимов в художественном тексте

Основной и первичной функцией имен собственных в языке в целом и в художественном тексте, в частности, мы считаем номинативно-идентификационно-дифференцирующую функцию.

Некоторые исследователи полагают, что языковые (денотативные) функции онимов в художественном тексте становятся вторичными (Карпенко 1983, Фоякова 1990, Калинин 1999). В литературной ономастике рассматриваются два дополняющих друг друга направления. Одно из направлений опирается на лингвистику текста (Фоякова 1990; Супрун 1998, 2000; Васильева, Хенгст 2003), где основной функцией имени собственного выступает **текстообразующая**, проявляющаяся на уровне макроконтекста. Имена собственные в художественном тексте, выступая в качестве ключевых слов, формально и содержательно организуют текстовое пространство, обеспечивают цельность, связность, завершенность. При данном подходе, как замечает И.В. Крюкова, активно используется прием количественных подсчетов (Крюкова 2004: 14).

Другое направление исследований функций имен собственных в художественных текстах идет от основных положений поэтики и стилистики (Виноградов 1954; Карпенко 1986; Калинин 1999). Основная функция получила название **стилистической**, или **поэтической**, что указывает на задачу исследования выразительных возможностей имен собственных. Следует подчеркнуть, что такой подход, с точки зрения И.В. Крюковой, является менее формализованным и позволяет осветить выразительные возможности имен (Крюкова 2004: 14). Именно поэтому квантитавный фактор перестает быть главным. Однократно употребленное в тексте имя сохраняет свои основополагающие свойства и способно оказывать влияние на весь текстовый материал в целом. Стилистическая функция проявляется на уровне микроконтекста. В рамках стилистической функции выделяется две подфункции:

- 1) **информационно-стилистическая** – функция, проявляющаяся в способности имени выступать в речи выразительным характеризующим средством, несущим разнообразную информацию о расположении объекта, о его

свойствах, о ситуации. Эта подфункция включает в себя характеристики объекта, персонажа и среды обитания;

- 2) **эмоционально-стилистическая** – функция, проявляющаяся в способности имени эксплицитно выражать чувства автора и формировать эмоциональное отношение к изображаемому.

Иными словами, поэтонимы – важный смысло- и стилеобразующий параметр информационного пространства произведения (они способствуют адекватному восприятию и интерпретации самого авторского текста). В силу этого ведущей функции поэтонима становится именно **стилистическая (поэтическая)**: в художественной литературе имя собственное «сохраняет свою номинативную (дифференциальную) функцию, но она перестает быть главной» (Карпенко 1986: 37). Данный факт обусловлен и спецификой языка самой художественной литературы (поэтический язык). Сущность поэтического языка проявляется в особой **стилистической функции**, когда язык сам по себе предстает как модус действительности, формирующийся вторичной мотивированностью прямых значений языкового знака (Винокур 1991: 28, 55). По В.В. Виноградову, **стилистическая функция** понимается как «форма творческого познания мира» (Виноградов 1971: 27–28), в рамках которой каждый языковой знак участвует в репрезентации процесса художественно-образного мышления. Поэтонимы в нашем случае – не исключение. Посредством поэтонимов автор ориентирует реципиента в пространстве текста, где литературные имена собственные связаны с затекстовыми ассоциациями, сосуществующими в тесной связи с культурно-историческим содержанием. Согласно О.И. Фоняковой, **стилистическая функция** становится доминирующей, если имя собственное функционирует в парадигме художественного текста: **стилистическая функция** – гиперфункция, где в качестве составных компонентов выделяются темпоральный, локальный и культурно-исторический, которые могут проявляться в большей или меньшей степени (Фонякова 1990: 24).

На этом основании В.И. Супрун выделяет *три способа онимоупотребления в пространстве художественного текста*: имя собственное как: а) смысловая вежа; б) фон повествования; в) факультативный элемент, обуславливающий эстетическую нагруженность и особенности функционирования онимов разных разрядов (Супрун 2000: 9).

Таким образом, *поэтоним* в поэтическом тексте – это «*лингвокультурема*» (Воробьев 1997: 39), иначе – *прецедентное имя, комплекс многослойной культурологической информации*, выполняющий роль текстообразующего средства и играющий «существенную роль в раскрытии иерархии выраженных в произведении образов и идей» (Арнольд 1978: 23). Имена собственные участвуют и в формировании *лингвокультурной компетенции*, которая, в свою очередь, позволяет реконструировать особенности конкретной языковой личности автора (в лингвокультурную компетенцию языковой личности входит знание прецедентных текстов культуры, облигаторных произведений искусства, то есть известных каждому носителю языка явлений литературы, живописи, скульптуры, музыки и т.д.).

1.1.4. Оним как ключевой тип прецедентных феноменов

Одним из распространенных *типов прецедентных феноменов является имя собственное*. По справедливому замечанию Е.А. Нахимовой, «центром категории прецедентности вполне может быть признано прецедентное имя, при помощи которого нередко обозначаются прецедентные тексты, прецедентные ситуации» (Нахимова 2007: Эл. ресурс). Обращение к прецедентным именам собственным – прием, который, согласно исследователю, «позволяет ярче представить позицию автора, привлечь внимание к историческим и литературным параллелям, усилить прагматическое воздействие текста» (Там же: Эл. ресурс).

Проприальные единицы, подобно прецедентным феноменам, являются одной из важнейших опор на пути успешного коммуникативного взаимодействия, обеспечивающего совпадение пресуппозиций коммуникантов, и способствуют выполнению авторской интенции:

- онимы – маркер принадлежности языковой личности к определенному социально-культурному сообществу (Кузнецова 2002: 3);
- онимы, органично внедряясь в текст, в значительной мере расширяют его границы;
- онимы выступают в качестве прецедентных единиц, устанавливая связь с другими источниками или культурным контекстом в целом.

В настоящем исследовании все онимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой делятся на две группы: прецедентные и непрецедентные.

Существует несколько концепций понимания прецедентного имени. С точки зрения А.В. Суперанской, прецедентное имя «складывается на основе образа, который абстрагируется от человека, реального, живущего среди нас, жившего ранее, или придуманного автором какого-либо произведения» (Суперанская 2007: 367). Согласно Д.Б. Гудкову, «статусом прецедентных обладают те индивидуальные имена, которые входят в когнитивную базу: то есть инвариантное представление обозначаемого, или «культурного предмета» является общим для всех членов лингвокультурного общества. Они связаны или с широко известным текстом, или с ситуацией, известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Гудков 1991:71). По Е.А. Нахимовой, «прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» (Нахимова 2007: Эл. ресурс). Прецедентные имена в контексте целого художественного текста чаще всего выступают как сигналы соответствующих прецедентных текстов, литературных образов, ситуаций, закрепленных сюжетом и отражающих в когнитивной базе феноменологический прецедент.

Прецедентные имена собственные относятся к категории вербальных прецедентных феноменов и образуют ее ядро. Они – самая многочисленная группа, характеризующаяся высокой степенью прецедентности, так как имеют в

своем составе широко известные или легко узнаваемые единицы и могут занимать сильные позиции текста, выполняя заголовочную функцию.

Однако *когнитивные феномены, знания и представления неоднородны по своему происхождению, структуре, степени обобщенности, известности другим людям* и по многим другим параметрам.

Данное положение обусловлено тем, что языковая личность может быть включена в разные коллективные пространства: каждый человек как носитель сознания и языка может выступать в нескольких ипостасях: 1) как индивидуум со своим собственным сознанием, объемом памяти, лексиконом; 2) как член определенного социума, имеющий представления, ценностные ориентации и средства их обозначения; 3) как представитель некоего лингвокультурного сообщества, владеющий знаниями об общем для всех членов данного сообщества наборе культурных фактов; 4) как представитель рода человеческого, обладающий знаниями, представлениями, общими для всех людей.

Озвученным положением и обусловлена необходимость выделения *нескольких уровней прецедентности* (Красных 1997: 63):

- *социумно-прецедентные феномены* известны любому среднему представителю того или иного социума, входят в коллективное когнитивное пространство, могут не зависеть от национальной культуры; феномены, являющиеся общими для людей одной профессии, семьи и т.д.;
- *национально-прецедентные феномены* известны любому среднему представителю того или иного национально-культурного сообщества, входят в когнитивную базу;
- *универсально-прецедентные феномены* известны любому среднему homo sapiens, входят в «универсальное» когнитивное пространство».

Д.Б. Гудков предлагает выделять, помимо вышперечисленных типов, еще так называемые *«автопрецеденты»*, представляющие собой «отражение в сознании индивидуума некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для

данной личности и связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды» (Гудков 1999: 25).

Итак, на основе существующих концепций прецедентного имени в рамках настоящего исследования к числу прецедентных мы относим все поэтонимы, антропонимы на диахронном срезе жизни поэта, топонимы и часть прагматонимов (алконимы). Мы придерживаемся **широкого подхода, или дискурсивного**, в определении степени прецедентности. В качестве существенных признаков прецедентных имен собственных мы рассматриваем: а) регулярную воспроизводимость соответствующих имен в текстах (Кушнерук 2004); б) неденотативное использование имени в функции культурного знака (Нахимова 2007, 2009, 2010). Последний признак обуславливает трактовку последних именно как культурных маркеров, лингвокультурем.

Важно учитывать тот факт, что функционирование прецедентных имен в разных видах дискурса имеет существенную специфику. В частности, в настоящем диссертационном исследовании в рамках индивидуально-авторского дискурса ведущим критерием следует считать неденотативное использование имени.

При определении степени прецедентности антропонимов мы также учитывали темпоральный критерий, так как в поэтическом дискурсе Веры Полозковой имена известных поэтов, писателей, политиков, художников, музыкантов и др. используются в контексте настоящего времени, что предопределяет «неденотативность речевого смысла соответствующих антропонимов» (Нахимова 2011: 80). Временная дистанция накладывает отпечаток не только на узнаваемость имен, но и на то содержание, которое несет в себе каждое отдельное прецедентное имя.

С позиции диахронии также можно выделить несколько типов прецедентных имен: согласно В.В. Красных, существуют «бессмертные», «сохраняющиеся-изменяющиеся», «умирающие» и «рождающиеся» прецедентные единицы (Красных 1997: 63). Между выделенными типами существуют определенные отношения, в результате которых эти имена меняют

степень своей прецедентности. В рамках классификации Н.А. Кузьминой можно выделить две группы текстов: «сильные тексты» (литературная классика, религиозные книги, имена и события, надолго остающиеся в народной памяти) и 2) «ключевые тексты текущего момента» (реклама, шлягеры, телесериалы, политические и рекламные слоганы) (Кузьмина 2004).

При этом восприятие лингвистического и экстралингвистического содержания прецедентных имен языковой личностью реципиента зависит от лингвокультурной компетенции носителя языка, и в частности – от ономастических представлений участников коммуникации (*ономастическая компетенция*).

Таким образом, поэтонимы, являясь маркером феномена прецедентности, становятся составной частью межтекстовой компетенции языковой личности реципиента. Они включаются в диалог автора не только с читателем, но и со всей современной и предшествующей культурой, поскольку в силу емкости и информативности оказываются знаками различного рода включений (аллюзий, реминисценций, прецедентных феноменов).

При определении *степени прецедентности* имен собственных в поэтических текстах Веры Полозковой мы обращались к словарным материалам В.А. Козырева, А.Ю. Пентина, В.Д. Черняк «Русская история и культура в именах и названиях» (Козырев, Пентина, Черняк 2014), где такие имена, как И.А. Бродский, П.П. Бажов, И.А. Бунин, М.И. Цветаева отнесены к прецедентным.

Итак, большая часть имен собственных в поэтическом дискурсе поэта представляет собой прецедентные феномены: функционируя в качестве свернутого компрессивного текста (Гурская 1996: 53–59; Фомин 2003: 167–181), они актуализируют потенциал культурно-исторических знаний, сознательно пробуждаемых автором и создающих ассоциативно пространственно-временной континуум» (Бабенко, Васильев, Казарин 2000: 137). Иными словами, семантика поэтонимов трансформируется до объемов текста, в котором содержится сжатая до предела информация, обладающая способностью для дальнейшего

развертывания (Кубрякова 2001: 72–81): именно они организуют *семантическое пространство текста*, являясь его необходимыми атрибутами.

1.2. Ономастикон как семантическая категория

Термин «ономастикон» употребляется давно и носит интернациональный характер (Caetani, Gabriell 1915; Зволинськи 1975). Однако он не относится к общепринятым, распространенным и обязательным терминам современной лингвистики. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть различные подходы к определению термина «ономастикон».

В коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» ономастикон определяется как справочник личных имен, прозвищ, фамилий, топонимический список и словарь (Теория... 1986: 200).

Согласно Л.П. Ефановой, под термином «ономастикон» следует понимать «лексикографический свод проприальных имен разных разрядов как в широком смысле (страны, региона, области), так и в более узком – онимы отдельной деревни, сельсовета, церковного прихода» (Ефанова 2001: 441). Важное дополнение к изучаемому нами понятию дает исследователь Т.Б. Кузнецова: «...Ономастикон является не хаотическим скоплением имен собственных, а являет собой гармонично организованную полевую систему, подчиненную определенным законам построения ономастического пространства, подразумевающей наличие ядра и периферии. Этнолингвистическая информация, сохраняемая в онимах разных видов (антропонимах, топонимах, зоонимах), позволяет создать целостное представление о неповторимой национальной и духовной культуре создателей и носителей ономастикона» (Кузнецова 2005: 10).

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской указанная дефиниция используется в двух значениях: 1) ономастикон – это словарь или список любых собственных имен, составленных обычно отдельно для разных категорий онимов, в частности антропонимикон, топонимикон, с лингвистическими и экстралингвистическими объяснениями; 2) ономастикон –

репертуар собственных имен данного этноса, данного социума, для данного периода (Подольская 1978: 98).

С этим определением полностью согласен Д.Б. Луговой, который считает, что «ономастикон, достаточно определенный существенный признак конкретного этноса, является воплощением национального в языке, составной частью национальной культуры» (Луговой 2003: 4). Кроме того, информация о психоментальной структуре ономаста (народ – создатель и носитель ономастикона), имплицитно представленная в онимах, может быть вычленена из самого ономастического материала через выявление предпочтений в именовании, классификацию отобранных смыслов и их сочетаний (Там же 2003: 8).

Во втором значении термин «ономастикон» совпадает с понятием «онимии». Под «онимией» понимается совокупность онимов (Подольская 1988: 95). Термин «онимия» является собирательным для топонимии, антропонимии, теонимии и других секторов ономастической, или онимической лексики. На подобную терминологическую вариантность обращает внимание Т.В. Шмелева (Шмелева 2000: 27). Дело в том, что, с точки зрения исследователя, ономастикон занимает факультативное положение в системе ономастической терминологии, так как в своем значении «состав имен собственных» оказывается в синонимическом ряду онимы, онимия и ономастика (Там же 2000: 27).

Иного мнения придерживается А.К. Матвеев, согласно которому, ономастический бинот «ономастика – онимия» порождает ряд проблем, связанных с созданием производных и вторичных образований (Матвеев 2005:8).

Однако, вопреки возникающим противоречиям и спорам о номинативной необходимости термина «ономастикон», Т.В. Шмелева высказывает мнение, что в анализируемом терминологическом гнезде все-таки можно увидеть основания для упорядочивания, а значит устранения дублетности. Она разграничивает имеющиеся термины следующим образом: оним / онимы – имя / имена собственные; онимия – совокупность имен собственных; ономастикон – описание / словарь имен собственных; ономастика – наука об именах собственных. Исследователь объясняет, что для терминологии характерна многозначность

«языковое явление – его описание – наука о нем», поэтому неудивительно, что ономастиком называют и совокупность имен собственных, и их описание в виде словаря или списка (Шмелева 2000: 27–28).

Стоит заметить, что, хотя термин «ономастикон» не имеет многолетней традиции, многие лингвисты используют данную дефиницию в своих работах. Более того, в словаре Н.В. Подольской дается ряд терминов, построенных по модели *ономастикона*, представляющих собой продукт терминовтворчества ономастов: антропонимикон, зоонимикон, ойконимикон, оронимикон, топонимикон и т.д. (Подольская 1978: 98). В последние годы стали появляться научные исследования, посвященные изучению ономастикона отдельного региона или края (Луговой 2003, Кузнецова 2005, Намитокова 2005), а также ономастикона отдельного литературного произведения (Лебедева 2006, Ахметзянова, 2009), дискурса (Блинова 2007, Кирпичева 2007, Казяба 2013). В силу этого вполне закономерно говорить об анализе функционала ономастикона определенного дискурса (например, политического, педагогического, а в нашем случае – поэтического).

Тенденцией последнего времени стало рассмотрение имени собственного как свернутого национально-культурного текста, что позволяет квалифицировать ономастикон как «...аксиологическую шкалу, мифологизацию, героизацию, идеализацию, концептуальные установки субъекта, в конечном счете, духовный стиль эпохи» (Ефанова 2002: 56). При всем этом становится понятно то, что функционально-эстетическая ценность имен собственных проявляется в организации пространства художественного текста: так, В.В. Виноградов, разрабатывая теорию поэтической речи, отмечал, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях...очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» (Виноградов 1963: 38).

Отбор и включение проприальной лексики в текстовое пространство – процесс целенаправленный, служащий выражению авторских интенций. По

наблюдению Ю.Н. Тынянова, «каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое оно способно» (Тынянов 1929: 27). По своему предназначению они являются неотъемлемым компонентом семантико-стилистической системы словоупотребления автора. Они органично и мотивированно вливаются в систему языковых средств художественного текста, участвуют в создании общей образности произведения, входят в состав словаря автора как важный показатель его стиля. Именно они организуют особое *семантическое пространство текста* (Бабенко 2004: 101), являются его необходимыми атрибутами, выполняя текстообразующую функцию. Под «ономастикомом» текста (термин В.Н. Топорова (Топоров 1997: 455–515)) понимается комплекс имен собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа / автора в данный период для именованя реальных, гипотетических и фантастических объектов (Подольская 1978: 104).

В настоящем исследовании ономастикон представляет фрагмент индивидуально-авторской картины мира автора, поэтому он включает в себя онимы определенного класса, образующие *онимические поля* (Подольская 1988: 95), а также отонимные и имплицитные образования, репрезентирующие авторское мировидение (поэтический цикл Веры Полозковой «Индия» рассмотрен во II главе).

При этом описание и анализ собственных имен невозможны без определенной классификации, которую следует рассматривать «...как своеобразную платформу автора», специально вводимую для более четкого разграничения явлений» (Суперанская 1973: 148). Вопрос о содержании ономастического пространства и истории формирования классификаций ономастических единиц подробно освещен в монографии А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного» (1973). В монографии А.В. Суперанской подробно рассмотрена и история вопроса.

Первая классификация реалий, «вещей, способных иметь имена» (Там же: 141), принадлежит *Аристотелю*, который выделял категории, или предикаменты: *Substantia, Quantitas, Qualitas, Relatio, Actio, Passio, Quando, Situs, Habitus*.

Дж. С. Милл отмечал непоследовательность аристотелевской классификации, так как «...одни вещи (умственные и психические восприятия и проявления) в них пропущены, а другие допускают возможность включения в разные рубрики» (цит. по: Суперанская 1973: 141). Дж. С. Милл выделял *вещи существующие* и *несуществующие*. Вещи, которые могут иметь имена, он делил на: 1) чувства, куда включаются мысли, эмоции, чувственные восприятия, волеизъявления; 2) субстанции, вызывающие эти чувства; 3) атрибуты, делящиеся на качества, количества и отношения, основаны на чувственном восприятии.

Немецкий германист *А. Бах* (1993) делит собственные имена в соответствии с обозначаемыми объектами на следующие категории: 1) имена живых существ; 2) имена местностей, городов, космических и астрономических объектов, средств передвижения, произведений изобразительного искусства; 3) имена учреждений, обществ; 4) имена музыкальных мотивов и произведений; 5) имена литературных произведений; 6) имена танцев, игр, действий.

На основе критериев А.Баха *А.В. Суперанской* предлагается предметно-номинативная классификация, в которой содержится обозначение классов называемых объектов и соответствующие им ономастические разряды: люди – антропонимы, географические объекты – топонимы, растения – фитонимы и т.д. Анализируя ономастическое пространство в целом, А.В. Суперанская выделяет (Там же 1973: 144–145): 1) *реально существующие имена*; 2) *объекты, созданные фантазией людей, или имена вымышленных предметов*; 3) *объекты, существование которых предполагается, но еще не доказано*; 4) *объекты, созданные творчеством художника*. Каждая из этих групп подразделяется на несколько разрядов. Так, к *реально существующим объектам* относятся: *антропонимы* (обозначения людей в связи с их различными характеристиками); *зоонимы* (народные названия животных); *фитонимы* (народные названия растений); *анемонимы*¹ (собственные имена ветров, сезонов, стихийных бедствий); *космонимы*, *астронимы*, *астротопонимы* (общепринятые обозначения частей небосвода и небесных тел,

¹ Термин Н.В. Подольской (Подольская 1978: 29).

зоны космического пространства, небесные тела и их части¹); **хрононимы** (общепринятые обозначения времени, точки и отрезки времени, а также, по версии Н.В. Подольской, собственные имена отдельных праздников, мероприятий, кампаний² (Подольская 1978: 162)); **эргонимы**³ (собственные имена комплексных объектов – названия учреждений, предприятий, обществ, в том числе транспортных средств); **общие обозначения видов произведений искусства** (имена-названия литературных, музыкальных, сценических, кинематографических, живописных, скульптурных произведений⁴); **общие обозначения типов периодических изданий; документонимы** (общие обозначения документов и их видов); **хремотонимы** (общие обозначения различных предметов); названия марок и сортов изделий, моделей машин, образцов товара, или **товарные знаки**.

Относительно последних следует сделать уточнения: по своим лексическим характеристикам они похожи на номены (обширный и разнообразный класс слов, относящийся к номенклатуре)⁵, а также на сортовые и фирменные названия. Однако их отличие от номенов лежит в сфере применения. Если номены – это слова, обозначающие предметы, с которыми имеет дело наука и техника, то товарные знаки – это слова, обозначающие предметы, которые поступают к потребителю» (Суперанская 1978: 211–212).

Важным в классификации А.В. Суперанской является тот факт, что каждый из разрядов допускает дальнейшую спецификацию. Так, топонимы

¹ А.В. Суперанская дает следующие пояснения относительно данных разрядов: «Термин космоним является общим, включающим название галактик, звездных скоплений, созвездий. А термин астрономия может быть закреплен за названиями конкретных звездных тел: звезд, планет, комет» (Суперанская 1973: 176).

² Отличие последних от хрононимов состоит в том, что они «приурочены к определенной точке или отрезку времени, а названия мероприятий – к процессам, происходящим в определенное время. От названий праздников и других торжеств их отличает нерегулярность... Они именуют действия, производимые какой-либо организацией, а не саму организацию как учреждение, имеющее место для своего действия и состоящее из людей и оборудования... Неточная цикличность не позволяет использовать их в качестве регулярных хрононимов» (Там же: 200).

³ Термин Н.В. Подольской (Подольская 1978: 166).

⁴ «Это особая область, которую, в отличие от хремотонимов, едва ли можно считать предметной... Названия произведений искусства – образуют свои специфические ряды со своими характерными признаками» (Суперанская 1973: 201).

⁵ «...Номены отличаются от собственных имен своей коннотативностью и тем, что одно название дается всем особям, конституирующим данную единицу, а не каждой особи в отдельности. Номены отличаются от терминов тем, что термины обязательно понятийны... в то время как для номенов строгая понятийность не обязательна» (Суперанская 1978: 210).

(общепринятые обозначения форм рельефа, водных объектов, поселений) могут подразделяться на разновидности по типу называемого предмета, объекта: **оронимы** (собственные имена гор и прочих возвышенностей), **гидронимы** (названия всех водных объектов), **ойконимы** (названия населенных пунктов), **урбанонимы** (названия улиц и других мелких объектов внутри населенных пунктов), **дромонимы** (названия путей сообщения и маршрутов), **спелеонимы** (названия пещер, гротов, и целых подземных систем), **дримонимы**¹ (названия лесных массивов), **пелагонимы** (названия морей), **лимнонимы** (названия озер), **гелонимы** (названия болот), **потамонимы** (названия рек), **астиионимы** (названия городов), **хорионимы** (названия сельских поселений), **хоронимы** (названия больших областей – географических, экономических, исторических).

К **объектам, созданным фантазией людей, или именам вымышленных предметов**, А.В. Суперанская относит **мифонимы** – именованья людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов, в действительности никогда не существовавших.

Мифонимы по своим основным функциям номинации и дифференциации тяготеют к антропонимам, но денотаты этих имен собственных локализованы в разных измерениях – вымышленном и реальном. Известно, что имя собственное – слово, закрепленное за данным объектом; непосредственной понятийной соотнесенности оно не имеет (Суперанская 1973: 96). Однако имена мифологических персонажей, пришедшие к нам из глубокой древности, индивидуализированы, вследствие чего требуется устранение некоторых терминологических противоречий, связанных как с дефиницией самого понятия «мифоним», так и с классификацией мифологической лексики. В определении, предложенном А.В. Суперанской, дифференцирующим признаком является вымысел, то есть несоответствие актуализированной действительности. Н.В. Подольская в 1-ом издании «Словаря русской ономастической терминологии» (Подольская 1978: 124–1 25) приводит спорное определение мифонима, включая

¹ А.В. Суперанская отмечает то, что **дримонимы** могут условно включаться в состав топонимов, так как «участвуют в формировании географических имен» (Суперанская 1973: 186).

теонимы (разновидность мифонима, собственное имя божества в любом пантеоне (Подольская 1978: 131)) для верующих людей никак не относятся к сфере вымышленного. С другой стороны, не включены в терминологическую иерархию мифонимов **агионимы** – имена святых. Рассмотрение агионимов отдельно от теонимов обусловлено тем фактом, что, как правило, канонизируются личности реальные, исторические, то есть агионимом становится имя собственное (антропоним). Однако агионимы, наряду с теонимами, входят в обиход церковной лексики, примыкают к теонимам и принимают на себя часть их функций, что в свою очередь обуславливает их включение в состав теонимов. Однако во 2-м издании словаря Н.В. Подольская уточняет толкование теонима в предшествующем издании: «теоним – собственное имя божества в любом пантеоне» (Подольская 1988: 124).

К *объектам, существование которых предполагается, но еще не доказано* исследователь относит *гипотезионимы*. Имена гипотетических объектов занимают промежуточное положение между номинациями реально существующих и вымышленных объектов, «поскольку те, кто их употребляет, уверен в наличии их денотатов, а последних в действительности нет... Имена гипотетических объектов не могут относиться ни к объектам (поскольку существование последних не доказано), ни к образам (потому что последние варьируют в чрезвычайно широком диапазоне и не обладают конкретностью)» (Суперанская 1973: 143).

*Объекты, созданные творчеством художника, – фиктонимы*¹. Отметим, что данный термин упоминался только в монографии А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного» (Там же 1973), однако не получил распространения в российской и славянской ономастике, о чем свидетельствует его отсутствие в существующих ономастических словарях (Подольская Н.В (1988) и др. Не используется он и в исследованиях, посвященных анализу имен собственных, употребляющихся в художественных текстах. Для обозначения подобных онимов

---

¹ «**Фиктонимы**» – имена, употребляющиеся в художественных произведениях (имена героев произведений литературы и искусства, названия мест действия) (Суперанская 1973: 145).

в ономастике используется синонимичный термин *«поэтоним»* (поэтическое имя), который мы используем в рамках настоящего исследования.

Поэтонимы рассматриваются как особые языковые средства порождения новых смыслов. Наряду с заглавием, они «вмещают в себя в свернутом виде богатые возможности для раскрытия, развертывания широкого круга познавательного и эмоционально-оценочных аспектов, содержащихся в прецедентном тексте...» (Караулов 2006: 225), являются «концентрированным «сгустком» сюжета текста, вошедшего в литературную историю» (Фатеева 2006: 150). В отличие от других типов проприальных единиц, поэтические имена выполняют метатекстовую функцию, так как их интерпретация в большинстве случаев зависит от знания читателем претекста: «при восприятии названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или имени автора актуализируется ... весь прецедентный текст» (Там же 2006: 218). Имя собственное служит «не только обозначением художественного образа», но и актуализирует «все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом» (Там же 2006: 55). Это «основные» единицы подтекстового уровня, так как этот уровень могут составлять другие виды эксплицитных поэтонимов: название произведения, цитаты из текста, имя персонажа или имя автора. Иными словами, поэтонимы в смысловом отношении «оттенены» в текстовом фрагменте к периферии, актуализирующей в сознании реципиента нужные автору смыслы.

Таким образом, в соответствии с обозначаемыми объектами, имена, входящие в ономастическое пространство, условно можно разделить на два сектора: 1) *реальная онимия*; 2) *не-реальная онимия*.

К тому же, согласно тенденциям современного культурного сознания, в настоящее время наблюдается некий «онимический взрыв»: «взрывообразный рост числа объектов, требующих собственных имен, вызывает увеличение ономастикона... и расширение диапазона ономастической техники, или языковых средств производства онимов» (Шмелева 2006: 6). Происходит качественный сдвиг в ономастическом пространстве русского языка, обусловленный тем, что имена собственные стали получать не просто единичные объекты какого-либо

класса действительности (люди, растения, города и т.д.), но и особые реалии, предназначенные для продажи в массовом порядке, то есть товары повседневного спроса и потребления. Подобные онимы, подчиняясь общим законам языка и ономастической природы номинации, стали обладать специфическими признаками в своей семантической структуре и функциональными особенностями, которые были продиктованы экстралингвистическими факторами – торговлей, производством и взаимодействием трех типов социальных групп людей – производителями, продавцами и покупателями товаров массового спроса. В рамках лингвистической теории языковое оформление имен собственных товаров породило понятие *прагматонима* (Комолова 1974), или *прагмонима*, соответствующее маркетинговым реалиям «бренд», «торговая марка» и «рекламное имя» (Крюкова 2005: 212).

В рамках настоящего диссертационного исследования мы придерживаемся понятия «прагматоним» как словесного обозначения конкретной марки товара, а также синонимичного ему «словесного товарного знака»¹. Употребление перечисленных дефиниций обусловлено их структурным соответствием ономастической терминологии (ср.: антропоним, топоним, мифоним и др.).

Согласно определению «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, *товарный знак* – словесное обозначение марки товара, в равной степени относящееся к каждому экземпляру в данной серии и ко всей серии в целом (Подольская 1988: 127). Под *прагматонимами* исследователь понимает все собственные имена, денотаты которых относятся к прагматической сфере деятельности человека.

К современным товарным знакам, как правило, относят: 1) торговые названия товара, в том числе и фирменные; 2) вывески гостиниц, ресторанов, парикмахерских, поездов, магазинов и т.д. При этом торговые названия включают в себя любые названия, под которыми товары поступают в сеть. В связи с этим следует отметить сходство понятий товарный знак и фирменное название.

---

¹ Термины «*прагматоним*», «*словесный товарный знак*» и «*фирменное название продукции*» в рамках настоящего диссертационного исследования мы употребляем как синонимичные. – К.Е.

По определению А.В. Суперанской, фирменное название продукции – название, данное фирмой, ее выпускающей, независимо от того, имеет ли данная продукция другие названия, фирменные или общепринятые. Часто фирменное название продукции (частично или полностью) совпадает с названием самой фирмы (Суперанская 1978: 23). При этом сама А.В. Суперанская считает, что сортовые и фирменные названия продукции не следует отождествлять с товарными знаками, поскольку первые занимают промежуточное положение между именами собственными и нарицательными, а товарные знаки близки к ним по своим лексическим характеристикам (Суперанская 1973: 193, 211). Четкого демаркационного критерия между фирменными названиями и товарными знаками она не указывает.

Е.Р. Березникова рассматривает товарный знак как разновидность фирменного названия (Березникова 1978: 49). Однако, по ее мнению, необходимо отличать фирменное название от названия самой фирмы: «Название фирмы соотносится с индивидуальным, единственным в своем роде предметом – определенным предприятием, при этом связь его с предметом условна и непонятна» (Там же 1978).

В рамках настоящей работы представляется целесообразным не проводить разграничение между словесным товарным знаком и фирменным названием, поэтому предлагается рассматривать их в качестве единого класса имен.

Лингвистическое изучение имен товаров началось сравнительно недавно, поэтому словесные товарные знаки (прагматонимы) являются одной из наименее изученных групп лексики естественного языка (Леонович 1994: 88). Не существует и единого мнения по вопросу включения прагматонимов в ономастическое пространство. Так, А.В. Суперанская отказывала товарным знакам в статусе имен собственных. В своих ранних работах по ономастике исследователь относил товарные знаки к категории «*infima species*», то есть к группе полностью однородных предметов, далее логически неделимых, в противопоставлении именам собственным, которые характеризуются тесной связью с единичным конкретным объектом и отсутствием соотнесенности с

классом объектов (Суперанская 1978: 32–33). Однако в более поздних работах ономаст признает товарные знаки именами собственными, отмечая при этом тот факт, что им присущи лексические свойства как имен собственных, так и имен нарицательных. Сам вопрос о статусе прагматонимов возникает по той причине, что, в отличие от антропонимов и топонимов, которые называют отдельные объекты, словесный товарный знак – имя, которое дается сразу целой серии объектов.

Ряд исследователей рассматривает словесные товарные знаки как разновидности номенклатуры и в этом качестве сравнивает с терминами и номенклатурными обозначениями...» (Теория ... 1986: 32). В частности, отмечается родство коммерческой и научной номенклатур на основании наречения ими обобщенного предмета как типичного представителя именуемого класса. Условный и привязанный к термину технический номен характеризуется как имеющий ослабленную связь с понятием, тогда как коммерческий номен практически не имеет последней (Суперанская 1989: 35). Такое понимание базируется на отнесение номенклатуры к низшему виду терминологии, выполняющей лишь этикетирующую функцию, то есть называющей предметы и выделяющей их из ряда подобных. Номенклатурное наименование, заимствованное из бытовой лексики, в этом случае теряет свою связь с понятием, не приобретая связи с новым, тогда как термин не разрывает семантических связей с исходной лексической единицей, сохраняя в значении терминологического лексико-семантического варианта слова тождественные семы (Гаврилина 1990: 33). Существует мнение, что номенклатурные обозначения, как и термины, не употребляются в разговорной речи, будучи инородными элементами (Сердобинцева 1990: 125), тогда как одним из свойств коммерческого имени является его распространенность, а также высокая частотность в пределах данного языкового коллектива.

Л.М. Щетинин на Второй московской ономастической конференции (1981 г.) назвал товарные знаки «самым продуктивным разрядом современных онимоподобных речевых образований» (Теория... 1986: 29).

В последнее время все чаще применительно к номинациям фирм и товаров употребляется еще один термин – «бренд». Само это понятие известно давно, хотя его природа претерпела значительные изменения. Традиционно бренд был символом продукции. В настоящее время названия брендов используются для определения продукции и услуг конкретного поставщика, выделения его из числа конкурентов, предлагающих аналогичные товары.

Таким образом, можно утверждать, что брендом является «не сам товар, а то, как его воспринимают потребители, это образ в потребительском сознании, имеющее определенное отношение к товару» (Домнин 2002: 28–29).

Авторы коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» полагают, что, если признавать за товарными знаками способность осуществлять особую индивидуализацию права на владение известными видами товаров, то можно признавать их особыми собственными именами (Теория... 1986: 30).

Иной точки зрения придерживается Н.Н. Волкова, которая относит прагматонимы к лексической подгруппе, занимающей промежуточное положение между именами собственными и апеллятивами (Там же 1986: 30). Согласно мнению исследователя, специфика таких слов не позволяет безоговорочно отнести их к апеллятивной лексике. Среди признаков, сближающих словесные товарные знаки с онимами, Н.Н. Волкова отмечает следующие: 1) определенность объекта; 2) отсутствие непосредственной связи с понятием.

Важно отметить тот факт, что наличие у словесных товарных знаков факультативной функции указания на источник происхождения, позволило некоторым ученым считать основной характеристикой номинации товаров их соединение с предметными признаками самих товаров. И именно эта черта не позволяет причислить прагматонимы к именам собственным (Суперанская 1973: 212). При этом не отрицается существование словесных товарных знаков в виде особой подсистемы, находящейся на периферии основного лексического состава языка (Соболева, Суперанская 1986: 60).

Таким образом, в лингвистической литературе не существует однозначного мнения относительно принадлежности словесных товарных знаков к именам нарицательным или собственным, поскольку в них в равной мере сочетаются свойства, присущие как первым, так и вторым. Главным, что мешает отнесению прагматонимов к именам собственным, является тот факт, что они даются не отдельным предметам, а целым сериям однородных предметов.

Некоторые исследователи считают возможным признание за словесным товарным знаком особой индивидуализации права на владение известными видами продукции и, следовательно, выделяют его особое имя собственное. Одним из аргументов, подтверждающих приведенную позицию, может выступать категория «предметности», под которую, по мнению А.В. Суперанской, обязательно подводятся все онимы: имена получают лишь те части или зоны пространства – времени, которые могут быть восприняты предметно (Суперанская 1973: 102).

Анализируя проблему лингвистического статуса торговых знаков в рамках бинера «апеллятив – онома», С.М. Толстая подчеркивает, что понятия «апеллятив» и «оним» «не составляют строгой оппозиции по тем или иным заданным признакам, а образуют шкалу «апеллятивности – ономастичности» («проприальности»), в соответствии с которой каждая конкретная лексическая (номинативная) единица может быть помещена в определенной точке этой шкалы, ближе к одному или другому полюсу» (Толстая 2005: 24).

О градуальности говорит также В.Н. Топоров, выделяя в корпусе имен собственных ядро и периферию. Исследователь справедливо отмечает, что «... имя может быть более или менее «собственным», а сама степень «собственности» определяется мерой простоты-сложности культурных и языковых мотиваций и экстенсивности-интенсивности данного конкретного имени» (Топоров 2001: 63–64).

Проблему «апеллятив – онома» можно также рассматривать в рамках общего вопроса категоризации. Рассматривая вопрос о том, как реципиент категоризирует и структурирует окружающую его действительность, Е.С. Кубрякова

подчеркивает, что большинство естественных категорий строится по принципу объединения в рамках единого разряда не вполне тождественных единиц (Кубрякова 2004: 464). Согласно данному подходу, члены одной категории объединяются не потому, что они обладают обязательными свойствами, а потому, что они демонстрируют (в большей или меньшей степени) некоторые черты сходства или подобия с тем членом, который выбирается в качестве «лучшего представителя категории» – ее прототипа, то есть полнее всего характеризует ее свойства (Там же 2004: 464).

В рамках диссертации мы полагаем целесообразным включение прагматонимов в круг объектов нашего изучения, несмотря на их пограничное положение в лингвистической теории, поскольку «товарный знак является вектором передачи информации, точнее говоря смысла, то есть знаком, который не является автоферентным, а отсылает к другому объекту, а именно к товару» (Стародульская 2003: 45). Прагматонимы, словесные товарные знаки вызывают некоторые мысли, чувства, ассоциации, они участвуют в формировании языковой картины мира реципиента.

Итак, очевидно, что попытки дать полную и исчерпывающую классификацию имен собственных в связи с характером именуемого объекта неминуемо наталкиваются на многие трудности. Как мы уже выяснили, первая проблема, связанная с учетом всех групп собственных имен ономастического пространства, носит терминологический характер. Другой проблемой является отсутствие четких границ между отдельными разрядами, невозможность составить классификацию онимов в связи с именуемым объектом, которая смогла бы избежать взаимного пересечения разных классов имен собственных (Крюкова 2004: 37–38).

В рамках настоящей работы для более детального анализа функционирования ономастических единиц в структуре поэтического текста поэта Веры Полозковой предлагается полевой метод.

Термин «поле» получил в лингвистике широкую коннотацию, как то: лексическое поле (В.В. Богданов, А.А. Реформатский), семантическое поле (Л.М.

Васильев), функционально-семантическое поле (А.В. Бондарко, А.А. Уфимцева) и др. Для А.А. Реформатского «лексическое поле – это не область разнородных понятий, а сектор лексики, объединенный отношениями параллелизма (синонимы), контраста (антонимы) и сопутствия (метонимические и синекдохические связи слов), а главное – различного рода противопоставлениями. Только в пределах лексического поля слово может получить значимость» (Реформатский 1967: 147).

По мнению А.В. Суперанской, «поле – экстралингвистическая область, с которой соотносится термин, но внутри поля обычно наблюдается определенная лингвистическая упорядоченность элементов. В силу экстралингвистической обусловленности в одном поле могут объединяться слова различной лингвистической организации» (Суперанская, Подольская 1986:123).

Благодаря расширению трактовки термина «поле» структурный подход трансформируется в структурно-семантический. Основы структурной семантики были заложены М.М. Покровским, Р. Мейером, Й. Триром, В. Порцигом и др. Главной целью этого направления считают «изучение системных связей языковых значений, лексико-семантических парадигм и других типов семантических полей» (Васильев 1990:17).

Понятие поля было распространено в XX веке и на область ономастики. В концепции В.И. Супруна ономастическое поле представляется «реально выделяемой языковой структурой», обладающей такими признаками, как «наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая общность, предполагающая сходную семантическую структуру слова..., частотность, стилистическая окрашенность, словообразовательная активность» (Супрун 2000:16).

Имена собственные – неотъемлемые элементы онимических полевых структур. *Полевое рассмотрение языкового континуума* позволяет преодолеть недостатки традиционного описания системной иерархии языка. С учетом этого ономастикон представляет собой сложную *многоаспектную полиобъектную структуру* (Супрун 2000: 10). Указанный принцип влечет за собой последующее

структурирование ядерно-периферийных отношений имен собственных между конституентами внутри отдельных ономастических разрядов. Деление ономастикона на более частные зоны (поля) можно объяснить принципом дискретности.

Итак, в центре ономастического поля оказывается незначительное по объему входящих в него конституентов *ядро*. Ядерные конституенты наиболее специализированы для выполнения функций поля, они систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, кроме того – наиболее частотны по сравнению с другими конституентами и обязательны для поля. Если это положение соотнести с замечанием о том, что собственные имена по преимуществу являются антропонимами, а прочие имена как бы уподобляются или приравниваются к ним» (Белецкий 1972: 161), то ядерную зону следует отдать антропонимам. К тому же, основной ономастический принцип художественной литературы – преобладание антропонимической лексики в ономастиконе художественного текста (Фонякова 1990). Рядом с ядром находится *околоядерное пространство*. Околоядерное пространство образует антропоподобная совокупность, что связано с их более низкой частотностью, специфической стилистической окрашенностью и ослабленной деривационной активностью (Супрун 2000: 12). При этом околоядерные элементы могут выполнять те же функции, что и ядерные, демонстрируя антропоподобность. *Периферия* имеет зональную структуру: ней выделяют ближнюю, дальнюю и крайнюю зоны. Периферия включает в свой состав другие менее значительные по объему разряды онимов, характеризующиеся структурно-семантическим разнообразием и обладающие чертами апеллятивно-онимического пограничья.

Итак, с учетом всего выше озвученного, ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой представляет собой сумму ономастических полей, которые наполнены проприальными единицами и состоят из различных групп онимов, составляющих вербализованный в тексте конкретного автора словарь и репрезентирующих реалии объективной / вымышленной действительности:

$$\text{ономастикон} = \text{ономастическое поле}_1 + \text{ономастическое поле}_2 +$$

ономастическое поле „ Каждое из выделенных полей может быть отнесено к ядру и периферии ономастикона на основании функционального потенциала определенного класса онимов. В поэтическом дискурсе Веры Полозковой также выделяются немногочисленные онимические группы (зоонимы, космонимы, хрононимы, название изданий и произведений, имена праздников и мероприятий), которые не обладают суггестивностью и образуют дальнюю периферию в ономастиконе автора. Согласно О.Г.Горбачевой, *граница между ономастическим ядром и периферией является условной и размытой*, так как в художественном дискурсе (в нашем случае – поэтическом) любой оним потенциально значим, независимо от принадлежности его к той или иной тематической группе (Горбачева 2008).

Квалифицируя ономастикон как своеобразную семантическую категорию, мы тем самым соотносим его с *фрагментом индивидуально-авторской картиной мира и языковой личностью автора*. Последнее наблюдение важно с точки зрения природы и специфики семантического содержания имен собственных, составляющих ономастикон, ибо подчеркивает тесную связь с познавательной деятельностью человека, развивающей умение ориентироваться в мире, то есть отождествлять и различать, классифицировать и индивидуализировать объекты окружающей реальности. В сложном процессе моделирования объективной действительности в человеческом сознании переплетаются две составляющие ее картины мира – логическая и языковая. Концептуальная модель является инвариантной для всех людей и независимой от языка, языковая же – варьируется от языка к языку. Ведущим способом отображения мира исследователи признают языковой, или словесный (Воронова 2000: 14). Иными словами, «...анализ вещей, реальных и мнимых, смыкается с анализом слов, существующих для обозначения <...> Все многообразие мира вещей реальных, мнимых и гипотетических составляет то первичное, данное извне или созданное человеком, для обозначения чего необходимы названия: нарицательные как обобщающие и собственные как выделяющие индивидуальный предмет. Простейшие смыслы имеют для своего обозначения

очень общие и очень емкие лексические единицы, допускающие максимум конкретизации и индивидуализации» (Суперанская 1973: 138–148). Изложенное позволяет утверждать, что имена собственные (как и имена нарицательные) участвуют в создании языковой картины мира.

В этом смысле ономастикон можно квалифицировать как *фрагмент языковой картины мира*, иначе – непрерывно конструируемую *систему¹ информации о тех или иных объектах / реалиях*, создаваемую так же выборочно на основе реальной, вымышленной и гипотетической действительности, как избирательно наименование предметов окружающего мира: «Членение реального и нереального мира в ономастическом плане также определяется в первую очередь значением предметов для человека и потребностью в специальных индивидуализирующих обозначениях для них» (Там же 1973: 138). Реально существующий ономастикон охватывает весьма широкий и разнообразный круг предметов, что влечет за собой структуриацию составляющих его онимов, а также их классификацию.

Ономастикон в художественном тексте – это семантическое образование, тесно связанное с системой определенных ценностей в языковой (шире – концептуальной) картине мира личности автора, с его мотивационными установками: прецедентные поэтонимы выступают как ключевые слова, как маркеры авторской стратегии и читательские ориентиры.

Таким образом, в ономастиконе художественных текстов находит отражение индивидуальность авторской системы ономоупотребления: способность онимов означать «нечто такое, чего нет вне данного текста» (Лукин 1999: 109) за счет речеконтекстных, ассоциативных и фоновых приращений, а тем самым и декодировать имплицитные пласты текстовой семантики.

Анализ каждого конкретного имени собственного позволяет исследователю раскрыть смысл близлежащего контекста, а в свою очередь целостный анализ ономастикона конкретного текстового материала предоставляет возможность

---

¹ По справедливому замечанию А.С.Щербак, «ономастикон не является закрытой системой, а обладает свойством постоянно пополняться и обновляться новыми элементами» (Щербак 2008: 18).

сделать выводы о том, каким видит автор современную действительность; какие субъекты / объекты являются неотъемлемыми ее атрибутами, которые должны быть отражены в создаваемом им тексте. Выбор определенных имен собственных автором обусловлен как присущим ему механизмом категоризации, так и его художественным замыслом, поэтому появление в тексте каждого отдельного имени как элемента ономастикона соответствующего произведения является закономерным.

1.3. Оним – ономастикон – дискурс: лингвистические аспекты взаимодействия

Художественный текст – уникальная лингвопоэтическая структура, с помощью которой творец стремится дать свою концепцию реального мира, свой опыт мыслей, сопровождающийся конкретными представлениями. Исследование ономастикона художественного текста позволяет определить ту роль, которую играют ономастические единицы в отражении индивидуально-авторской картины мира. Воображаемая картина мира, созданная разумом, чувствами и волей художника, является собой индивидуальную модель реального мира, запечатленную в художественных образах. Материальными репрезентантами художественных образов могут быть любые предметы и явления живой / неживой природы. Развертывание текста опирается на *ключевые слова*, роль которых часто выполняют *онимы*. Литературный оним – это один из *кодов художественного произведения*, включенный «в сложные процессы опредмечивания и распредмечивания смыслов» (Фомин 2005: 54). Именно поэтому, будучи важным компонентом произведения, он может и должен исследоваться в том числе – и как элемент дискурса, в рамках которого функционирует текст. Семантика прецедентного поэтонима формируется с опорой на код, так как при смыслопорождении язык неотделим от выражаемого им содержания. При этом направленность сообщения на код есть основной признак художественного текста: «общее значение имени собственного не может быть определено без ссылки на код» (Якобсон 1972: 96).

Отбор и включение онимов в художественный текст – процесс целенаправленный, служащий выражению авторских интенций. Семантика имени обуславливает его мотивированность, определяемую сюжетно-тематическим содержанием произведения, его ведущими идеями, законами жанра и стилистической системой текста в целом (Багирова 2004: 11). По-своему предназначению онимы являются неотъемлемым компонентом семантико-стилистической системы словоупотребления автора, функционируют как неотъемлемый компонент его стилистической системы, участвуют в создании «общей образности произведения» (Пешковский 1930: 158), органично и мотивированно включаясь в систему средств текста.

Текст существует как социокультурный продукт, преломленный через языковую личность автора и его человеческое сознание. Автор, конструирующий текст, объективирует в нем свое понимание окружающей действительности, отражает реальные и вымышленные ситуации и события, социокультурный и пространственно-временной континуум. В текстовом пространстве происходит объективизация авторского субъективного мира (Манерко 2004: 26).

Применительно к тексту и творчеству автора в целом онимы формируют концептуальную направленность каждого художественного текста в отдельности. Именно поэтому можно считать, что **ономастикон**, организуемый совокупностью онимических единиц (художественный текст строится на ономастической оси), выполняет важную роль в создании индивидуально-авторской картины мира, становясь **дискурсивным параметром**. Авторская картина мира индивидуальна, она создается в текстах одного человека, который стремится дать свою концепцию реального мира, свой опыт мыслей: она «поглощает» реальный мир, отражает его как объективную систему и дает на выходе мир виртуальный и преобразованный. При этом исследование текста с позиций автора предполагает учет всего комплекса знаний, в том числе энциклопедических, заложенных создателем произведения. В создании картины мира принимают активное участие лексические средства: поэтическая картина мира представлена «не просто организованной совокупностью лексических

средств, но совокупностью лексических единиц с актуализированным, ассоциативно обусловленным смыслом» (Карпенко 2001: 44). К подобным лексическим средствам мы относим и онимы, функционирующие в особом модусе ономастической действительности, конструируя ономастическую модель мира.

Таким образом, картина мира в индивидуально-авторском дискурсе (а в нашем случае таковым является поэтический дискурс) представляет собой «систему смыслов, образов и представлений, сформировавшихся в сознании автора и читателя при посредстве единиц формальной, содержательной, функциональной, «культурной», «эстетической» и «духовной» семантики поэтического текста» (Казарин 1999: 67).

В рамках настоящего исследования *поэтический дискурс* осознается как самостоятельный тип дискурса, так как «с позиций дискурсивного осмысления поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» (Карасик 2009: 326). Кроме этого, поэтический дискурс – это взаимодействие составляющих «автор – текст» и «читатель – текст», в котором текст является звеном, соединяющим эстетическую деятельность продуцента и реципиента в гетерогенное целое поэтического дискурса (Монгилева 2004).

Ю.С. Степанов утверждает, что дискурс существует в текстах, за которыми встает «определенная грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – "возможный (альтернативный) мир"» (Степанов 1995).

С точки зрения М.С. Степанова, «поэтический дискурс – это специфическая концептуальная и выразительная область языка, в которой обычный языковой знак (в нашем случае – знаковая форма выражения онима) эстетизируется и мыслится как поэтический знак» (Степанов 2007). Далее исследователь отмечает специфические характеристики поэтического дискурса: а) речь эмоционального

типа, в которой выражено субъективно-эмоциональное отношение автора к явлениям, событиям, представлениям и образам, б) особый механизм воспроизводства, в) субстанциональность и г) суггестивность (Там же 2007).

Поэтическая модель мира выстраивается автором таким образом, что у неподготовленного читателя, «погруженного» в современный поэтический дискурс, появляется возможность ее множественной интерпретации; при этом у реципиента возникает навязчивое ощущение непонимания, странности, неестественности, парадоксальности – в целом культурного шока, – что зачастую приводит к неприятию и отторжению модели мира, представленной в современном поэтическом дискурсе. Ю. Руднев пишет, что «дискурс может пониматься как индивидуальный над-языковой код (набор формальных элементов), подчиняющий себе грамматический строй языка. Понимание такого кода требует со стороны реципиента определенных усилий, направленных на «подключение» к коду дискурса и, таким образом, включения себя в "высказывательную" ситуацию» (Руднев 2001: Эл. ресурс). Всякий дискурс есть семиотический код, а поэтический дискурс – тем более, что подтверждает анализ поэтических текстов Веры Полозковой.

Процесс восприятия читателем поэтического дискурса включает декодирование его лингвистической и экстралингвистической составляющих. При этом реципиент не только декодирует поэтические тексты, но и извлекает смыслы, не предполагавшиеся творцом, что обусловлено множественным комплексом факторов. Как написал в манифесте современной поэзии Д. Кузьмин, «автор — тот, кому есть, что сказать <...>. Читатель — тот, кто хочет стать на один или несколько смыслов богаче» (Кузьмин 2006: Эл. ресурс).

В настоящей работе мы имеем дело с *индивидуально-авторским дискурсом*, квалифицируемым как «содержательная мировоззренческая категория», в языковой форме объективирующая «ценностно ориентированное сознание художника, определяющее в свою очередь смысловую обусловленность текста» (Поцепня 1997: 5). Важным представляется и то, что индивидуально-авторский дискурс определяется творческой манерой автора-создателя

произведений, особенностями языкового оформления эстетической задачи (применительно к каждому художественному тексту), где имена собственные играют важнейшую роль в ее реализации.

Изучение *ономастикона* конкретных текстов и всего творчества того или иного автора в целом представляется весьма перспективным, поскольку позволяет осуществить переход от изучения конкретных *ономастических полей* (разрядов онимов) частного произведения к изучению *ономастикона* – словаря поэта или писателя (Пронченко 2007: 22). Исходя из этого, мы ставим знак равенства между такими понятиями, как «ономастикон» и фрагмент языковой картина мира, которые смыкаются в вербально-текстовом выражении. Таким образом, адекватная интерпретация ономастикона требует учета как внутритекстовой информации, так и информации, являющейся достоянием авторского сознания, его когнитивной базы, а также всех тех знаний, которые связаны с внетекстовой реальностью, социально-культурными и историческими условиями действительности, получившими отражение в данном ономастиконе.

В этом смысле все законченные тексты писателя отражают его «действенный словарь», который являет собой индивидуальную систему (стиль) данного писателя. Здесь важен аспект апеллирования к *языковой личности автора*, «выраженной в языке (текстах) и через язык», «реконструируемой в основных своих чертах на базе языковых средств» (Караулов 2006: 38), что и предполагает в свою очередь учет его ономастикона. Поскольку мы рассматриваем онимы с семиотической точки зрения, то в данном случае речь идет о пересечении собственно лингвистического и семиотического подходов к онимам, ономастикону текста и дискурса в целом: «Каждый текст оказывается включенным во всю систему созданных до него или параллельно с ним текстов, приобретает визуальное многомерное представление и становится «мультисеквенциальным»...» (Фатеева 2006: 10), в том числе – и за счет имен собственных: оним как свернутый компрессивный текст. Имя главного героя может выступать обобщенным знаком целого большого художественного текста (Фонякова 1990: 9).

В парадигме «*оним – ономастикон – дискурс*» онимы мы квалифицируем как единицы ономастикона автора (элементы картины мира автора), отраженные в текстах и характеризующиеся эстетической сущностью и образными средствами выражения. Система соотношений между озвученными ключевыми теоретическими концептами работы резюмирована схемой (рис. 1.1.)

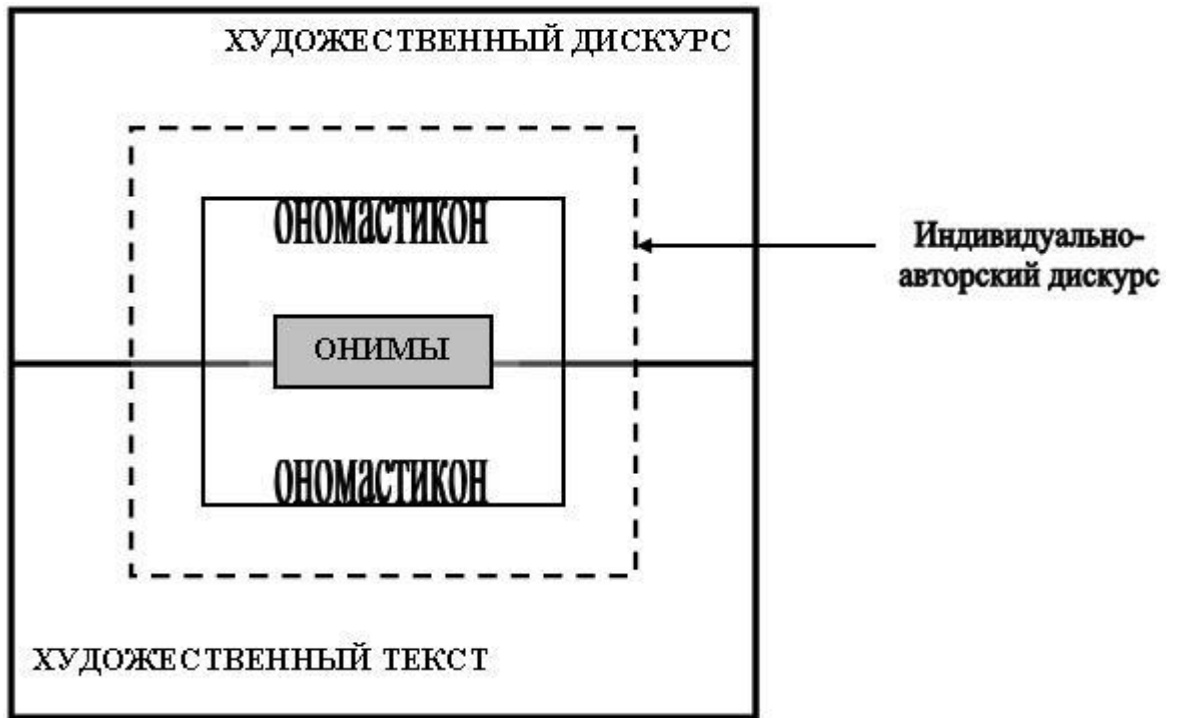

Рисунок 1.1. *Оним – ономастикон – дискурс: лингвистические аспекты взаимодействия*

Таким образом, исследование проприальных единиц с семиотической точки зрения открывает широкие возможности для лингвистически обоснованной их интерпретации. Система понятий парадигмы «*оним – ономастикон – дискурс*» в творчестве конкретного автора является субъективной, творческой трактовкой реального мира: индивидуально-авторский ономастикон функционирует как стратегия моделирования авторского мировосприятия.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I

В главе I – «*Ономастическое пространство как объект дискурсивного анализа*» – излагаются основные концептуальные и методологические положения, на которые опирается данная работа:

1. Ономастическая единица – функционально-семантический словесный знак в парадигме художественных текстов: лексическое значение онима складывается из денотативного, сигнификативного и структурного типов отношений или в виде соотношения предметно-понятийного ядра (интенционала) и смысловой периферии (импликационала), комплекса предметно-образных связей и отношений, где объективируется вероятностная структура обозначаемого фрагмента действительности, соотносимого также с экстралингвистическим фоном.
2. Особенности и функциональные возможности имен собственных в пространстве текстов конкретного автора обусловлены: а) общепринятой системой реальной онимии русского литературного языка; б) спецификой индивидуального мышления самого творца, проявляющейся в семантико-стилистической системе и способах словоупотребления, то есть с учетом авторской картины мира.
3. В пространстве художественного текста выделяются три способа онимоупотребления: имя собственное как: а) смысловая веха; б) фон повествования; в) факультативный элемент, обуславливающий эстетическую нагруженность и особенности функционирования онимов разных разрядов.
4. Ономастические единицы обладают обширным функционалом, где наряду со стилистической, доминантную роль выполняет текстообразующая функция.
5. Индивидуальность языковой личности автора проявляется на уровне использования ономастической системы, а также в смысловом наполнении имен собственных.
6. Имена собственные участвуют в образовании лингвокультурной компетенции, позволяющей реконструировать особенности конкретной языковой личности автора (в лингвокультурную компетенцию языковой личности входит знание

прецедентных текстов культуры, облигаторных произведений искусства, то есть известных каждому носителю языка явлений литературы, живописи, скульптуры, музыки и т.д.).

7. Онимы – неотъемлемый компонент семантико-стилистической системы словоупотребления автора. Они органично и мотивированно вливаются в систему языковых средств художественного текста, участвуют в создании общей образности произведения, входят в состав словаря автора как важный показатель его стиля, организуют «ономастическое пространство» текста.
8. Ономастикон состоит из множества ономастических полей, включающих в себя онимы определенного класса: ономастикон как сумма ономастических полей, наполненных проприальными единицами и состоящих из различных групп онимов, составляющих вербализованный в тексте конкретного автора словарь, репрезентирующих реалии объективной / вымышленной действительности. Облигаторным принципом полевого структурирования каждого ономастического поля служит моделирование ядерно-периферийных отношений на основании функционального потенциала определенного класса онимов.
9. Ономастикон – фрагмент языковой картины мира, то есть непрерывно конструируемой системы информации со специфической функциональностью и семантикой, которая может быть интерпретирована как ономастикон, вербализованный в текстах того или иного автора.
10. Изучение ономастикона конкретных текстов и всего творчества того или иного автора в целом представляется весьма перспективным, поскольку позволяет осуществить переход от изучения конкретных ономастических полей (разрядов онимов) частного произведения к изучению ономастикона, то есть вербализованного в художественном тексте ономастического словаря поэта.
11. Система соотношений между ключевыми теоретическими концептами работы «оним – ономастикон – дискурс» резюмирована схемой *Рис 1*. Ономастикон представляет собой сумму ономастических полей, наполненных проприальными единицами и состоящих из различных групп онимов,

составляющих вербализованный в тексте конкретного автора словарь, репрезентирующих реалии объективной / вымышленной действительности. Квалифицируя ономастикон как своеобразную семантическую категорию, мы тем самым соотносим его с индивидуально-авторской картиной мира и языковой личностью автора (ономастикон как фрагмент языковой картины мира). Ономастикон, организуемый совокупностью онимов, выполняет важную роль в создании индивидуально-авторской картины мира, становясь дискурсивным параметром. В парадигме «оним – ономастикон – дискурс» онимы мы квалифицируем как единицы ономастикона автора (элементы картины мира автора), отраженные в текстах и способные выразить эстетическую сущность.

ГЛАВА II

ОНОМАСТИКОН ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

2.1. Топонимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой

Одной из идиостилевых характеристик поэта является тот факт, что пространство ее индивидуально-авторского дискурса антропоориентировано, то есть во многом совпадает с географической картой, включая самые разнообразные топосы, актуализированные топонимами (175 единиц – 31,7%). Вся «поэтическая география» Веры Полозковой делится на частные подлокусы, представляя собой дискретное пространство: ойконимы – 61 единица, урбанонимы – 44 единицы, хоронимы – 35 единиц, гидронимы – 17 единиц (см. рис. 2.1.).

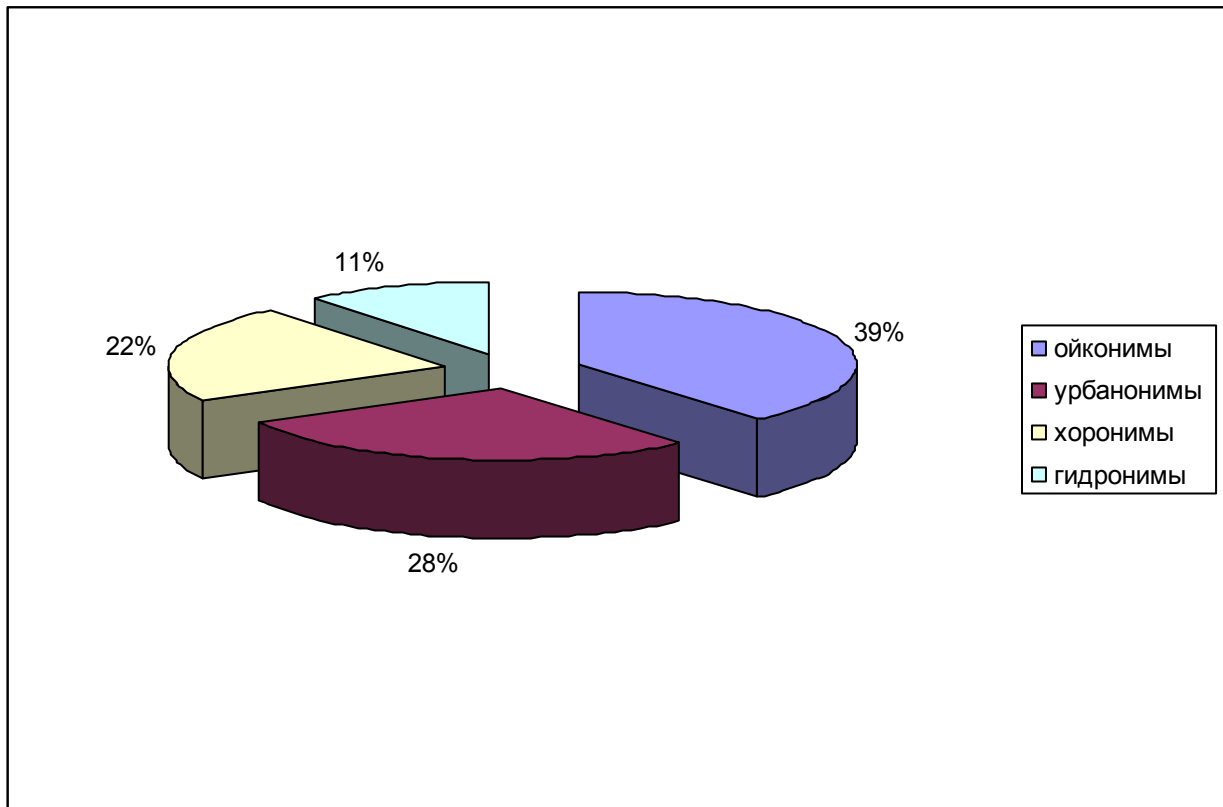

Рисунок 2.1. «Поэтическая география» Веры Полозковой

Топонимические единицы в поэтических текстах Веры Полозковой совмещают в своей основе геофизическую и общекультурную информацию, обладают широкими коннотативными знаками, выполняя не только информационно-стилистическую, но и эмоционально-стилистическую

подфункции. Топонимы в стихотворениях поэта репрезентируют мир таким, каким видит его поэт, это тот мир, в котором он живет, который созерцает, ощущает, познает, отражает и отображает.

Далее рассмотрим подробнее актуализацию значений топонимов в зависимости от выполняемых ими в тексте функций.

Функционал топонимов в поэтических текстах Веры Полозковой включает, помимо первичной (номинативной, адресной), **информационно-стилистическую подфункцию**, внутри которой мы выделяем еще ряд подфункций. Далее об этом подробнее.

Пространственная подфункция (пространственная соотнесенность): служит для создания впечатления достоверности, объективности, реальности изображаемого, чтобы заставить реципиента поверить в подлинность описываемых событий.

Географические наименования в поэтическом произведении создают широкий эксплицитный фон описываемых событий (Пак 2003: 114): **хоронимы** («...я видел все *Сингапур*, Бейрут»; «Они ездили в *Хэмпшир*...»), **гидронимы** («Дары в нём – с *море Беринга или Баренца!*»; «Воплощая *Мёртвое море*...»; «*Красное море* режется в городки»; «...в венах вино и *Терек*...»), **ойконимы** («От *Кишинева и до Сент-Луиса!* Издевается шар земной...»; «Фронт борьбы – от *Таллина до Одессы*»; «Вы приехали в *Симеиз*»; «Дыра этот ваш *Париж*»; «Вы не поверите! – В *Караганде*»; Я хочу в *Нью-Йорк*. Или лучше в *Рим*»; «Ты по бизнесу в *Хельсинки* – я в колонию под *Рязанью*»; «*Шарм* – старый город, центр – *Дахаб, Хургада*»; «...Или в *Освенцим*»), **урбанонимы** («И видит пустой разрушенный *Колизей*»; «Гул, с которым садится во *Внукове* самолёт»; «От *Південного до Киевского вокзала*»), **эргонимы** («...устроят *чтенья в ЦДЛ*...»).

Для автора топонимические единицы – инструменты, посредством которых Вера Полозкова «перераспределяет элементы окружающего мира как «точки отсчета» изображаемого ...» (Щирова, Тураева 2005: 23). Самым насыщенным топонимами является стихотворение «Глобус» (23 наименования). Название стихотворения выступает «полнозначной единицей уровня целого текста, в

котором отражены внутренние характеристики всего номинируемого текста» (Фатеева 2001: 395): «глобус – вращающаяся модель земного шара или другого сферического небесного тела с его картографическим изображением». Таким образом, заглавие выступает предельно информативно насыщенной единицей, выстраиваясь в один ряд с *хоронимами* («–Я в Египте!! – А я в Кувейте!»; «– Мальчик, заткнись!/ Съезди в Тунис!»; «Там у них ну такая Куба...»; «–Я на Мальте!»), *урбанонимами* («С добрым утречком/ В Бирюлево!»; «–Дыра этот ваш Париж!»; «–Штат Вирджиния!»; «–Эй, соседка/ А я в Огайо!»; «–Вы не поверите!! В Караганде!»; «Я хочу в Нью-Йорк// Или лучше в Рим»), *гидронимами* («Там у них ну такая Куба/ Что фактически Амазонка»; «А еще зовет душа/ За верховья Иртыша»). Туристическая афиша курортных достопримечательностей в финале резюмируется языковой игрой (эмоционально-стилистическая функция): «Я люблю играть/ Только в города». Кроме этого, можно выделить фоносемантические операторы (сближение звуковых сегментов): «–[Д'ив]ные [д'ив]ы/ Эти Маль[д'ив]ы!! – Как Вы зам[шэл]ы!! Я – на Сей[шэл]ы!»; «–Плюю на вопли [вашы] [ја]// Милей всего – Чу[вашыја]»; «А еще зовет ду[ша]/ За верховья Ирты[ша]». Посредством метонимического переноса поэт вводит прямые ассоциации: «Не ждут нас пока и в Азии – / Спокойствие, узкоглазие / Мне б «Иншалла!» в каждой фразе ...».

В поэтическом тексте «Глобус» имеет место не только пространственная, но и **пространственно-временная соотнесенность**, соотносящаяся с конкретным эквивалентом реальности (топоним – смысловая веха): «–Дыра этот ваш Париж!! Дыра, говоришь?// Ну да, нувориш...». Понятие «нувориш» соотносится с определенным темпоральным срезом – социальным явлением 1990-х гг. XX в. В тексте появляется «белый человек», что связано с рабовладельческой эпохой: «Но у них тут в почете белая кожа ...», «Все, что нужно белому человеку – забыть о всех его киевлянах и москвичах».

Характеризующая подфункция (получение лингвострановедческих знаний о стране) в большинстве примерах отсылает читателя к определенному топониму имплицитно. Так, Вера Полозкова в поэтическом цикле «Индия» (2008, 2010 гг.)

вводит экзотизмы, служащие для обозначения бытовых реалий и являющие собой реалии культурной жизни, природного мира. Заранее оговорим, что в рамках настоящего исследования экзотизмы мы не относим к именам собственным, поэтому их количество не учитывалось при составлении картотеки онимов в поэтическом дискурсе Веры Полозковой.

Экзотизмы выступают своего рода семиотическими моделями, дающими концептуальную характеристику страны:

- **бытовые реалии:** (предметы быта, одежда, обувь, а также еда, напитки): «*ласси из папайи*» («Орча», 7 ноября 2008 г.); «*как масала-чай*» («Семь ночей», 7 ноября 2008 г.), сравнительная конструкция подчеркивает особенности приготовления данного напитка, что передает предикативный атрибут «жирны»; «*надо брать парату – парата везде вкусна*» («Агра», 8 ноября 2008 г.); «*ем кюфту из железной миски*» («Пушкар», 10 ноября 2008 г.); «*А через неделю ты счастлив/ сторговывая в Пушкаре/ то-ли-юбку-то-ли-штаны...*» («Каникулы на Луне», 11 ноября 2008 г.); «*как выцветают в тебе индийские сари*» («Моя Индия», 26 ноября, 2008 г.);
- **культурные реалии страны:** (музыкальные инструменты, танцы, пение, название праздников, денежные единицы, язык, национальность): «*И в повозке мужа по знаку «Ом»/ пририсовано к каждому колесу*» («Пушкар», 10 ноября 2008 г.); «*Вот они, все мои последние рупии, указатели на английском и хинди...*» («Back To Paradise», 24 ноября 2008 г.); «*Месть индуса изобретательна и хитра...*» («Джайпур», 12 ноября 2008 г.) – образование на основе метонимии;
- **государственные и административно-правовые образования:** (названия топонимических культурно-правовых объектов): «*Тадж Махал был построен, чтобы все расы мира/ встречались перед воротами в Тадж Махал...*» («Агра», 8 ноября 2008 г.);
- **реалии природного мира, т.е. флора и фауна:** «*Звезды были придуманы для того,/ чтоб от лагеря взять верблюда, поехать через пески...*» («Пушкар», 10 ноября 2008 г.); «*Тому, что храмовая мартышка входит в разряд/*

влиятельнейших персон» («Варанаси», 4 ноября 2008 г.); «И *коровы* тощие возлежат, никому не принадлежат ...» («Древнерусская тоска», 8 ноября 2008 г.);

- **обозначение людей по различным признакам (по социальному положению; по национальности):** «*Махараджи* умели строить себе дворцы// Имели шесть жен, сто наложниц и вообще были молодцы...» («Орча», 7 ноября 2008 г.); «...что ни *индиец*, то изумруд...» («Джайпур», 12 ноября 2008 г.).

Кроме того, в поэтическом цикле «Индия» автор использует теонимы и агионимы «индийской» семантики: «*Шива* ищет на дне серьгу...» («Семь ночей», 7 ноября 2008 г.); «Или *восьмирукая дева Кали* в сиянии драгоценных своих камней...» («Каникулы на Луне», 11 ноября 2008 г.); «Сам себе и *Приянка Чопра*...» («Последнее утро», 23 ноября 2008 г.).

Символическая подфункция связана не с географическим объектом, а передает набор ассоциаций, стоящих за топонимическими единицами, то есть «той информации, тех представлениях, тех коннотациях, которые возникают у получателя речи при восприятии слова» (Климкова 1991: 45). Так, у Веры Полозковой появляются символические характеристики на уровне метафор, которые передают этнокультурную специфику восточной страны, например, «*Индия–планета*» («Индия лежит под колесами, словно поверхность *Марса*...», «Агра», 8 ноября 2008 – космоним в грамматической конструкции сравнения передает ключевой признак, характерный для страны); «*Индия–Луна*» («*каникулы на Луне*», 11 ноября 2008 – посредством когнитивного образа «*Луны*» поэт дает субъективно-авторское представление о стране), «*Индия–сон*» («Ничего не забрать себе на память, как с того света/ или из сна ...», «Агра», 8 ноября 2008 – в тексте обращает на себя типично бальмонтовская трактовка «двойственности» беспредельного пространства), «*Индия–пустота*» («заеда *пустотами* *пустоту*...», «Дели», 2 ноября 2008); «В Гоа приходят те/ Кто устроен как ты//Склонные к полноте/ *искатели пустоты*» («В Гоа приходят те...», 1 февраля 2010 – абстрактное существительное «пустота» – ключевое понятие буддизма, его тибетской линии (ваджраяна)). Кроме этого, *пустота* – область потустороннего

мира и одновременно разум, сознание («искатели пустоты»). В текстах Веры Полозковой «пустота» выступает в качестве обозначения буддийского понятия, с одной стороны, а с другой – обозначение топоса).

Российская действительность у Полозковой довольно подробно представлена двумя столичными топонимами – «Москвой» и «Петербургом», представляющими культурные понятия и отражающими личные пристрастия самого автора (эмоционально-стилистическая подфункция) (Елистратова 2013а: 68–70).

Лексические единицы, которые номинируют Москву и Петербург в целом, являются целостными номинациями. Вера Полозкова избегает эксплицитности в обозначении поэтических образов городов. Поэт старается не называть топонимы конкретными именами, поэтому в поэтических текстах доминируют перифрастические номинации через отдельные признаки. Топонимы-логоэпистемы¹ «Москва» и «Петербург» представлены следующими целостными номинациями в табл. 2.1

Таблица 2.1

**Сопоставительный анализ топонимов-логоэпистем
«Москва» и «Петербург» в поэзии Веры Полозковой**

Петербург	Москва
«В <i>Петербурге</i> же – как бумага./ Будто выстираны в реке...» («Серебряный век», 12-13 ноября 2003);	«Мое солнце, <i>Москва</i> гудит, караван идет, / Происходит пятница на земле» («Одному мальчику, чтобы ему не было так холодно», 24-25 ноября 2006);
«Да, вот так – прожить восемнадцать лет/ И ни разу не видеть <i>Питера</i> ...» (1 июля 2004);	«... <i>Москва</i> пустынна, луна полна...» (2-3 ноября 2006);
«Вы куда, болезные, уж не в <i>Питер</i> ли?...» (1 июля 2004);	« <i>Москоу-сити</i> взглядами нежит добрыми, / А потом вырастает в людей как гриб...» (1 июля 2004);
«Я в <i>Питер</i> еду третьего числа...» (26-27 декабря 2005);	«Я остаюсь летовать в <i>Москве</i> ...» (17 июня 2005)
	«Эльвира Павловна, <i>столица</i> не изменяется в лице.../ Зря всемогущий Демиург не сотворил намного ближе <i>Москву</i> и Екатеринбург.../...но мне так хочется обратно, что я не чувствую <i>Москвы</i> » (15-16 января 2006);

¹ «Логоэпистема – (от греческих слов «слово» и «знание») – единица коммуникативного пространства, которая характеризуется как «след языка в культуре или культуры в языке» (Бурвикова, Костомаров 2006: 11).

	«Ночью в <i>московской</i> травме все благоденствие да покой» (26 ноября 2007)
	«И легла кругом пустыня/ Вместо <i>матушки-Москвы...</i> » (22 ноября 2007)
	«...дорогие мои москвичи...» («Старая пластинка», 5 апреля 2009).

Номинация «*матушка-Москва*» у Веры Полозковой относится к семантическому компоненту «исток, начало» и выполняет символическую функцию: в сознании русских Москва ассоциируется с женщиной, является носителем женского начала. Формированию такого представления способствовала грамматическая категория рода топонима (ср. в поговорках: «*Москва* всем городам *мать*» (Даль 1981: 307); «За *Москву-мать* не страшно и жизнь отдать» (Жигулев 1962: 93). Возникает эмотивно-оценочный коннотативный компонент «*свой, родной город*»: «мать»→родной человек, Москва→родной город.

Среди целостных номинаций ойконимов можно выделить следующие – непосредственно самим именем собственным («Москва», «Петербург»), дериватом «*столица*», метафорические перифразы («в этом *маленьком аду*» (о Москве); «*мудрый город на Неве*» (о Петербурге)).

Пространственный образ *Петербурга* у Веры Полозковой образуется в большинстве примеров посредством **урбанонимов**: «Эльвира Павловна, мне снится *наш Невский, кажется, близка Дворцовая...*» (15–16 января 2006); «От Азау и до *Лицея/ В Царскосельском пустом саду*» (26–27 декабря 2005).

Пространственный образ *Москвы* создается у поэта с помощью:

- **урбанонимов**: «...Весной так хочется врать без пауз:// «Выйдешь на *Тверскую* – свернешь к Монмартру» (14 мая 2007, Тверская – центральная улица Москвы); «*Москоу-сити* взглядами нежит добрыми,/ А потом вращается в людей как гриб...» (1 июля 2004, ММДЦ «Москва-сити» – деловой район Москвы на Пресненской набережной); «И сквозь пыльный купол *милого факультета/ Виднеются пятки Бога/В мохнатых тапках*» (имплицитно, посредством

метафорической перифразы – памятник М.В. Ломоносову, расположенный перед зданием Московского Университета, факультета журналистики¹); «А выглянешь из окна университета—/ Все башенки, купола и трехцветный флаг» – имплицитно обращение к Московскому государственному университету им. М.В. Ломоносова, факультет журналистики располагается по адресу: ул. Моховая, д. 9 – напротив Кремля);

- **эргонимов:** «...устроят чтенья в ЦДЛ...» (ЦДЛ – Центральный дом литераторов²);
- **прагматонимов:** «Поработать бы в «Афише»/ Прошептать на ухо Санте –/ «Дай мне/ Должность/ В «Коммерсанте» (20 декабря 2004, имплицитно – Москва→«Афиша. «Все развлечения Москвы» (название журнала), «Коммерсантъ» – издательский дом в Москве);
- **ойконимы:** «По реке плывет топор/ Вдоль села Валуева...» (18–19 февраля 2005).

Важно подчеркнуть, что для Веры Полозковой рекуррентной является признаковая объективация, которая в свою очередь определяет *Москву* и *Петербург* и дает оценочную характеристику (информационно-стилистическая подфункция). Так, например, у Веры Полозковой противопоставление двух русских столиц отчетливо проявляется в поэтическом тексте «*Письмо далекому другу*» (15–16 января 2006) (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2

Сопоставительный анализ топонимов-логоэпистем «Москва» и «Петербург» в тексте Веры Полозковой «Письмо далекому другу»

«Письмо далекому другу»	
Петербург	Москва
1) прямая номинация (именами собственными, апелляциями, посредством звукосемантического сходства, адъективами)	
«наш Невский»; «близка Дворцовая»; «туда».	«столица не изменяется в лице...», «тут», «Зря всемогущий Демиург не сотворил немного ближе/Москву и Екатеринбург...»

¹ Вера Полозкова училась на факультете журналистики Московского Университета по адресу: ул. Моховая, д. 9.

² **Эргоним** – разряд онима. Собственное имя любого делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка (Подольская 1988: 151). ЦДЛ – первый писательский клуб в Москве.

	(«Демидург – Екатеринбург – имплицитно Петербург); «я не чувствую <i>Москвы</i> »; «здесь».
2) метафорические перифразы	
«в наш мудрый город на Неве»	
3) когнитивные метафоры	
Петербург-творчество: «Назвать мне, что ли, сына <i>Питер</i> – ну, <i>Питер Пэн</i> там, Питер Бург. Сбегу туда, отправлю в ясли, в <i>лицей да в университет</i> ;// он будет непременно счастлив и, разумеется, <i>поэт</i> » (ср. Петербург – город-богема→текстовые ассоциации: литература (имя персонажа Дж. Барри – «Питер Пэн», апеллятивы – «лицей», «университет», «поэт»))	Москва – смерть: «И день, растягиваясь, длится, так ровно, как при <i>мертвецце</i> .../ <i>Зимою не боишься смерти</i> – с ней делаешься заодно»; «Эльвира Павловна, тут малость <i>похолодало, всюду лед</i> ...»; «Без Вас тут <i>погибаешь</i> скоро от <i>гулкой мерзлоты</i> в душе...»;

Поэтический текст иллюстрирует предпочтения поэта: преобладание негативной акцентуации по отношению к Москве и положительной к Петербургу. Более того, пространство художественного текста Веры Полозковой «дихотомично»: «Петербург – культурный центр»/«Москва – торговый/промышленный центр»: «Там колонны – словно колпак кондитера...» (имплицитное обращение к Петербургу; архитектурным сооружениям; «Петербург – рай»/«Москва – ад»: «Я еду в Питер третьего числа,/ Поскольку мне тут все осточертело// Поскольку в этом маленьком аду...» (адъектив «*тут*», перифрастическая номинация «*маленький ад*» – имплицитное обращение к Москве, ср. с обликом города А. Блока, который превращается в клоаку, Содом).

Вера Полозкова создает индивидуально-авторское художественное пространство, включающее человеческое измерение в культурный и природный мир используемых топонимов (см. рис. 2.2).

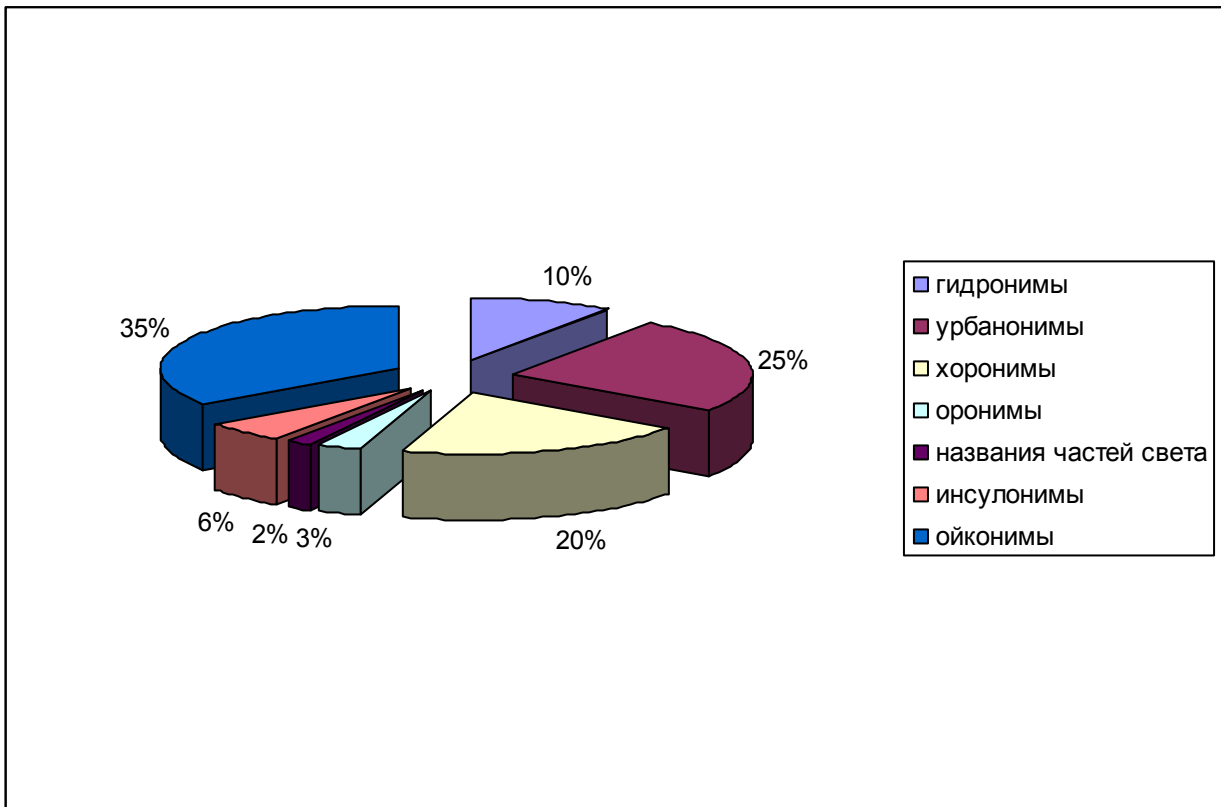

Рисунок 2.2. Топонимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой: категориальная типология

В поэтическом дискурсе Веры Полозковой мы обратили внимание на то, что количество топонимов составляет 31,70%, что превышает количество антропонимов (31,9%) и прецедентных поэтонимов (23%). Подобная неравнозначность может быть объяснена экстралингвистическими причинами. Частые путешествия поэтом стран мотивируют включение в поэтические тексты Веры Полозковой ландшафтные имена городов (61 единица), разнообразные виды частных топонимов, например – урбанонимы (44 единицы) и др.

В настоящем исследовании все топонимы мы отнесли к ближней периферии ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой, что объясняется семантическими перспективами данного класса онимов. В стихотворениях Веры Полозковой топонимы участвуют в формировании хронотопа художественного текста, а также смыслового фона. Несмотря на то, что топонимы в поэтических текстах автора попадают из географической среды в иную – поэтическую, следствием чего является приращение у них дополнительных метафорических значений, они создают реалистичность и достоверность описываемых событий и действий.

2.2. Антропонимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой

Все антропонимы (176 единицы – 31,9% от общего количества ономоупотреблений) в поэтических текстах Веры Полозковой актуализируют два временных пласта: а) актуальный синхронный срез времени жизни поэта (настоящее время); б) диахронный срез времени (мировая культура в разные исторические периоды). Именно поэтому при анализе антропонимов в поэтическом дискурсе Веры Полозковой мы ввели термины «*диахронные антропонимы*» и «*синхронные антропонимы*». Кроме этого, обращались к сферам-источникам антропонимов: литература, история, музыка, кинематограф, религия, наука, политика, философия, журналистика, изобразительное искусство. С точки зрения Е.А. Нахимовой, «*существенным этапом исследования прецедентных имен является обращение к сферам-источникам прецедентности. Рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить также интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата*» (Нахимова 2007: Эл. ресурс). Преобладание выделенных тематических сфер объясняется интересами и сферой деятельности поэта Веры Полозковой.

К ядру ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой относятся антропонимы на диахронном срезе, которые не только являются важным изобразительным, но и хронотопоформирующим средством в лексическом инструментарии Веры Полозковой.

Рассмотрим подробнее *диахронные антропонимы*.

В стихотворении «*Биографы*» (2004) поэт пытается осмыслить действительность через *литературно-исторические антропонимы*: «Там Цветаевой след, тут – Хлебников.../ Кто поймет после нас, что именно/ *Петр Первый* похож немислимо/ На небритого Костю Инина?». Имя целой исторической эпохи (Петр Первый) коррелирует с именем настоящего личного окружения (Костя Инин). По мнению О.Г. Ревзиной, чем «глубже» временной

пласт собственных имен, тем более он приспособлен для использования в характеризующей функции» (Ревзина 1991: 174).

Наиболее частотный антропоним в поэтическом дискурсе Веры Полозковой – И.А. Бродский как «знаковое имя» (Гарагуля 2000: 3), символ целой культурной эпохи 1980-х. Метафора-символ «*Иосиф Бродский*» встречается как непосредственно в текстах стихотворений Полозковой («Смысл жизни, которому – здравствуйте, друг *Иосиф*,/ Ни прислать ребяток,/ Ни сунуть денег,/ ни приказать?»); «Я хочу быть немного *Бродским* – / Ни единого слова зря», так и частичной цитации («*Я люблю тебя больше, чем ангелов и Самого*,/ *И поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих...*»; «*И –надцатого марта*бря – я *опять животное*,/ кем-то подло раненое в живот»).

Используя антропонимы, отсылающие нас к тому или иному поэту/ писателю (ср.: И. Бродский, М. Цветаева, В.Хлебников), Вера Полозкова моделирует и некий синхронный антропониму фрагмент действительности. Указанные имена представляют собой нечто подобное денотативным структурам, определяющим семантику стихотворения. В этом отношении привлекают внимание два поэтических текста, которые объединяет один общий «донорский» источник: «*Волшебная скрипка*» (1910) Н.С. Гумилева=>«*Недогумилев*» (2006), «*Гумилев Uptadet*» (2007). Этот факт, с одной стороны, свидетельствует о композиционной роли имени собственного, с другой – об участии онима в формальной организации текстов: осуществление посредством имени семантико-синтаксического сцепления, когезии. Сами названия поэтических текстов Веры Полозковой находятся в сильной текстовой позиции, отсылая нас к поэту-акмеисту: «*Недогумилев*», «*Гумилев Uptadet*». Однако уже в заглавии Вера Полозкова дает читателю указание на некие трансформации в поэтических текстах по сравнению с текстом-источником: приставка «*недо*» в значении «*неполноты, несоответствия, отступление от нормы*» (СРЯ: Эл. ресурс); «*updated*» в переводе с англ. языка означает «*дополненный, исправленный*». Отличительной чертой лирических произведений Веры Полозковой является наличие рассредоточенных интертекстуальных элементов из стихотворения Н.С.

Гумилева «Волшебная скрипка»: «*Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка// Не проси об этом счастье, ради Бога не проси*»; «*Мальчик, дальше, здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ// Но я вижу – ты смеешься, эти взоры – два луча*» («Недогумилев»). В стихотворении «*Гумилев Updated*» происходит моделирование с помощью интертекстуального элемента: «*Милый Майкл, ты так светел; но безумие заразно...*».

Оба текста сохраняют смысловую константу текста-источника: «*Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка...*», однако в поэтическом тексте «*Гумилев Updated*» Полозкова вместо лексемы «*мальчик*» использует лексему «*Майкл*». Данную замену можно объяснить приемом звуковой игры (близость фонологического состава «*мальчик*» и «*Майкл*») и личным интересом поэта Полозковой к американскому артисту Майклу Джексону, чьей персоне и посвящено стихотворение.

Во втором «гумилевском» стихотворении Веры Полозковой сохраняется коннотативный потенциал акмеистического источника: а) стихотворение также написано в форме посвящения; б) сохранен атрибутивный элемент при обращении к объекту («*милый*»); в) краткое прилагательное «*весел*» трансформируется в «*светел*» (болезнь витилиго, отчего кожа Майкла Джексона начала светлеть). Следует отметить и общность графического оформления обоих «гумилевских» стихотворений: вслед за Н.С. Гумилевым сохранен стихотворный размер (8-стопный хорей).

Поэтический текст «*Первой истошной паникой по утрам ...*» (2005) Веры Полозковой можно сравнить с некоей прецедентной парадигмой¹, состоящей из совокупности элементов, сквозь которые просматривается связь с другими авторами и их текстами, что в свою очередь создает его смысловую многомерность. Так, начиная с эпитафии, поэт обращается сначала к тексту В. Маяковского «*Себе, любимому, посвящается...*» (1916), далее к имени А. Васильева (группа «Сплин»), затем имплицитно к А. Пушкину и М. Булгакову:

¹ *Прецедентная парадигма* – группа прецедентных феноменов, восходящих к одному и тому же источнику (Немирова 2003: 153).

«Мы – счет веков с кого; // До Владимира Маяковского / Мне – всего сантиметров шесть»; «Лучший поэт из нынешних – Саш Васильев, / И тому тридцать шесть уже»; «Царь? Так живи один, не калечь ребят / Негде? Так ты прописан-то сразу в Вечность»; «Вот удивится тот, кто отправит в печь нас: / Памятники! Смеются! И не горят!...». Культурный код реализован посредством аллюзий и реминисценций, отсылающих к русской литературе: см. приводимые выше отсылки к А. Пушкину и М. Булгакову. Необходимо подчеркнуть и то, что автор обращается к творчеству разных поэтов с темпоральной точки зрения. Если расположить все указанные в этом стихотворении антропонимы, относящиеся к тематической сфере «поэты», то получится следующая линейная прямая: А.С. Пушкин → М.А. Булгаков → В.В.Маяковский → А. Васильев → Вера Полозкова, так как местоимение 1-го лица множественного лица «мы» включает и автора текста. Данная ось отражает и интенции самого автора поэтического произведения.

Интересен в аспекте самохарактеризации текст «Обыкновенна с каждой из сторон...» (2003): «И не похожа на Шарлиз Терон / Не чемпионка мира, не Венера, / Не Мать Тереза, не Мари Кюри...». В стихотворении встречается множество отрицательных конструкций с частицей «не» (10 употреблений) и местоимением «никогда», которые используются для того, чтобы подчеркнуть основной пафос лирического произведения. Все используемые реальные и вымышленные имена – репрезентанты женщин-символов, принадлежащих одной понятийной сфере – мировая культура, но к разным временным отрезкам: Шарлиз Терон – американская модель и киноактриса, дважды номинирована на Оскар; Венера – имя богини, являющейся символом красоты и любви, а также покровительницей римского народа; Мать Тереза – католическая монахиня, лауреат Нобелевской премии; Мария Кюри – польско-французский ученый-экспериментатор, дважды удостоена Нобелевской премией. Если первая часть стихотворения выстроена в соответствии с текстовой стратегией отрицания (отталкивание от озвученных образов), то вторая – открывается единственным «плюсом» этого сопоставления: «Зато мне из окна весь Кремль видно...».

Финальные строчки стихотворения имплицитно актуализируют имя другого поэта – М.И. Цветаевой «*И, если интуиция не врет,/ Назло всем ураганам и лавинам / Моим стихам, как драгоценным винам,/ Настанет свой черед*». В структурно-семантическом аспекте произведение поэта Веры Полозковой сближается с текстом песни А. Васильева, лидера рок-группы «Сплин», «*Мое сердце*». Стихотворения поэтов сближаются общим тематическим вектором направленности: проявление человеческой ординарности. Вера Полозкова вводит указанную тему с первых строк: «*Обыкновенна с каждой из сторон/ И заурядна, как трава у дома...*». Оба поэта на протяжении своих текстов постоянно апеллируют к онимам мировой культуры (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3

**Сопоставительный анализ текстов А. Васильева «Мое сердце»
и В. Полозковой «Обыкновенна с каждой из сторон...»**

А. Васильев («Сплин») «Мое сердце»	В. Полозкова «Обыкновенна с каждой из сторон...»
«И может быть ты не стала <i>ЗВЕЗДОЙ ГОЛЛИВУДА</i> ,/ Не выходишь <i>НА ПОДИУМ В НИЖНЕМ БЕЛЬЕ...</i> »	«И не похожа на <i>ШАРЛИЗ ТЕРОН...</i> »
«И <i>поешь</i> ты чуть ниже, чем <i>МОНСЕРАТ КАБАЛЬЕ...</i> »	«И никогда не <i>пела</i> с группой « <i>СПЛИН</i> »...»
«Не выдвигался на <i>ОСКАР...</i> »	«И « <i>ОСКАР</i> » вряд ли светит, что обидно...»
«... <i>ФРАНЦУЗАМ</i> не забивал...»	«И не брала <i>БЕРЛИН...</i> »

Из приведенных примеров важно отметить, что Вера Полозкова использует разнообразные механизмы-актуализаторы собственных имен в своем ономастиконе.

В поэтическом дискурсе поэта имеет место рецепция творчества того или иного автора. Термин «рецепция» является одним из базовых понятий в сфере изучения культурных взаимодействий и исторической преемственности (Цветкова 2003: 21). Основными механизмами рецепции являются «пересоздание» и «воссоздание». Если первый механизм рассматривается как «проецирование на другого автора своей картины мира и способов ее воплощения, то второй – предполагает исторический подход, ощущение дистанции, открытие чужого как

такового. В чистом виде «пересоздание» и «воссоздание» почти не встречаются, так как «всякая рецепция предполагает «двойную экспликацию», переплетение, «наложение» спорящих друг с другом начал» (Зинченко, Зусман, Киридзе 1998: 78). В результате механизма деятельности подобного рода работы с текстовым материалом одно художественное произведение становится для другого «межтекстовым инвариантом», или «прототекстом», то есть в итоге получаем текстовую модель, ориентированную в своей основе на максимальное сохранение смыслов в новых культурных, литературных и языковых условиях. Далее на материале поэтического цикла Веры Полозковой «*Песни острова Макунуду*»¹ (2012 г.) рассмотрим функционирование рецептивных механизмов, которые выступают в качестве ономастического субститута в тексте (Елистратова 2013в: 171–175).

Авторская интенция Веры Полозковой направлена на реконструкцию отдельных текстовых фрагментов автобиографии Нины Берберовой «*Курсив мой*» (1972 г.). Цикл характеризуется общей установкой на целостность, которая проявляется в композиционном оформлении: единое заглавие, четкая структура (римские обозначения стихотворных текстов цикла – I, II, III, IV), посвящение («Нине Берберовой»). Антропоним-посвящение в структурной организации поэтического цикла полифункционален: 1) обладает культурным потенциалом, так как отсылает к конкретному лицу – представителю «молодой» женской эмигрантской литературы XX века – Нине Берберовой; 2) интерпретируется как объединяющий и структурообразующий фактор цикла Веры Полозковой: «появляется возможность ... воссоздать в пределах одного текста авторское мирозерцание как систему, воплотить авторскую концепцию» (Фоменко 1992:18).

Автобиография Нины Берберовой «*Курсив мой*», начиная с первого текста поэтического цикла Веры Полозковой, реконструируется на уровне концептуально-образного аппарата. Сопоставим поэтический цикл Полозковой и

¹ Макунуду – административная единица Мальдив (относится к северному архипелагу Мальдивских островов). Она состоит из острова Каашиду и атоллов Гаафару и Мале (Северный и Южный). Добраться до острова можно от столицы архипелага на скоростном катере примерно за час. Это даже не остров, а крошечный островок площадью 2,43 га. Его обычно причисляют к романтическим местам для любителей экзотического и уединенного отдыха.

соответствующие по своей семантике главы из автобиографии Берберовой (см. табл. 2.4)

Таблица 2.4

**Сопоставительный анализ текстов Нины Берберовой «Курсив мой»
и Веры Полозковой «Песни острова Макунуду»**

<i>Нина Берберова «Курсив мой», главы «Товий и Ангел»</i>	<i>Вера Полозкова «Песни острова Макунуду», I текст цикла</i>
Отношения «человек – Бог»	
Товий <=> ангел Рафаил (библейский миф эпохи Ренессанса)	«океан» (стихия, Бог) <=> «я» (автор – человек)
Отношения «ведомый – ведущий»	
Товий (ведомый) – Рафаил (ведущий): «...я держу за руку, кого-то веду. И мне не страшно быть Ангелом...»; «...мой собственный поход по жизни, в котором я вдруг так счастливо раздвоилась, зная, что я соединяю обоих»; «я одновременно маленький человек, вернее человечек, ведомый этим Ангелом-гигантом..., что этот поход маленького и большого – мой собственный поход по жизни...А Ангел в полтора раза больше человеческого роста...» (Берберова 1996: 253–254).	«я» (автор – ведомый) – «океан» (Бог – ведущий): «океан говорит.../ я тут верховный чин / ты быстрее искорки, менее древоточца,.../ сам себе властитель, проектировщик, / военный лекарь, городской,.../ ну а ты, со сложной своей начинкой, /.../ будешь только белой моей песчинкой, поменьше рисового зерна...»; «кто не знает меры и тот, кто ропщет, в меня ложится вниз головой...».
Место человека в мире	
«...я помню, что два ощущения были свойственны мне...: чувство свободы и чувство связанности... Чувство связанности (или несвободы) было соединено со всем, что касалось моей судьбы вне России, Ходасевича, нашего «дома», времени и места моих дней и лет (глава «Гнездо и муравьиная куча») (Берберова 1996: 264).	«ну а ты, со сложной своей начинкой,/ гордыней барина и связующего звена...»

Данный поэтический цикл репрезентирует пример «продуктивной рецепции», иначе «...вхождение воспринимаемого произведения в творчество других авторов» (Климова 2009: 32). В нашем случае это проявляется в следующем:

- общая стилизованная маркированность с писателями зарубежной литературы на уровне образов: Э. Хемингуэй «Старик и море» – образы старика и лодки; Г.Г. Маркес «Сто лет одиночества» – селение Макондо (языковая игра на фонетическом уровне: [м][а][к]о[н][д]о – [м][а][к]у[н]у[д]у); название поэтического цикла Веры Полозковой «Песни острова Макунуду» по аналогии

со сказочными сборниками экзотических островов, например, «Сказки острова Бали», «Сказки острова Ланка»;

- общая концептуальная маркированность с писателями русской литературы: «*век свеча не гасла*» как отсылка к образу *электрической лампочки* в автобиографии Нины Берберовой: «8 августа Томас Эдисон, работая в Калифорнии и изобретая XX век, зажег небольшую электрическую лампочку в одном из калифорнийских пожарных депо. Представьте: *она все еще горит!* В 30-е годы в депо был ремонт, в 40-х годах в депо попала японская бомба. *А лампочка все горит*» (Берберова 1996: 25); образ *кружимого чертями судна* у Полозковой как отсылка к ключевым образам берберовской автобиографии: «...словно у той фигуры, которую ставят, вырезанную из дерева, на бушприт *корабля*, идущего в далекое странствие...»(Там же 1996: 253–254). Посредством сходных концептов поэт, как и Нина Берберова, пытается найти свое место в мире: «*я хочу быть чувством/ острова вдали*»;
- общая концептуальная доминанта с писателями русской литературы: у Полозковой: «для тебя кошмар/ кончен – счастье смерти/ есть великий дар» (Вера Полозкова)// у Берберовой: «Мне давно стало ясно, что жить, и особенно умирать, легче...» (Там же 1996: 25).

В лирических текстах цикла любовь коррелирует с человеческой памятью: «*вспоминали по именам тех, кто в детстве нравился,/ и смеялись, и говорили, что устоим*». Именно отмеченная концептуальная метафора «любовь – память» имплицитно отсылает к автобиографии Нины Берберовой: «*Десять лет жизни вдвоем, рядом и вместе с другим человеком, «он» и «я», которые думают о себе, как о «мы». Опыт соединения «его» в «меня», где не было многого, что бывает у других...*» (Там же 1996: 387).

Итак, «Песни острова Макунуду» Веры Полозковой – результат селективной работы, в результате которой воссоздается мозаичный сюжет собственной судьбы с интертекстуальной имплицитной проекцией на автобиографию Нины Берберовой «Курсив мой». Вера Полозкова эксплицирует свое отношение к прошлому посредством концепта «радуга»: «так как срока

давности –/ радуга над плечами...» (ср. у Нины Берберовой: *«И так продолжалось трое суток, пока на четвертый день я не проснулась в обычное время, часу в девятом, ..., поняла – в одну-единственную, закругленно-обнявшую меня, сияющую радугой минуту – все, что я сделала»* (Берберова 1996: 398)).

Довольно часто поэт обращается к **политической сфере**, проявляющейся в абсолютном большинстве текстовых примеров на уровне онимов: *«Нынче – ни Дуче, ни команданте Че»*. Данные онимы выступают как единицы, репрезентирующие связь с культурно-историческим контекстом и заявленной сферой-источником.

В стихотворении *«Тишище»* поэт обращается к **философскому дискурсу**: *«Как мыслишь – помните Декарта? – так и живешь; твой атлас – чист; судьба есть контурная карта – ты сам себе геодезист»*.

В некоторых случаях Вера Полозкова вводит в свои тексты **«полуантропонимы»**, или **«коннотонимы»**, иначе – семантические дериваты, произведенные от онимов, выполняющие функции как собственных, так и нарицательных имен. По такому типу образован коннотоним в стихотворении *«Елене Фанайловой»*: *«я райская адская / в смысле донецкая гадская / выдающаяся рассказчица / чисто сестра стругацкая»* (ср. братья Борис Натанович и Аркадий Натанович Стругацкие – советские писатели, сценаристы – см. выше): *«сестра стругацкая»* как синоним к лексеме *«писатель»*. Как отмечает *«Академическая грамматика»*, «имена существительные собственные переходят в разряд нарицательных, когда они служат для обозначения целого класса однородных предметов и явлений» (ГРЯ 1952).

Интересны случаи окказиональной фразеологизации на базе языковой игры с именем собственным. Так, в тексте *«Остаточные явления»* (2006), метафорическая доминанта поддерживается инверсивным переосмыслением реального имени-псевдонима *«Демьян Бедный»*. У Веры Полозковой – окказиональный фразеологизм «бедные, как Демьян» употребляется в ином значении: *«Ты влюбленная до чертей, а он просто пьян»*.

Вера Полозкова в своих текстах стремится использовать антропонимы, относящиеся к различным культурным сферам и обладающие знаковым характером как на диахронном, так и на синхронном уровнях.

Актуальный синхронный срез антропонимов образуют собственные номинации (семьи линейного времени) из непосредственного бытового общения Веры Полозковой – члены семьи («*Косте Щ, брату*»), друзья («*Лене Погребижской*»; «*Елена Костылева*»), коллеги по театру («*Эду Боякову*»), участники эпизодических встреч («*Анечке*»; «*Лохматому*») и сама поэтесса («*Здравствуйте, Вера. Новых входящих писем/ Не обнаружено в Вашем почтовом ящике*»).

Так, название текста «*Е.П.*» (2004) состоит из заглавных букв имени и фамилии адресата стихотворения – Елены Погребижской, музыканта, журналиста, лидера известной группы «*Vuch*». В самом поэтическом тексте нет ни одного упоминания имени близкой подруги автора. Все номинации осуществляются косвенно (персональный дейксис). Последние строки стихотворения – это непосредственная отсылка к песням самой Елены Погребижской. Например, «*Тебя встретит утро, желтое как лимон...*» (песня «*Утренний свет*») и далее – «*Икарами, улетающими на юг*» (песня «*Икары*», «*Чувства на волю*»).

Интересен поэтический текст, посвященный другу по прозвищу *Топор* – «*Мой друг Левинский Родион...*» (2005). В рамках одного текста Вера Полозкова использует онимы, относящиеся: а) к разным темпоральным осям (Давид–Плутарх–Селин Дион–Левинский Родион); б) к разным тематическим категориям (философия / музыка / журналистика). Первые две строфы отличаются анафорическим повтором: «*Мой друг Левинский Родион*» / «*Мой друг Топор...*». Все антропонимы появляются в грамматических структурах сравнения: «*почти Селин Дион*», «*И мощный, как Давид*», «*Он мудрый, как Плутарх*».

К указанной группе антропонимов относится одноименный поэтический цикл Веры Полозковой из 24 текстов, посвященный адресату по имени «*Дзе*». В стихотворении «*Камлать*» применительно к данному мужскому субъекту интерес представляет мифоантропоним «*...как шальная жenuшка Менелая...*» (Елена

Троянская). Данный пример иллюстрирует модификацию архаичного, свойственного андроцентричной, патриархальной картине мира представления о женщине как источнике греха и зла (в тексте Полозковой этот античный образ проецируется на мужской субъект). Номинация «*король червей*» («Не сходи с моих рук, ты *король червей*») многофункциональна: а) отражение социальной иерархии и социальных ролей членов патриархального общества (король как один из титулов монарха (Ожегов, Шведова 1999: 297)); б) внутренних качеств героя («король – иными словами, лучший среди других подобных» (Там же 1999)); в) карточной символики: «король червей» – женатый человек.

В целом же, доминанту онимов мужских персонажей образует бинот «возлюбленный – возлюбленная»: «Маленький мальчик, жестокий *квиддич*, сдохнем раньше, чем отдохнем./ *Бедный Гарри*, теперь ты видишь, что такое играть с огнем...» («И последнее», 2007). Прецедентное имя развивает когнитивную метафору «*игра – любовь*»: «*жестокий квиддич*» – вымышленная спортивная игра, в которой участвуют герои романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере) <=> «*любовь*» <=> «*играть с огнем*».

Для поэтического цикла «Дзе» Веры Полозковой характерна некая онимическая эклектичность, эксплицирующая вторичные когнитивные признаки лица из личного окружения автора: ***семь доминирования, силы, власти, боли***: «Он станет сварщиком из котельной, вселенским злом, или *Папой Римским*...» («Девятнадцатый стишок про Дзе», 2007). В контексте данного стихотворения Полозковой известная фразеологическая единица ассоциируется с «болевым» элементом мужского образа: «Маленький мальчик, *танталовы муки*, хочется и нельзя...» («И последнее», 2007). Идиома древнегреческого происхождения применительно к маскулинному персонажу репрезентирует «страдания, вызываемые созерцанием желанной цели и сознанием невозможности ее достигнуть» (ФС 1978: 255).

Синтагматика антропонима позволяет увидеть возможные контекстуальные смысловые приращения имени собственного и на этом основании интерпретировать поэтические тексты. Лингвопрагматический потенциал имени

Дзе позволяет говорить о том, что в поэтическом цикле данный антропоним контаминирует *информационно-стилистическую* и *эмоционально-стилистическую подфункции*.

Антропонимы, относящиеся к синхронному срезу, наиболее часто представлены *кинематографической тематической сферой*. Так, в поэтическом тексте Веры Полозковой «*Другое кино*» (2007) с помощью 3 онимов, относящихся к сфере кинематографа (Алехандро Гонсалес Иньярриту, Квентин Тарантино, Дарен Аронофски) создана параллель между историей в поэтическом произведении и теми антропонимами, к которым обращается автор. Все 3 онима выполняют функцию предикативных распространителей: «Он *похож* на героев *Алехандро Гонсалеса Иньярриту...*»; «Ты *точь-в-точь Баттерфляй* из последнего фильма *Квентина Тарантино...*»; «Вы *почти персонажи Дарена Аронофски...*». В каждом из случаев использования антропонима автором дается определенная подсказка – ключевое слово, помогающее правильно интерпретировать смысл как текста самой Веры Полозковой, так и найти верный культурный донор-источник: «Ты *точь-в-точь Баттерфляй* из последнего фильма *Квентина Тарантино...*» (*Баттерфляй* – прозвище одной из героинь в фильме Квентина Тарантино «Доказательство смерти», которая погибла в автокатастрофе); «Вы *почти персонажи Дарена Аронофски* – / Два динамика, / *отпевающие мечту*» (отсылка к «*Реквиему по мечте*» режиссера). Таким образом, в данном поэтическом тексте антропонимы представляют собой прецедентный комплекс, относящийся к одной понятийной сфере – кинематограф.

В стихотворении по первой строчке «*Мое сердце тоже – горит, как во тьме лучина...*» (2007) Вера Полозкова вновь обращается к кинематографу, употребляя имена известных актрис – Кароль Буке и Летиции Каста, строя на этой антропонимической основе собственную автохарактеристику: «*Объект; никакого сходства с Кароль Буке, / Летицией Кастой...*». Отрицательное местоимение «никакого» в структуре предложения подчеркивает невозможность подобного сравнения.

Наряду с кинематографом, автор апеллирует и к изобразительному искусству («...или одетой махой...»): ср. испанский художник эпохи романтизма Ф.Х. де Гойя «Одетая Маха». Выбранные поэтом антропонимы репрезентируют женский идеал красоты (например, Летиция Каста выбрана национальным символом Франции). Вера Полозкова строит историческую шкалу красоты, но среди опорных координат не отводит себе места. Рассмотренный текстовый пример иллюстрирует различные сферы-источники прецедентных антропонимов, которые объединены авторской интенцией, отраженной в стихотворении.

В тексте «*Disk World*» (2005) употреблено имя английского писателя Терри Пратчетта, которое связано содержанием всего стихотворения в целом. Первая строка «*Мир это диск, как некогда Терри Пратчетт/ Верно подметил...*» сразу же сообщает дополнительную информацию для декодирования содержательного смысла поэтического произведения: Терри Пратчетт – автор серии книг «*Disk World*», или «Плоский мир», в жанре юмористического фэнтези, отсюда вполне мотивированное использование лексемы «диск». Если у Терри Пратчетта действие происходит на фантастической планете (некий миф), то Вера Полозкова в своем тексте дает буквальную вербальную иллюстрацию этому: мир – диск, но «*в трещинах и пиратский*» – отражение отрицательной коннотации окружающего мира, где в роли Бога выступает «*Диджей*» (вполне закономерное написание слова со строчной буквы), которого «...никто не видал»: «*И неизвестно, есть ли вообще Диджей*». Такие лексемы, как «деки», «диски» используются автором для того, чтобы продолжать когнитивную метафору: «компьютерный диск – мир». Поэтический текст «*Disk World*» репрезентирует прецедентную цепочку¹, где антропоним и лексемы являются взаимообусловленными источниками друг друга.

Вера Полозкова обращается и к сфере музыки. В качестве иллюстраций можно привести стихотворение, посвященное грузинской джазовой певице и композитору Нино Катамадзе (2006): «*Отдайте меня букетом – одной певице...*». Имя певицы автором скрывается на протяжении всего текста, однако в последней

¹ *Прецедентная цепочка* – группа прецедентных единиц, где каждая из предыдущих является непосредственным источником последующего (Немирова 2003: 153).

строфе появляется оним – «Нино». Свое личное отношение к известной певице Вера Полозкова выражает посредством множества компаративов: «Сажает тебя в партер к себе *как в корытце,*/ Купает в горячем голосе, *как младенца,* / Закутывает в сиянье, *как в полотенце...*». Финальные строки – аллюзия на сказку А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке»: «Выходишь с ее концерта раздетым, вскрытым,/ Один, как дурак, *с разбитым своим корытом...*». Прецедентные элементы используются поэтом в сильной позиции текста – в последней части текста. Однако прецедентный антропоним оказывается в тексте единичным, имплицитно мотивированным другим прецедентным феноменом (аллюзивная отсылка на сказку А.С. Пушкина) на уровне эмоциональных стратегий автора текста.

Неоднократно Вера Полозкова обращается к антропонимам, относящимся к различным сферам-источникам, проводя параллели с собой. В стихотворении «*Буду реветь, криветь...*» (2007) поэт использует предикаты исключительно в будущем времени, в том числе обозначая и свои амбиции: «Буду *Макс Фрай*, let' s try, *Айшварья Рай ...*». *Макс Фрай* – создатель фантастического цикла, где главный герой живет под псевдонимом некоего *Сэра Макса*, служащего в тайном сыскном войске (отсюда вполне мотивированное появление словоформы «*поддельным ксивам*»). Имя *Айшварья Рай* также когнитивно обусловлено: «*Если б еще ты не был таким красивым - / Но как-то очень, - ляг да и помирай*». В последней строфе зашифровано имя И.А. Крылова: приводятся строки из его басни «*Стрекоза и муравей*»: «*Вот ты теперь поди-ка / Да попляши*».

В целом для синхронных антропонимов характерны гипокористические формы личных имен (17 единиц), которые распространены в очень близком, семейном кругу («Аня», «Костя», «Лена» и др.) и несут в себе оценочную информацию о внутрисемейных отношениях. Среди личных имен выделяется группа с уменьшительно-ласкательным суффиксом -к- («Анечка», «Володечка», «Танечка»). Поэтические тексты Веры Полозковой иллюстрируют значимость таких моделей, как «имя + фамилия» (10 единиц) («Анна Заболотная», «Костя Бузин», «Левинский Родион» и др.), «прозвища» (9 единиц) («Армаха», «Град»,

«Дзе» и др.), которые важны, во-первых, для представителей русскоязычного общества, к которому принадлежит поэт Вера Полозкова, во-вторых, они индивидуализируют лицо (имя и фамилии), вносят оттенок экспрессии (прозвища, клички), выполняют информационно-стилистическую функцию.

Итак, антропонимы на диахронном и синхронном уровнях участвуют в определении шкалы ценностей и моделей поведения членов лингвокультурного общества.

К диахронным и синхронным антропонимам в рамках настоящего исследования мы отнесли имена, неимеющие литературной биографии, взятые автором из реального именника эпохи, иначе – **антропопоэтонимы**. Данный класс онимов (30 единиц – 5,43%) позволяет отразить поэту некий вымышленный мир с вполне земными проблемами.

Таков незавершенный поэтический цикл «Короткий метр», который начал создаваться поэтом с 2008 года: «*Старый Хью жил недалеко от того утеса...*» (2007), «*Это Гордон Марвел*» (2008), «*Полбутылки рома, два пистолета*» (2008), «*Грейс*» (2008), «*Черный квартал*» (2008), «*Миссис Корстон*» (2008), «*Тара Дьюли*» (2008), «*Джо Тодуа*» (2008), «*Джеффри Тейтум*» (2008), «*Пайпер Боул*» (2008), «*Говард Кнолл*» (2008), «*Бернард пишет Эстер*» (2008), «*Старому Маджиду приходит срок, его кормят, как птицу, с рук...*» (2009), «*Клэрити Пэйдж*» (2009), «*Sweetest Goodbye*» (2009), «*Бобби Диллиган*» (2009), «*Эмили*» (2010), «*Кэти Флинн, пожилая торговка воспоминаниями...*» (2011).

Особенностью поэтического цикла является то, что автор репрезентирует читателям определенный искусственный субститут «голливудского мира» в системе координат реального топоса. Подобная отличительная черта объясняется как влиянием процесса глобализации, которая, в свою очередь, обуславливает процесс конструирования в современной общественной системе «особой виртуальной надстройки над естественной реальностью» (Костина 2006: 18), так и спецификой картины мира современного молодого поколения, выросшего на культуре американского кино.

Все рассмотренные нами стихотворения цикла Веры Полозковой ландшафтно ориентированы определенным топосом (Англия–Америка), тесно связанным с общественно-культурными особенностями героев текстов. Иными словами, «западный» мир Веры Полозковой выступает как «ментефакт» (термин В.В. Красных (Красных 2003: 154–155)). Поясним подробнее данное положение.

Англо-американский мир в текстах Веры Полозковой – национально-лингвокультурный комплекс, основанный на культурологической компетенции и биллингвальном потенциале самого автора (поэт прекрасно владеет английским языком). Средствами создания вторичной реальности выступают не только антропоэтонимы иноязычной природы, но и топонимы, поэтонимы, прагматонимы, слова-реалии, представляющие сюжетные виртуальные ситуации, интертекстуальные явления, отсылающие нас к зарубежной литературе, музыке, кино, редуцированные иноязычные языковые вкрапления, а также имена, построенные на основе игры звуковых сегментов: «Монотонный кафельный неуют, аккуратный больничный ад – /...только в голове у тебя поют и, сияющие, стоят – кроткая прекрасная *Дариют*, гордая высокая *Рабият...*» (2009). Механизм действия образования авторские иноязычных онимов таков: звуковое созвучие=>антропоним («неу[**j**ут]» – «Дари[**j**ут]»; «[**б**]ольничный [а**т**]» – «Ра[**б**]и[**j**ат]»).

Исходя из того, что все перечисленные языковые средства участвуют в создании англо-американской реальности, учитывая частотность их проявления в поэтических текстах, попытаемся представить модель западного мира у Веры Полозковой, особенности ее структуры.

Так, в тексте «Бобби Диллиган» (2010) среди целого ряда элементов, репрезентирующих концептуальный образ англо-американского мира, ключевое положение занимают реально-существующие топонимы – название отдельного штата: *Джерси* («Из больницы в *Джерси* пришла бумага...») – *Нью-Джерси* (штат на северо-востоке США). В тексте Веры Полозковой эксплицирована только вторая часть имени штата *Джерси* вместо *New Jersey*. Прозвище штата, отражающее особенности его сельского хозяйства – «*The Garden State*» («садовый

штат») – одновременно выполняет и *эмоционально-стилистическую подфункцию*, и *информационно-стилистическую* (характеристика субъекта действия): «Бобби Диллиган...самая живописная из развалин»; отношение к нему: «Ему пишут... из *надушенных* вдовьих спален...». Имя затрагивает имплицитно экономическую ситуацию, на что указывает адъективное словосочетание «*придется туго*» (в настоящее время по производству сельскохозяйственной продукции штат занимает последнее место); название экономико-географического района в США – «Небеса черней, чем зрачки у мага, и свежо, если ехать с юга...» (*the South*); лексемы, указывающие на особенности политической географии – округ или *district* («Уже ночь, на стекла ложится влага, оседает во тьму *округа*...»), штат или *state* («вытряхни над морем весь этот ад/по крупинке на каждый город и каждый *штат*...»).

Посредством топонимических средств и локативных предлогов Вера Полозкова задает координаты перемещения объекта – «...с юга...в Джерси...» (Нью-Джерси – северо-восток США). Географическим потенциалом обладает и прагматоним «*водафон*» («операторы «*водафон*», или «*альджауаль*», или «*кубасель*»...»). Поэт вводит в текст связанный с английской культурой прагматоним для создания определенного лингвокультурного фона, привязывая воссозданную поэтом «вторичную» реальность к объективно существующей действительности. Следует отметить, что в препозиции к прагматониму стоит существительное, обозначающее товар. Следовательно, получаем словосочетание по схеме N1 + N2, где первый элемент – существительное в типичной для английского языка функции определения (Джиоева 1995: 39–40). В стихотворении «Бобби Диллиган» Вера Полозкова активно использует транслитерацию при передаче на письме имен товаров, подчеркивая тем самым свою билингвальную природу. Данный тезис справедлив относительно языковых вкраплений («покупай, мое сердце, билет на последний *кэш*...»), где «*кэш*» – слэнговое обозначение наличных денег. Написание марок сотовых операторов со строчной буквы иллюстрирует то, что данные имена используются не в своей первичной функции обозначения товара, а для создания географического фона. Присутствие

ирреальных имен *Бобби Диллиган*, «*Кэйт и Сьюзанн*» – не противоречит реальности происходящего. Иноязычное имя «*Бобби*» – гипокористическая форма от английского имени «*Роберт*» (*Robert*) – «*hruod*» – «слава» + «*beraht*» – «яркий, блестящий», чем мотивированы такие внешние качества объекта, как «...*статен*, как древний эллин, *самая живописная* из развалин.../*...тысячи сердец отворил и выжег...*», а также профессиональные – «*Бобби отыграл двадцать три концерта, тысячи сердец отворил и выжег...*», «...*и девчонки аж тормозили юзом, чтоб припарковаться у «Кэйт и Сьюзанн», где он пел...*». Предикаты «*припарковаться*», «*пел*» дают представление об имплицитно заданном урбанониме – «*Кэйт и Сьюзанн*». В редуцированном виде данное сочетание иноязычных имен собственных ассоциативно напоминает культовый роуд-муви «*Тельма и Луиза*»: сюжет о двух отчаянных девушках, отправившихся на уик-кэнд с множеством злополучных приключений – «и девчонки аж тормозили юзом...», роль Луизы исполнила актриса Сьюзан Сарандон – одно из имен «*Сьюзанн*», персонаж работает официанткой в кафетерии – «*припарковаться у «Кэйт и Сьюзанн», где он пел...*». По ряду признаков жизненная коллизия Бобби Диллигана («...*в общем знает, что крепко болен.../.../ Бобби слыл отпетым головорезом, надевался на / вражеский ножик пузом, даже пару раз с незаконным грузом/пересекал границу с соседним штатом;/ но потом внезапно увлекся блюзом.../.../ Бобби отыграл двадцать три концерта, тысячи сердец отворил и выжег...*») позволяет установить ассоциативную связь с американским блюзовым певцом Бобби Блэндом. Кроме того, в стихотворении мы встречаем целый ряд социальных реалий западной семантики, активно участвующих в конструировании западного континуума: «...Он отдаст своей девочке все до *цента...*» (*цент* – денежная единица, чеканящаяся с 1793 г. в США), «...но потом внезапно увлекся *блюзом...*» (*блюз* в переводе с англ. «тоска, печаль» – музыкальная форма и жанр, зародившиеся в конце XIX в. в афроамериканском сообществе Юго-Востока США) – ср.: «...он с гастролей едет домой, *похмелен, и/немного даже сентиментален...*», «*уходи, печали кусок, пить густой*

тростниковый сок или *темный ром...*» (с конца XVII в. сформировалась индустрия по производству рома в Новой Англии).

В стихотворении «Черный квартал» (2008) инициальный топоним отсылает реципиента к названию этнического американского квартала: «*Черный квартал*» («*Гарлем*») – негритянское гетто в Нью-Йорке, где процветают нищета и бесправие афроамериканского населения в США, поэтому квартал – рассадник грабителей, убийц, воров, гангстеров: «*Черный квартал*» ↔ «*...не суйся в эти предместья: челка/ Бесит девчонок нашего переулка...*» ↔ «*Так что подумай, Майки, о своем затылке, / Прежде чем забивать здесь кому-то стрелки...*» ↔ «*...мы ведь бываем пылки/ По отношенью к тем, кому нас не жалко...*» ↔ «*Знаю, что ты скучаешь по мне, нахалке./ (Сам будешь вынимать из башки осколки)*». Иноязычный оним, введенный Верой Полозковой, связан с топонимическим потенциалом всего текста и воссозданной в нем реальности. В данном тексте разговорная форма антропопонима *Майк* обусловлена бытовым характером противостояния объектов любовной коллизии: имя героя в буквальном переводе – «тот, кто подобен Богу. В Библии «*Михаил* – архангел, который, согласно легенде, воевал против сатаны» (Рыбакин 2000: 146–147). Слова, поступки, внутреннее состояние, события, в которых участвуют герои тесно связаны с образом воссоздаваемой действительности – семы с отрицательной коннотацией, отражающие специфику квартала: «*не суйся в эти предместья*», «*крепкий алко*», «*забивать здесь кому-то стрелки*», «*вынимать из башки осколки*», «*игре-стрелялке*», «*язвительной перепалке*», «*крутая сделка*». Следовательно, объекты действия обусловлены топонимической характеристикой. Прецедентный редуцированный сюжет из романа Г. Гессе «*Степной волк*» усиливает антиномию героев, репрезентируя их нравственные качества: «*Мы были странной парой – свинья-копилка/ И молодая самка степного волка*». Весьма интересно распределение гендерных ролей: «*молодая самка степного волка*» – концептуальный образ женского начала, чем обусловлен фразеологизм «*кручусь как белка*» в значении «*быть в беспрестанных хлопотах, заботах, занятиях*» (ФС: Эл. ресурс). Обычно в стае степных волков самка отбраковывает детей,

уничтожая слабых, рассчитывает количество молока, обучает своих детей охоте, знакомит с территорией. Свинья-копилка – концептуальный образ Майки, который «...такая щелка,/ Чтобы монетка, звякнув, катилась гулко...». Концептуальный образ «свинья-копилка» фрагментарно напоминает о сказке Г.Х. Андерсена «Свинья-копилка»: в западноевропейском доме среди всех игрушек выделялась одна – свинья-копилка, которая думала исключительно о деньгах. Степень проявления чувства выражается посредством лексемы «катафалка», иначе смерти, поскольку «катафалк – погребальная колесница в похоронной процессии» (ССРЛЯ 1999: 39). С 20-х гг. прошлого века катафалк получил признание в США и в странах Европы, созданный на базе марок «Кадиллак» и «Линкольн».

Имплицитно к отмеченному хорониму Вера Полозкова обращается в другом стихотворении цикла «Кэти Флинн» (2011). Целый «арсенал» языковых и внеязыковых элементов помогают воспроизвести реальность Черного квартала: инициальный американский антропопозитив *Кэти Флинн* (*Кэти* – дериват имени *Katharine*), который употребляется главным образом в США (Рыбакин 2000:122); традиционная форма обращения к мужчине в США: «Сэг', вы доведете меня до пр'иступа...» («сэр – наименование мужчины (обычно присоединяемое к фамилии или к имени) в Англии, США и других странах английского языка» (ССРЛЯ 1999: 328)); социальные реалии, указывающие на занятия, распространенные в районе Гарлем (торговля запрещенных товаров (наркотики)): «Свой товар Кэти держит в высоких железных банках и называет его «отрава»...» (в значении «что оказывает вредное, губительное влияние на кого-л., что-л.» (Там же: 704), «Я смеялся над Кэти Флинн, хотя хлеб ее, в общем, горек...» («хлеб горек» – в значении «тяжелый труд»); увлечения жителей квартала: «И стреляю водой из шприца в каждого несчастного домочадца...», «Все воспоминанья – сухая смесь, растираешь пальцами,/ погружаешь лицо в ладони,/ И на сорок минут ты в той самой рубашке, и тем июлем, на том же склоне...» (следствия потребления наркотических средств: «наркотики – сильнодействующие вещества, вызывающие состояние одурманивания,

опьянения» (ССРЛЯ 1999: 388)); социальная принадлежность (Черный квартал – район для малоимущих)→гипокористическая разговорная форма онама *Кэти*; род деятельности главной героини – «... пожилая *торговка...*», «Ее *лавочка* от меня через три квартала...» («*торговка*» в значении «женщина, занимающаяся мелкой частной рыночной или уличной торговлей»; «*лавочка*» в значении «нечестного, незаконного предприятия, затеи»), «Моя мать ходила к ней по субботам за пыльной баечкой об отце/ или о моем *непутевом* братце...». На ирреальность происходящего указывает лексико-грамматический уровень языка: сема «*воспоминаниями*» (2 раза) – в значении «мысленное воспроизведение, возобновление представлений о ком-либо, чем-либо» (Там же: 215–216), предикаты в форме прошедшего времени «*ходила*», «*научился свистеть и драться*», «*был остряк и плут*», «*смеялся*».

В своих поэтических текстах цикла «Короткий метр» Вера Полозкова использует наряду с антропонимами географические наименования. Например, в стихотворении «Миссис Корстон» (2008): «Они ездили в *Хэмпшир...*». *Хэмпшир* (*New Hampshire – Нью Хампшир*) – графство в Англии, которое известно как центр туризма. По престижности места отдыха можно судить о социальном классе и материальном положении героев, поэтому мотивированным становится употребление лексем, обозначающих алкогольно-табачную продукцию: «...любили *виски...*(одним из национальных напитков в США считается виски «Бурбон») /.../ Иногда сэр Корстон видится ей с *сигарой и «Джонни Уокером»...*» (традиционная школа производства сигар в США); 2) досуг: «Очень пьяным, бессонным, злым, за воскресным *покером...*» (*покер* – одна из самых распространенных игр в США); 3) система обращений: «сэр Корстон» – «*миссис* Корстон» («*миссис* – наименование замужней женщины в Англии, в Америке, обычно присоединяется к фамилии или имени, в нашем случае – к фамилии).

Имена собственные способны не только достаточно конкретно задавать пространственные координаты, но и поддерживать национальную самобытность и колорит, благодаря присутствующему в их значении национально-

маркированному компоненту. Так, в тексте «Клэрیتی Пейдж» (2009) поэт помимо топонимов, антропопозитивов, реально существующих антропонимов вводит название праздника: «Он звонит ей раз в год, в канун *Рождества Христова...*». *Рождество Христово* – официальный европейский семейный праздник, отмечаемый 25 декабря. Закономерны следующие когнитивные признаки: «Он звонит ей раз в год, в канун *Рождества Христова, / И желает счастья...*». Помимо этого, для верной интерпретации текста для нас значима совокупность онимов, обладающая западным потенциалом: авторские иноязычные онимы – *Клэрیتی* и *Дэвид Пэйдж* (*Пэйдж* (*Paige* – распространенная английская фамилия); реальные антропонимы – *Д. Лавджой*, *Н. Уэйн* («Знать, что *Лавджой* красавица, *Уэйн* пузат...»); имя штата – *Канзас* («Дэвид Пейдж живет с новой семьей в *Канзасе...*»).

Фамилия *Пэйдж* (*Page*) – в переводе с англ. «мальчик-слуга, паж», чем и мотивировано поведение Клэрیتی по отношению к своему бывшему мужу Дэвиду – группа акциональных глаголов: «*собирает* для Дэвида все образцы и пробы», «*печет* пироги», «*угощает* соседей», «*возит* матушку Дэвида», «*фотографирует* объявления», «*ходит* в магазины», «*подбирает* гардины». Действия главной героини сюжета обусловлено этимологией имени бывшего, но любимого мужа *Дэвида* (*David* - в переводе с английского языка означает «любимый»): «в сорок два держится на тридцать, почти не старясь», «делает маникюр», «носит сногшибательное белье», «учится танцам после работы»; представление иллюзорного мира: ирреальная модальность («так, как *будто бы...*» (3 раза), «...ездит в чудные города, *те, что все равно бы*/ Никогда не смогла ему показать...», «*проектирует* рай земной» (в значении «предполагать, намечать, собираться создать или сделать что-либо» (ССРЛЯ 1999: 483–484)).

Увлечение Клэрیتی Пэйдж театром и реальные антропонимы – *Д. Лавджой* и *Н. Уэйн* – взаимосвязаны между собой, так как имена реальных антропонимов – американские театральные актеры.

Название штата, который существует в США, включает текст в определенную территориальную пропозицию: «Дэвид Пэйдж живет со своей

новой семьей в *Канзасе...*». Топоним выполняет функцию адресного знака, так как Канзас – штат в центральной части США.

Стихотворение «Джо Тодуа» (2008) интересно тем, что топонимическое пространство реконструируется в большинстве своем посредством социально-бытовых реалий, которые также участвуют в создании соответствующего лингвокультурного фона. Например, еда: «Неси мой *стейк* уже, не томи...» (*стейк* – *steak* – качественно приготовленный толстый кусок мяса, вырезанный из туши животного; классическое национальное блюдо в Америке). Далее можно указать на имплицитный штат Техас, который имеет прозвище «говяжий штат», занимает ведущее место по производству мясного животноводства («*The Beef State*») (Томахин 1982: 77); «–Лу, зачем мне *кунжут* в салате–Лу, я же не ем *кунжут*...» (*кунжут* – приправка к мясным или овощным блюдам, с XVII–XVIII вв. семена кунжута – популярный компонент в кухне южных штатов Америки); объекты политической географии: «И с тех пор живет через два *квартала*...»; музыка: «Вот собрался было пойти послушать *джаз* сегодня – но что-то/ поздно сообразил.../ *Джазом* очень в юности увлекался...» (*джаз* – форма музыкального искусства, возникшая в конце XIX–начале XX вв. в США). Все используемые автором в тексте иноязычные имена – закономерные элементы западного мира. Имя объекта действия ассоциативно связано с реально существовавшим именем американского джазового певца Джо Уильямса (Джозеф Горид), который с раннего возраста увлекался музыкой в стиле джаз); *МакГил* – *мас* – американская приставка к фамилии со значением «сын», иначе «сын Ги́ла»; *Лу* – дериват разговорной формы полного имени *Louisa*. Частотность употребления гипокористических разговорных форм имени мотивирована тем, что автор поэтических текстов воспроизводит жизнь среднестатистического американца.

Практически в каждом тексте поэтического цикла Веры Полозковой социально-бытовые сегменты выполняют ключевую роль в моделировании западной реальности. Они выступают неким смысловым фоном и могут быть классифицированы следующим образом:

- **занятия:** «А мигрень – лучше секса и алкоголя, лучше *шопинга...*» («Барбара Грэйнд», 2012). *Шопинг* (от англ. «*shopping*») – пристрастие посещать магазины: указание на данное увлечение и инициальный оним взаимно мотивированы, так как родоначальницей популярнейшего явления является американка Барбара Зелински, иными словами, «*шопинг*» – связующее звено между «реальной» Барбарой и ирреальной Барбарой Грэйнд; «Тара Дьюли поет под плеер («эй, мисс, потише вы!»)/ Носит строгие туфли с джинсами *арэнбишными...*» («Тара Дьюли», 2008), где согласованный атрибут указывает на *ритм-н-блюз*, или *ар'эн'би* – музыкальный стиль, особенно популярный в США;
- **профессии:** «Задолжал, вероятно, мелким небесным *брокерам...*» («Миссис Корстон», 2008), (*брокер* от англ. «*broker*» – мелкий торговец, посредник, агент);
- англо-американские **заведения** для распития алкогольной продукции: «Он обожает сына, и четверга нет,/ Чтоб они не сидели в *набе...*» («Говард Кнолл», 2008), (*наб* – сокращение от англ. «*public house*» – заведение, в котором продаются алкогольные напитки для распития внутри или вне данного помещения);
- **напитки:** «По какой-нибудь замечательной *блади-мэри...*» («Говард Кнолл», 2008);
- **лекарственные препараты:** «Он живет один, он съедает в сутки по лошадиной/ Дозе *транквилизаторов...*» (транквилизаторы – вещества, убирающие эмоции, американский психиатр Раш разработал данные препараты);
- **животный мир:** «Он глядит на нее, как сентиментальный *бассет...*» («Говард Кнолл», 2008). *Бассет-хаунд* – порода собак в Великобритании, в данном примере порода собаки выступает в качестве элемента компаратива).

Следовательно, первая пространственная модель – геокультурная – формируется посредством участия целого комплекса языковых элементов, но в

первую очередь топонимами, которые выполняют информационно-стилистическую функцию.

В основе следующей модели находится интертекст. Пространство интертекста выступает в качестве сигнала кросскультурной концепции вторичного западного мира. Актуализация в культурно-языковой цитации позволяет воспроизвести реальную западную действительность. В текстах поэтического цикла «Короткий метр» Веры Полозковой интертекстуальные аллюзии отличаются своей неоднородной структурой: от целостных высказываний до отдельных имен. Кроме этого, интертекстуальные элементы поддерживают внутреннюю межтекстовую связь с пропозицией поэтического текста автора. В стихотворении «Год назад» (2009) Вера Полозкова вводит отдельные лексические компоненты из песни «Пятнадцать человек на сундук мертвеца» из романа Р. Стивенсона «Остров сокровищ» («Полбутылки рома, два пистолета,/ Сумка сменной одежды и все готово...», ср. «Йо-хо-хо, и бутылка рому!...»). Использование интертекстуальной единицы в форме целого высказывания выглядит уместным и вступает в синонимические отношения со всей сюжетной ситуацией. В стихотворении разворачивается типичная голливудская бандитская история с «вооруженным хулиганством», «пушкой» (сленговое обозначение огнестрельного оружия), с «гангстерами» (гангстер – член преступного сообщества, термин используется главным образом в отношении членов преступных организаций в США). Прецедентный поэтоним Фокс в переводе с английского означает «лис, хитрец», что отсылает нас к персонажу из кукольного мультфильма У. Андерсона «Бесподобный мистер Фокс». Герой стихотворения Веры Полозковой, как и ловкий лис, пытается доказать, «Мол, вот это мое. И это мое. И это...». Можно констатировать, что известный сюжет повторяется только на уровне модальности аллюзивной отсылки путем использования указательно-определяющей дейктической рамки – «это» (3 раза) и «мое» (2 раза); повторяющегося соединительного союза «и» (2 раза), который усиливает желание присвоения чужого имущества. Однако и этих

морфологических компонентов достаточно для того, чтобы семантическое наполнение этого текста прочно ассоциировалось с зарубежным источником.

В поэтическом тексте «Sweetest Goodbye» (2009) любовная коллизия вводится через музыкальную отсылку: название стихотворения – песня американской поп-рок-группы «Maroon 5» «Sweetest goodbye» («Сладкое прощание»), а характеристика героев дана в контексте творчества двух известных американских режиссеров: «летние любовники, как их снимал бы *лайн* или *уинтерботтом*...». Изображение тайной связи в тексте Веры Полозковой – копия кинокартин Э. Лайма и М. Уинтерботтома. Сам поэт выступает в роли режиссера англо-американской любовной истории, выбирая перспективу («*жареный воздух, пляшущий над капотом.../.../ она движется медленно, чуть касаясь губами его лица/самой кромки густых волос/ послеполуденный сытый зной, раскаленный хром, отдаленный ребячий гогот/ тротуары, влажные от плавленого гудрона и палых ягод...*»), фокусируя внимание на значимых деталях, создающих образ «летних любовников» («*брови, пух над губой и ямку между ключиц заливают потом...*»).

Марка автомобиля («старого *кадиллака*») отсылает не только к месту действия (*Cadillac* – марка автомобилей класса «люкс», производимая преимущественно в Северной Америке), но и социальному положению объектов описания, жизненным принципам (лозунг автомобильной марки - «Жизнь, свобода и стремление»: «*завтра у нее самолет / и они расстанутся на год / видит бог, они просто делают все, что могут...*»). Атрибут «старый» позволяет говорить о времени производства марки автомобиля (*Cadillac* – одна из старейших марок автомобилей, созданная в 1902 г.). Встреча «летних любовников» у Веры Полозковой подобна детективной истории, чем объясняется появление в тексте сокращенного варианта обозначения сотрудников полиции «копы» («тише, детка, а то нас *копы* найдут...»), прецедентного поэтонима специального агента ФБР *Тима «Салли» Салливана* из американского детективного телесериала «Кости» («тише, детка, а то нас *копы* найдут/или *миссис салливан*, что похлеще...»). Написание данного типа онимов со строчной

буквы – символ обозначенных отношений, имеющих преходящий характер: *«ты ведь будешь скучать по мне, детка, когда упакуешь вещи /когда будешь глядеть из иллюминатора, там, в ночи...»*. Олицетворение *«море спит, но у пирса всхлипывает и плещет...»* подчеркивает внебрачный характер отношений, так как *«всхлипывать – судорожно вздыхать при плаче»* (ССРЛЯ 1999: 238), *«плещет – в переносном значении беспокойное чувство, состояние»* (Там же: 139–140).

Название текста – *«Sweetest Goodbye»* – создает топонимическую ориентацию, на что указывает само написание, определяет как структурные особенности, так и содержательную специфику.

Контекстуальное использование широко известного имени из романа Т. Харди *«Тэсс из рода Д' Эрбервиллей»* вводится и используется поэтом как гетерогенный метафорический комплекс, на что указывает не только строчное написание имени, но и то, что оно: 1) отсылает к известному тексту-источнику, далее – географическому пространству (английский роман Т. Харди *«Тэсс из рода Д' Эрбервиллей: чистая женщина, правдиво изображенная»*); 2) создает омонимичность эмоционально-коннотативного фона: на уровне грамматики (двойной разделительный союз, указывающий на чередование явлений: *«что за жизнь – то пятница, то среда./ то венеция, то варшава...»*); отрицательные частицы, местоимения: *«не боишься», «никого не жду»*; на уровне лексики – семы с отрицательной коннотацией *«сквозь нужду, сквозь неверие и вражду...»*. Имя *«Тэсс»* – стремление к правдивой и «чистой» жизни: *«обо всех, кроме тэсс – в тех краях, куда меня после смерти/ распределят,/ я найду телефонный справочник, позвоню ей уже с вокзала./ она скажет «здравствуйте?... / впрочем, что б она ни сказала, - /я буду рад...»*.

Помимо «задания координат» и тщательного конструирования англо-американского мира, одной из задач автора является «заселение» реально воображаемого пространства персонажами, которые должны выглядеть естественно, а это означает, что им должны быть свойственны все те внешние и внутренние характеристики, которые могут быть использованы для описания реально существующих людей. Более того, в воссозданных в поэтической форме

условиях герои должны поступать согласно тем же правилам и по той же логике, которые потенциально свойственны представителям реального мира. Следовательно, возникает третья модель пространства – антропоэтонимологическая, в основе которой находится фантазия поэта. Данная модель образует ономастическую промежуточную сферу, в которой лингвистические и экстралингвистические факторы вступают в наиболее тесный контакт, функционируют в качестве культурно-исторических и языковых индексов. При этом отмеченные виды онимов наряду с топонимами воплощают концептуальный образ Запада, с помощью которых можно реконструировать условия, традиции жизнедеятельности, а также систему ценностей и понятий.

Помимо этого, говоря о персонажах, «населяющих» поэтический текст Веры Полозковой в цикле «Короткий метр», нельзя не затронуть проблему образа в литературной ономастике. Данный аспект относится в равной мере к лингвистике, так как динамичность художественного образа выражается средствами языка. А.Н. Мороховский, О.П. Воробьев, Н.И. Лихошерст, З.В. Тимошенко предлагают тройственное видение образа. Понятие «образ», с их точки зрения, включает в себя: 1) образ как живописная деталь, или метафора, троп; 2) образ как литературный персонаж; 3) образ как отражение объективного мира (Мороховский и др. 1984: 38–41). В рамках нашего исследования представляется целесообразным рассматривать иноязычные антропоэтонимы одновременно как образы персонажей, и как образы территориально заданной действительности.

В тексте «Бернард» (2008) антропоэтонимы *Бернард* и *Эстер* выступают в тропеической функции. Имя *Бернард* (*Bernard*) в буквальном переводе означает: «beorn – герой, поэтический человек» + «heard – творческий, стойкий» (Рыбакин 2000: 48), чем мотивированы следующие действия героя: «Я веду, и я сроду не был никем ведом». Этимологическое значение имени возлюбленной *Эстер* (*Esther*) – «звезда» (Там же: 48) иллюстрируется в монологических признаниях Бернарда: «Но когда я вижу тебя – я даже дышу с трудом.../.../ Но умру, если у меня тебя отберут.../.../ А ты смотришь – и словно Бог мне в глаза глядит.../... / Но вот

если слова – это тоже деньги,/ То ты мне не по словам. / Моя девочка, ты красивая, как банши...». История Бернарда и Эстер ассоциативно напоминает библейскую историю пленницы персидского царя Артаксеркса – Эсфири, которая приобрела его благорасположение своей красотой и стала персидской царицей, в отличие от непослушной Астинь.

В анализируемом тексте прослеживается также особое отношение британцев к частной собственности: *«У меня возле дома пруд...»*. Для британцев «большой особняк» – знак уединения, социального статуса (O'Driscoll 1995: 174–175).

В следующем тексте этимология английского имени героини, которое одновременно выступает в качестве названия – «Грейс» (2008) – проявляется на уровне ее качеств характера (информационно-стилистическая функция) (*«Grace – милосердие, милость, благосклонность»* (Рыбакин 2000: 97). Несмотря на предательство любимого мужа, Грейс *«...даже смеется – мол, Стиви, это идиотизм, но тебе видней...»*, после его смерти *«приезжает его погладить по волосам, уронить на него случайную горсть земли...»*. Несмотря на то, что жизнь для Грейс – это бесконечный товарооборот в системе отношений «купли-продажи», но и у нее *«прекращаются буквы, цифры, и наступают одни нули»*. Предикаты несовершенного вида подчеркивают окончание жизни для Грейс после смерти любимого мужа. Ее жизнь *«состоит из тех, кто не возвращается ни завтра, ни через год»*, которая вступает в антиномию с жизнью, у которой *«...новый производитель, другой штрих-код...»*.

В тексте «Смерть автора» (2009) Вера Полозкова вводит в ирреальное пространство имена известных литературных персонажей английского фольклора, или литературы «*nursery rhymes*» (от английского «детские рифмы») – Джек и Джил: *«Джек-сказочник* намного пережил/ Свою семью и завещал, что *нажил/Своим врачам, друзьям и персонажам:/ Коту, Разбойнику и старой ведьме Джил...»*. Игровой характер аллюзивной отсылки обусловлен стихотворной формой, которая диктует свои законы ритмической организации, во-вторых, авторской интенцией с ее стремлением аккумулировать возможно больший объем

информации в возможно меньшем объеме текста. Через сказочную пропозицию, широко известных персонажей (Кот, Разбойник – персонажи из сказки братьев Grimm «Бременские музыканты») Вера Полозкова маркирует не только западный тип реальности, но и затрагивает тему творческой памяти, наследия, что проявляется на грамматическом уровне – перфектные предикаты образуют рамку, внутри которой располагаются предикаты настоящего времени: «Джек-сказочник *намного пережил, ...завещал..., нажил...*» – «Кот *скребется..., трясется..., не знаю, как жить...*», «Разбойник *входит..., снимает..., садится...*», «Старуха Джил *заваривает чай...*» – «Старухе Джил *достались...*». Творческое наследие, которое остается после смерти сказочника – его персонажи, которые выступают в качестве символа продолжения жизни автора. Поэт Вера Полозкова подчеркивает эту идею на уровне оксюморона: «Втекает *бирюзовый свет зари*» – «*мутное окошко*» («бирюзовый – бирюза – непрозрачный минерал голубого или голубовато-зеленого цвета» (ССРЛЯ 1999: 91); «заря – яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца», в переносном значении «начало, зарождение, ранняя пора чего-л.» (Там же: 568); «мутный – потускневший, затуманенный» (Там же: 314).

В стихотворении «Эмили» (2010) поэт посредством инициального иноязычного имени (*Эмили – Emilie* – традиционное имя в США) репрезентирует жизненную концепцию современного мира, которая нашла отражение на ритмико-композиционном уровне (текстообразующая функция): «*Эмили* считает долги и *прибыли*» – «Так бывает, когда сообщат о *гибели*», «И *вовсю* повышает *спрос*» – «Но никак не доставят *слез*» [сл'ос].

Любовь в поэтическом тексте – метафорический образ войны: «*Эмили вернулась живой с любви...*», «Ей все снится, как *их насильно, режущие Разлучают./ Пусть лучше бьют...*». Вере Полозковой удалось передать эмоциональное состояние героини посредством оксюморона (эмоционально-стилистическая функция), который передает диссонанс в душе девушки: «*Эмили вернулась в свое убежище,/ В нарочитый больной уют...*»; «На работе, где *унижали* – где ж еще – / *Снова ценят и признают...*»; сравнением, атрибутивным

словосочетанием: «Вся набита плачем сухим, как вытертый чемодан – / неродным тряпьем...» (страдательное причастие «вытертый» в разговорном значении «сильно поношенный» (ССРЛЯ 1999: 286), «тряпье» – собирательное существительное в разговорном пренебрежительном значении «рваная, изношенная одежда, белье; рвань; старье» (Там же: 421)).

В другом тексте «Гордон Марвел» (2008) авторская интенция может быть интерпретирована через стремление представить эмоциональное состояние среднестатистического человека (эмоционально-стилистическая функция). Все, что происходит с Гордоном Марвелом, – явления типические: *«Это Гордон Марвел, похмельем дьявольским не щадимый./ Он живет один, он съедает в сутки по лошадиной/ Дозе транквилизаторов; зарастает густой щетиной./Страх никчемности в нем читается осязаемый./ По ночам он душит его, как спрут...»*. Агионим «ангел Габриэль» условно делит стихотворение на две части: 1-я часть – Гордон Марвел страдает от одиночества, несчастный человек, поглощенный в воспоминания (временной союз «когда-то», предикаты в перфектной форме «был молодым и гордым», «напивался», «летал», «обольщал», «оставлял», «друзья говорили») и 2-я часть – видение «прекрасного» ангела, который «Молвит: «Свет Христов просвещает всех...»→причастные обороты «не пивший месяц», «чисто выбритый», акциональные предикаты «бегают», «принимает холодный душ», «застилает себе сам кровать». Имя ангела *Габриэль (Gabriel* – ср.: библейское имя «Гавриил – «бог – моя сила» (Рыбакин 2001: 91)) взаимно мотивировано с пропозицией «новой жизни» Гордона Марвела, поскольку, согласно библейской истории, ангел сообщал о рождении сына священнику Захарию, Иоанна Крестителя, деве Марии о рождении Иисуса Христа (Там же: 91).

Таким образом, в каждом стихотворении поэтического цикла «Короткий метр» Вера Полозкова стремится воспроизвести сюжет «голливудских» драм, англо-американское пространство, которое представляет собой сложный разноуровневый конструкт с целой системой моделей: геокультурной, интертекстуальной и антропоэтномонологической. Новый западный мир,

который, хотя и не тождественен реальному или потенциально возможному, но все-таки максимально к нему приближен в той мере, в какой это позволяют ему используемые языковые средства: онимы (антропопозтонимы, топонимы), социальные реалии, интертекстуальные аллюзии.

Специфической чертой данного типа онимов выступает тесная связь с другими разрядами онимов: с антропонимами на диахронном и синхронном уровнях и поэтонимами (антропопозтонимологическая модель), топонимами (смысловой фон, адресный знак).

Если антропонимы на диахронном и синхронном уровнях кодируют в художественном тексте социокультурную и прагматическую информацию, выступают как важный смыслонесущий и текстопорождающий компонент, смысловая веха в организации поэтического текста и его интерпретации, то антропопозтонимы образуют фон повествования и относятся к ближней периферии в ономастиконе поэтического дискурса Веры Полозковой. Антропонимы на диахронном срезе концентрируют значительный объем информации на незначительном отрезке текста (названия стихотворений - «Недогумилев», «Гумилев Uptadet» – являются «ключом» к пониманию текста, порождая цепь интертекстуальных ассоциаций). В пределах одного стихотворения Вера Полозкова вводит антропонимы, относящиеся к разным темпоральным срезам.

2.3. Прецедентные поэтонимы как ключевой тип онимов в поэтическом дискурсе Веры Полозковой

Поэтоним – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных имен, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других (Подольская 1988: 108). Они являются «концентрированным «сгустком» сюжета текста, вошедшего в литературную историю» (Фатеева 2006: 150). Данный тип проприальных единиц –

неотъемлемый компонент поэтических текстов Веры Полозковой. Количество поэтонимов составляет 127 единиц (23%) от общего количества ономоупотреблений в поэтических текстах автора.

Важным представляется то, что в своих стихотворениях Вера Полозкова вводит прецедентные поэтонимы, которые уже встречались в текстах других авторов – например, Э.Т.-А. Гофман, Ф. Кафка, Дж.Барри, Г.-Х. Андерсен и др.

Особо отметим то, что в поэтическом дискурсе Веры Полозковой термин «поэтоним» понимается широко и распространяется на героев, относящихся к разным тематическим сферам-источникам: литература, кинематограф и мультипликация. В традиционном понимании поэтонимы двух последних сфер-источников не имеют специального обозначения. Также автор вводит поэтонимы, которые можно распределить по двум темпоральным модулям – синхронному и диахронному: ср. «Чайльд-Гарольд» и «Малдер и Скалли».

Прецедентные поэтонимы относятся к ядру ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой, который центрируется посредством данного разряда онимов. Поэтонимы выполняют конструктивную роль в формировании фрагмента «языковой картины мира» поэта Веры Полозковой.

Наряду с отмеченными функциями поэтонимов Н.В. Подольской, в условиях художественной действительности Веры Полозковой они выступают как эстетически значимые и информативно объективные знаки образа мира, которые творчески воссоздаются в соответствии с замыслом автора. В поэтическом дискурсе Веры Полозковой ведущими функциями являются **стилистическая** и **текстообразующая**. Доминантная роль отмеченных функций обусловлена способностью прецедентных поэтонимов в большинстве случаев к накоплению контекстных и фоновых приращений, идущих от ассоциаций в тексте и за текстом, и, как следствие, предельной актуализации прагматического компонента значения данного класса имен собственных: «при восприятии названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или имени автора актуализируется... весь прецедентный текст» (Караулов 2006: 218).

На основании вышесказанного, интересным представляется рассмотрение языкового потенциала прецедентного поэтонима гофмановского персонажа в поэтическом тексте «Отчерк» (2007). В первой строфе возникает отсылка к сказке Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер»: «*И когда орут – ну какого черта, вы говорите – / вот не дрогнув – «Никто рожать меня не просил»* (ср.: в сказке: «*бог наказал нас этим маленьким оборотнем, что родила я на стыд и посмешище всей деревне...*»). Далее, Вера Полозкова расширяет текстовые переключки, усиливая тем самым когнитивную связь автогероини с персонажем Гофмана (см. табл. 2.5).

Таблица 2.5

Сопоставительный анализ текстов Э.Т.-А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер» и В. Полозковой «Отчерк»

Э.Т.-А. Гофман «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер»	В. Полозкова «Отчерк»
« <i>Какое сумасбродство – все смеются и потешаются над уродливым человеком, обделенным самой природой, а стоит малышу появиться, – все начинают превозносить его, как умнейшего, учнейшего, наикрасивейшего господина студента...</i> »	« <i>...все еще улыбаются, но брезгливо смыкают рты...</i> »
« <i>И все наперебой начинают кричать: «Какая композиция! Божественный Циннобер! Вдохновенный композитор!»... Этот концерт сочинил Виотти, а играл его я, ...И все вопили, что не сыскать такой певицы, как Циннобер...</i> ».	« <i>И ты сядешь/ клепать все тех же – слона из мухи, много шума из всхлипа, кашу из топора. А пока все хвалят тебя, и хлопают по плечу, и суют арахис в левую руку, в правую – ром со льдом. И слышишь тост за себя...</i> »

Приведенные примеры репрезентируют общность между текстами двух авторов. Текст Полозковой – некий переосмысленный метафорический код. «Крошка Цахес» – образ-метафора с вполне определенной коннотацией, однако у Веры Полозковой оценочное наполнение совершенно иное: «*А пока все хвалят тебя, и хлопают по плечу, и суют арахис в левую/руку, в правую – ром со льдом. И ты слышишь тост за себя и думаешь – Крошка Цахес. Я измученный Крошка Цахес/размером с дом*». Автор сосредотачивает свое внимание именно на значении лексемы «крошка», используемой для обозначения маленького ребенка

(Ожегов, Шведова 2003: 316). Если у Э.Т. А. Гофмана Крошка Цахес – уродливый и злобный карлик, который обладал магическим свойством: что бы ни совершали другие люди доброго, все тут же приписывалось ему, и он сознательно пользовался чужими заслугами. У поэта Веры Полозковой гофмановский персонаж служит метафорическим символом, «знаком, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы для другого, более абстрактного и общего содержания» (Шелестюк 1997: 125–143). Следовательно, Крошка Цахес – символ качеств и ситуаций, объединенных на основе общности некоторых характеристик: *«Я измученный Крошка Цахес»*. В поэтическом тексте имеет место отсылка и к библейскому тексту: *«...тебя отождмят из черных блестящих зерен...»* (ср. Евангелие от Матфея, притча о пшенице и плевелах).

Интересен текст *«Францу Кафке»* (2004), где прецедентный поэтоним «Грегора Замза» выполняет текстообразующую функцию, пронизывая структуру всего стихотворения. В самом названии появляется антропоним в грамматической функции дательного адресата *«Францу Кафке»*. Текст Полозковой – переосмысленный кафкианский нарратив: *«В панцирь хитина/Бросят вонзаться/ (вот бы хребтину/Перегрызать за!...)/ Яблоко в спину / Грегора Замзы»* (ср. *«Одно легко брошенное яблоко задело Грегору спину, но скатилось, не причинив ему вреда. Зато другое, пущенное вслед, накрепко застряло в спине...»*). Яблоко сгнило, вызвав обширное воспаление спины, что в результате убило Грегора: *«Казнь вызывала/Стыдные слезы:/ Сеет заразу/ Злая заноза...»*. Для Веры Полозковой каждый когнитивный образ является знаковым, носящим характер языковой игры. Именно так автор способствует привлечению внимания к семантике текста, снижению напряженности в вербально-ментальной базе «автор–читатель».

Примером единичного употребления прецедентного поэтонима, не поддержанного дальнейшим содержанием текста, является стихотворение *«Хлопай эсминцами и всплывай?»* (2005), представляющее собой языковую трансформацию песни *«Хлопай ресницами и взлетай»* группы «Братья Грим». В

поэтическом тексте Вера Полозкова дефинирует себя как «гибрид»: «*Я гибрид между Кэрри Брэдшоу/ И Фантомасом*». Фантомас – кинематографический преступник, скрывающий свое лицо под маской, *Кэрри Брэдшоу* – главная героиня сериала «Секс в большом городе», ведущая колонки в журнале. Приведенные прецедентные поэтонимы выступают в атрибутивной функции, то есть отражают сущность автора: Фантомас – особенности и издержки профессии, *Кэрри Брэдшоу* – подробности профессиональной жизни (Вера Полозкова – журналист, ведущая свои колонки в журналах).

Во многих текстах Веры Полозковой встречаются прецедентные поэтонимы, которые переходят из стихотворения в стихотворение, тем самым выполняя **функцию идиостилевых концептуальных доминант**: *Кай*, *Маленький Мук* и *Питер Пэн*. Повтор данных ономастических единиц в поэтических текстах автора «увеличивает возможность получения тех или иных семантических признаков связности для текста в целом» (Лукин 1999: 31). Помимо содержательной связности, повтор прецедентных поэтонимов обеспечивает грамматическую связность стихотворения, поскольку способствует подавлению сюжетной диффузности. На основании этого можно заключить, что в подобных примерах имена собственные выполняют роль смысловых вех информационного пространства текста.

В стихотворении «*Колыбельная*» (2007) на протяжении всего поэтического текста автор Вера Полозкова обращается к сказочным образам *Кая* и *Маленького Мука* (Г.Х. Андерсен, В. Гауф), которые представляют собой метафорические образы возлюбленных: «...где теперь *маленький мальчик Мук*, как там/ *маленький мальчик Кай* – то уже совсем не твои дела». Указанные онимы инкорпорируют свои предикативные признаки в коннотативный образ (ассоциативно-образный аналог поэтонима, репрезентирующий структурный элемент или ситуацию сказочной действительности). Каждый прецедентный поэтоним влечет систему устойчивых ассоциаций, которая целенаправленно разрушается автором: «*Мук теперь падишах, Каю девочка первенца родила*».

Следовательно, использованные в тексте стихотворения метафорические образы эксплицитно задают ряд типовых, ассоциирующихся с ними признаков, которые, с одной стороны, позволяют сопоставить описываемый оним, а с другой – выразить автору дополнительные значения (эмоционально-стилистическая функция): «*Мук, как водится, весь в труде. Кай давно не верит подобной белиберде...*».

Указанные образы встречаются и в других поэтических произведениях автора: ср.: «*Nothing left to lose*» (2007): «*Маленький Мук, глаза у тебя – пейот,/ Солнечный психоделик, слоист, игольчат// Смотришь и знаешь – этот меня прикончит// Этот меня, скорее всего, добьет*».

В стихотворении «*Письмо Косте Бузину, в соседний дом*» (2007) концепт «любовь» актуализирован автором посредством имен героев сказочного произведения Дж. Барри – Тинкер Белл (фея Динь-Динь) и имплицитно Питер Пэн: «...я летаю над ним, как вздорная *Тинкер Белл...*».

Имя, относящееся к вымышленному пространству, «*Питер Пэн*» неоднократно встречается в текстах Веры Полозковой, выполняя **доминантную функцию**, так как представляет собой поэтоним-знак когнитивной сферы «любовь»: «...В моих снах он – тринадцатилетний мальчишка –/ В прошлой жизни, наверное, он был моим сыном.../...У меня дежавю – мы с ним были знакомы,/ Его звали тогда еще *Питером Пэном...*» (2004); «Мы летали бы над землей – *Питер Пэн* и Венди» (2005). В поэтическом тексте «*Письмо далекому другу*» (2006) имя сказочного героя Дж. Барри подвергается фоносемантической трансформации. Автор сознательно искажает традиционное представление о морфемном составе названия города Санкт-Петербурга, создавая комический эффект: «Назвать мне, что ли, сына *Питер – ну, Питер Пэн там, Питер Бург...*». В этом же тексте имплицитно возникает вновь отсылка к сказке Г.Х.Андерсена «Снежная королева»: когнитивный признак холода («...тут малость *похолодало*, всюду *лед...*/ Без Вас тут погибаешь скоро от гулкой/ *мерзлоты в душе...*»), определенные андерсеновские ассоциации вызывает и метафорический символ – розы: «*А розы Ваши, кстати, живы, на подоконнике стоят*» (ср. в сказке «Снежная

королева»: «У каждой семьи было по большому деревянному ящику, в котором росли ...небольшие кусты роз;...розовые кусты заглядывали в окна, сплетались ветвями...». Метонимически в текст введено имя *Вини Пуха*: «Глогаете свои пилюли,/ хихикаете иногда и говорите мне про блюли и про опилки Дадада»; используется в функции компаратива мифоантропоним «*Тиресий*»: «...я лучше буду, как *Тиресий*, вещать,/ взобравшись на кровать...».

В группе прецедентных поэтонимов поэтического дискурса Веры Полозковой можно выделить имена, характеризующиеся редуцированным функционалом. Чаще всего они выступают в роли атрибутивных распространителей, выполняя эмоционально-стилистическую функцию, привнося определенную когнитивно-субъективную модальность самого автора Веры Полозковой: «А что до депрессивного *осла/ Иа-Иа*, то он был прав всецело// От этих праздников – да что удар весла...» (персонаж книги Алана Милна «Винни-Пух», вечно печальный, пессимистически настроенный ослик Иа); «Мы идем к остановке, словно *Пилат с Га-Ноури*,/ Вдоль по лунной дороге, ...» (персонажи романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»); «Я грызу сухие губы, словно *Митя Карамазов*, / От участливых вопросов приходя в неистовство...» (герой романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы»); «...Просто ты ведь *не Нео*...» (главный герой научно-фантастического боевика «Матрицы»); «...смеется хищно, как *Бармалей*,...» (вымышленный пират-людоед в стихотворных сказках К. Чуковского) и др.

Вера Полозкова использует прецедентные поэтонимы в качестве предмета сопоставления или отождествления с лирической героиней поэта с целью более глубокого представления заявленной микротемы: «Катя вспоминает, как это тесно, смешно и дико, когда ты кем-то любим. Вот же время было, теперь, гляди-ка, ты одинока, как *Белый Бим*».

Среди прецедентных поэтонимов встречаются и полуантропонимы, или коннотонимы: «К пяти утра сонный *айболит* накладывает лангеты, рисует справку и ценные указания отдает». В данном примере можно говорить *об*

окациональном использовании имени собственного в значении имени нарицательного: «айболит» как синоним «доктора».

Коннотоним героя Дж. Байрона («Такой мальчик был серафический, чайльд-гарольд...») можно рассматривать как определяющую лексему, обладающую особой художественной выразительностью и выражающую отношение автора Веры Полозковой к объекту восприятия. В данном примере полуантропоним выступает как детерминатив, то есть служит классификатором субъекта восприятия: «чайльд-гарольд» заменяет лексему «привлекательный» в купе с определением «серафический», то есть «ангельский». В следующем поэтическом тексте коннотоним выступает в функции сравнения «А криминальные воротилы все пронизательны как *тортииллы*...». Полуантропоним выполняет коннотативно-экспрессивную функцию, выступает в роли «качественного имени» (ср. *Тортилла* – старая мудрая черепаха, владелица золотого ключика, который открывает дверь в «светлое будущее»).

В данную зону входят также и онимы паремического происхождения: «Он и сам ходит где-то, куда *Макар не гонял телят*...» (ср. «куда Макар телят не гонял» – «очень далеко, в самые отдаленные места (выслать, загнать, попасть» (ФС 1978: 235)).

В рамках настоящего исследования мы рассматриваем **мифонимы как разновидность поэтонимов**¹. Одной из причин выступает тот факт, что «...в пределах коммуникативного пространства лексико-семантические группы онимов взаимодействуют, пересекаются и иерархически объединяются в более значимые системы» (Фролов 2005: 266). В словаре ономастической лексики дается следующее определение мифонима: «Мифологическое имя собственное – имя любой сферы ономастического пространства в мифах эпопеях, сказках, былинах, включая мифоантропоним, мифотопоним, мифозооним, мифофитоним» (Подольская 1988: 84). Денотаты единиц данной группы имен собственных локализованы в вымышленном измерении. Семантический потенциал мифонимов

¹ В диссертационном исследовании параметром разграничения поэтонима, мифонима, фольклоронима, теонима и агонима является первоисточник употребления имени: «Айболит» – поэтоним из литературной сказки К.И. Чуковского; «Икар» – мифоним из древнегреческой мифологии, сын Дедала и Навкраты; Кали – имя индийской «великой богини». – К.Е.

прямо произведен от истории и культуры народа – носителя языка. Художественная культура мифологического мира – универсальное этическое явление, которое нашло отражение во всех видах искусства.

В построении художественных образов текстов Полозковой роль мифонимов очень велика. Так, в тексте «Когда-нибудь я отыщу ответ...» (2003) перифрастическая самохарактеристика «Я – *Юпитера* дочь» актуализирует антиномию «я» и «он» («Я – *Юпитера* дочь.../... / Он – гримаска девчоночья...»), которая выражает отношения между субъектом и объектом действия. Названное распределение героев поддерживается на протяжении всего стихотворения, однако в четвертой строфе автор меняет нарратив: «*Мы–/ Не знаем друг друга./ Нас–/ Нет еще как местоименья.../.../ Никогда не случится «нас»/Как единства местоимений...».*

Перифрастическая номинация «Я – *Юпитера* дочь» позволяет декодировать образ одной из муз-дочерей Юпитера, покровительствующей лирической поэзии – Эрато. В то же время конструкция «Я –/ *Измеряю слова/ Навес, / Переплавляя их тут же в пули...*» уподобляет процесс творчества военным действиям.

Мифоантропонимы могут занимать сильные позиции в тексте, выполняя текстообразующую функцию. Так, в поэтическом тексте «*Ромул и Рем*» (2003) мифонимы являются наиболее информационно и эмоционально насыщенными знаками в тексте. Вера Полозкова, обращаясь к известному историческому преданию о братьях-основателях Рима, переосмысливает его. По легенде, Рем первый выбрал низменность между Палатинским и Капитолийским холмами, но Ромул настаивал на том, чтобы основать город на Палатинском холме. Вспыхнула ссора, в ходе которой Ромул убил своего брата. Впоследствии Ромул раскаялся в совершенном убийстве, поэтому назвал город, по имени своего убитого брата. В тексте самого стихотворения поэт отождествляет себя с Ромулом, а некогда любимого человека с Ремом: «*Я была Ромулом, ты был Ремом. Перемигнулись, создали Рим. Потом толкнула тебя в кювет*». Механизм взаимодействия выделенных онимов актуализирует образец поведения конкретного референта или проявления какого-либо его свойства характера (в нашем случае Вера Полозкова

обращается к конкретным историческим лицам, для того чтобы охарактеризовать другого участника ситуации и саму пропозицию): А–Ромул, Б–Рем, С–Рим:

А (Ромул / Полозкова) + Б (Рем / = имя возлюбленного) = Рим (любовь).

В стихотворении реализуются две сферы-источника – история и музыка, что позволяет декодировать авторские интенции относительно тематической заданности стихотворения – воспоминания о бывшем возлюбленном: «*Мы – как Джим Моррисон и Сед Вишез*». Онимы-персоналии известных музыкантов моделируют темпоральную ось, показывая вечный, вневременной характер любви:

давнопрошедшее (Ромул и Рем, 753 г. до н.э.) ↔ ближайшее прошлое (Джим Моррисон и Сед Вишез, 1990-е г.).

Семантическая система мифонимов в поэтическом языке Веры Полозковой имеет в своем составе подсистемы единиц вымышленного мира, основной потенциал которых – первичная лексико-семантическая номинация: «Я – молящая у *Морфея/Горсть забвения* – до рассвета...» (2003). Семантика мифоантропонима поддерживается общим контекстом всего стихотворного текста («Морфей» в древнегреческой мифологии бог сновидений).

Отметим случаи использования мифонима в текстовом фрагменте в форме множественного числа, которые приобретает особую эмоционально-стилистическую выразительность: «Тебя встретит утро, желтое, как лимон –/*Икарами*, улетающими на юг» (2004). Согласно О.Г. Ревзиной, такой случай является «системно заданной для собственных имен» (Ревзина 1991: 174). Посредством механизма действия множественного числа имен собственных, осуществляется обозначение не только конкретного референта, но и свойств, принадлежащих лицу (Там же: 175).

В тексте «Моя мама в Турции с прошлой ночи...» (2004) автор, обыгрывая клишированное представление о римской скульптуре Венеры, дает своеобразную характеристику себе: «Я безрукая, как Венера,/ Я совсем не хочу готовить...» (скульптура Венеры Милосской, единственным недостатком которой является отсутствие обеих рук). Эталон женской красоты в стихотворении Веры

Полозковой демотивирован (недостаток культурного объекта воспринимается буквально): атрибут «безрукая» в значении «совсем беспомощна» (ФС 1978: 394).

В топографию своих текстов Вера Полозкова вводит мифотопонимы, которые соприсутствуют в тексте автора рядом с реальными географическими приметами: «Он курит у вечерних *«Пирогов»* (Москва, «Пирог» – сеть кафе-книжных клубов)/... / Твоя карьера – царское дитя, / С моста в корзине брошенное в Лету...» (2004). Все стихотворение представляет собой монолог-предсказание Бога о дальнейшем творческом пути лирического субъекта: «Твоя карьера – царское дитя, / С моста в корзине брошенное в Лету, / Пойдет ко дну! – он тушит сигарету–/ Я говорю тебе об этом не шутя...» (связь с рождением иудейского пророка Моисея, которого, по приказу фараона, мать оставила в корзинке на берегу Нила; Лета как река забвения в древнегреческой мифологии→«кануть в Лету» в значении «быть забытым, бесследно исчезнуть» (Там же: 193–194)).

Огромное значение у Полозковой имеют мифотопонимы библейского происхождения – «Содом», «Голгофа». Каждый из указанных номинантов является однокомпонентным, но эксплицирует целостную прецедентную ситуацию: «Чтобы деньги, и я покинула свой Содом, и живу/ где лазурь и синь, покупаю на рынке яблоки и янтарь» (с помощью лексемы «Содом» закодировал основной квант – «хаос», «беспорядок», «неустройство»). С этой текстовой ситуацией связано и употребление мифоантропонима «жена Лота»: «И какая-то проводница или уборщица, посмотрев, как она застыла/женою Лота...» (соляной столб→«жена Лота»→«застыла»). Упоминание *Голгофы* в стихотворении Веры Полозковой «Люболь» выстраивается по аналогичному механизму: «Солнце в тесной палате бесится/ И Голгофою на полу –/ Крест окна. Я четыре месяца/ Свою смерть по утрам стелю...».

Мифонимы в текстах Полозковой выступают в качестве тропеических средств. Основой мифологического тропа является его энциклопедическое значение или коннотации, приобретенные им в узуальном употреблении: «Бог улыбается нам, бессовестным и неистовым; кто первый придет к другому

судебным приставом? Слепым воронок, пожилым Хароном, усталым ночным конвоем? Ну что, ребята, кого в этот раз хороним, по чью нынче душу воем?» (2007). Приметы мифологического содержания согласуются с контекстными переменными, соединяя реальный и потусторонние миры: Харон (перевозчик душ умерших) $\Leftrightarrow$ «судебный пристав», «слепой воронок» как полицейская машина для перевозки заключенных, «ночной конвой». Мифоантропоним поддерживается и ритмико-синтаксической структурой, выполняя текстообразующую функцию: «Хароном» – «хороним».

Основа поэтического текста «Усталая серость разлита по свежим холстам...» (2003) – творческая трансформация мифа о Кассандре: «*Кассандра-провидица* властвует сердцем моим...». Сюжетная основа мифа редуцирована. Интровертированная перспектива представлена перформативными предикативными конструкциями: «Я верила...», «Я знаю, что...» (3 раза), «Я помню...», «Я лишь узнаю их...». Существенный элемент в данной интровертированной рамке – имя дочери царя Трои Приама: «*Кассандра-провидица* властвует сердцем моим...»: «Я знаю, что будет – сценарий твержу наизусть...».

Несмотря на то, что имена мифологических персонажей подчеркнута индивидуализированы, за каждым – совокупность семантических нюансов. Так, в поэтическом тексте «30 слов» (2006) греческие мифоантропонимы «*Орфей*» и «*Эвридика*» совмещают смысловые линии первичного контекста с семантическими приращениями для реализации своей тропеической функции (часть известного мифического сюжета): «Для Орфеев *приманки с мертвыми Эвридиками!* Сами просятся в клетку...». Антонимическая схема развивает мифоантропонимическую тему: скорбь и верность до конца дней Орфея Эвридике.

Важно подчеркнуть то, что интертекстуальные мифоантропонимы в большинстве случаев устанавливают тождество между определенным человеком и литературным героем по какому-либо характерному качеству (Елистратова 2013б: 231– 237): «...так я нагромождаю рифмы в свою измятую тетрадь, кладу их

с нежностью *Прокруста* в свою строку, как кирпичи, как будто это/ будет бруствер, когда за мной придут в ночи; как будто я их пришарашу, когда начнется *Страшный суд*; как будто они лягут в Чашу,/ и перетянут, и спасут...» (2006). Текст отражает духовную ценность результата творческого процесса посредством оксюморонных сочетаний «с нежностью *Прокруста*», «...рифмы..., как кирпичи.../...это будет бруствер...». Вера Полозкова переосмысляет образ древнегреческого разбойника *Прокруста*, в результате чего в тексте стихотворения появляются положительные коннотации: «кладу с нежностью» (ср. *Прокруст* укладывал схваченных им путников и вытягивал ноги тем, кому ложе было велико, или отрубал ноги, кому оно было мало).

Семантический объем мифонима у Полозковой может быть соотнесен с единичным понятием. Это случаи использования мифологического имени в нарицательном значении, когда на первый план выдвигается его абстрактная семантика: «сбежала бы жила бы, как *цирцея*/на улице советской, возле цны...» (мифоантропоним «цирцея» в значении «коварной обольстительницы, светской львицы» (Отин 2006: 4); мифонимическая единица выступает в роли полуантропонима).

Имена-мифонимы, актуализирующие персонажей греческой, еврейской римской, русской и др. культур, являются важной частью образной системы поэта. Как правило, данные онимы сохраняют свое традиционное символическое значение, получая при этом значительное смысловое приращение, так как их основная функция – активизация исторической памяти читателя. В структуре текстов это поддерживается контекстным окружением и авторскими отсылками к первоисточнику. Не утрачивая полностью своего символического смысла, мифонимы, выступая в составе тропеических номинаций, приобретают и индивидуально-авторские смысловые приращения.

К группе поэтонимов мы отнесли и имена, функционирующие в фольклоре, или **фольклоронимы** (Калинкин 1999: 29). Традиционно фольклоронимы рассматриваются в русле общей поэтической ономастики, поскольку имена в

художественном произведении и фольклоре выполняют одинаковые эстетические функции (Горбачева 2008: 9).

Фольклоронимы концентрируют в своем энциклопедическом значении разнообразные смысловые оттенки и ассоциации и являются носителями глубинных смыслов текста, одним из языковых средств создания художественно-образной модели художественного произведения.

Так, имя известного персонажа русских народных сказок *Ивана* в стихотворениях поэта обозначает возлюбленного (знаковая функция) – «Через семь лет смрада и кабака я умру в лысеющего быка, в эти ляжки, пошлости и бока, поучать и охать. Но пока я жутко живой и твой, пахну дымом, солью, сырой листвою, Питер Пен, *Иванушка*, домовою, не отдай меня вдоль по той кривой, где тоска и похоть» («вечерняя», 2012) (Елистратова 2013б: 231–237).

Особенностью фольклоронимов является их обобщающий характер, проявляющийся в способности именовать не индивида, а тип героя, не только обозначать, но и характеризовать именуемое, раскрывать то или иное его свойство и тем самым преодолевать онимную природу и превращаться в нарицательное обозначение.

Как было показано ранее, в поэтическом дискурсе Веры Полозковой нередки примеры с полуантропонимами: «Мне сорок один, ей семнадцать, она ребенок, а я *кащей*» (2007). Лексема «кащей» используется в окказиональном значении для акцентуации семантического множителя «возраст», что подчеркивается противительным союзом. В нарицательном значении употреблен и фольклорный фитоним «трын-трава»: «Что молчите, не отвечая мне?/ И качаете головой?/ Может, чая мне? от отчаянья/ С *трын-травой*?» (2005).

В категорию поэтонимов мы включили **теонимы**¹. Так, ключевой лексемой, характеризующейся высокой степенью частотности в поэтических текстах Веры Полозковой, является «Бог» (Елистратова 2012б: 149–154). Далее поэтом осуществляется заполнение полиономического ряда номинаций Бога, выполняющих ведущую роль в идейно-содержательном и структурно-

¹ *Теонимы* – собственное имя божества в любом пантеоне (Подольская 1988: 124).

организационном плане, формируется многомерное и многогранное лексико-семантическое поле, где искомая лексема является основополагающим элементом («Господь» («—Дорогой Господь!/ Дай такого мне,/ Чтобы был свиреп,/ Был как небоскреб...»), «Вечный» («Но Вечный грустит над очередью к реке,/ В которую никого не пускает дважды»), «Отче» («Отче, скрась немного хотя бы часть им/Неисповедимых Твоих путей...»), «Боже» («—Как ты, детка? Так грустно, Боже!)), «Боженька» («Боженька нянчит, ни за кого не прочит,/ Дочек делить не хочет, а сам калечит»), «Папа» («Папа проектировщик, а я – подрядчик...»), «Серый Волк» («Папа проектировщик, а я – подрядчик./ Три поросенка и Серый Волк...»), «Судья» («Я жалобщик при Судье, не берушем взяток...»), «Мой великий кардиотерапевт» («мой великий кардиотерапевт/ тот, кто ставил мне этот софт...»), «Верховный Электрик» («В схеме бой. Верховный Электрик, то есть,/ Постоянно шлет мне большой привет...») и др.).

Обращаясь к текстам Веры Полозковой, подчеркнем, что поэт сохраняет заданные словарными дефинициями когнитивные классификационные признаки (ССРЛЯ 1950: 526–528). Так, в стихотворении «Проще говоря» (2010) Вера Полозкова иллюстрирует когнитивные признаки концептов «Власть» / «Сила»: «Бог заключает весь/ Мир, оттого Он зрим...». Автор также использует ряд синонимичных номинаций Бога в указанном значении: «всемогущий Демидург», «Всемогущая Десница» («Письмо далекому другу», 2006). Обе лексемы являются стилистически связанными, употребляемыми в торжественной речи и воспринимаемыми современными носителями языка как устаревшие. Кроме этого, согласованные атрибуты указывают на исключительную и абсолютную полноту проявления признака: «всемогущий / всемогущая». В поэтическом тексте есть и прямое указание на тот факт, что Бог выполняет функцию сотворения мира: «Зря всемогущий Демидург не сотворил немного ближе/ Москву и Екатеринбург...»: «Демидург=>Десница» образовались по смежности, в основе которых акт создания мира.

В поэтическом тексте «Мессия в роковой аранжировке» (2004) теоним занимает сильную текстовую позицию, выполняя роль скрепы и тем самым

моделируя концептуальную и образную значимость стихотворения Веры Полозковой: *Мессия* <=> Дщерь Божия. У Полозковой *Мессия* – это гендерно маркированное лицо: «доченька», «Дщерь Божия», «душенька», «девочка», «сказка моя», «милая», «глупенькая».

Вера Полозкова в своих поэтических текстах отражает изменения в понимании характеристики Бога вплоть до полной подмены содержания данной лексемы по сравнению с исходным смыслом ключевого слова в лексико-семантическом поле. Примером, иллюстрирующим данный тезис, является стихотворение «Как водится» (2008), где автор отсылает нас к рок-опере Л. Уэббера «Иисус Христос – Суперзвезда»: «Все идут за мной от Парижа до Вайланканни, где сразу над барной стойкой / мой дорогой – / *Джизус Крайст / как водится Всемогуций / и Всеблагодой*».

Сюда же могут быть отнесены номинации божеств других конфессий. Например, «*Будда* учил: не привязывайся...» (2003); «*Джа* здесь смотрит из каждых глаз ...» (2004) «У тебя неплохой отель, только в храме *Шивы* сразу за ним/служба начинается в пять утра» (2008); «Мы способны обжиться в любой открытке – неважно, елочка ли на ней/ Или восьмирукая *дева Кали* в сиянии драгоценных своих камней» (2008). Как правило, употребление теонима топонимически маркировано: употребление теонима «*Шива*» обусловлено пребыванием поэта в Индии.

К поэтонимам мы отнесли и *агионимы*¹, которые в поэтическом тексте «*Сестры*» (2007) находятся в сильной позиции (эксплицитно – Любовь и Надежда, имплицитно (Вера) – «*Я старшая дочь, с меня спросят гораздо строже...*») и отсылки к Ветхому Завету: «*Папа* взял три отреза змеиной кожи/*И сотворил нас на день седьмой...*» (Елистратова 2012а: 73–78).

Так, с первой строчки своего произведения автор вводит известную прецедентную ситуацию через употребление имен святых (Подольская 1988: 27): Вера, Надежда, Любовь – имена мучениц, которые были казнены за свою преданное служение христианству. На уровне отдельных лексем / словосочетаний

¹ *Агионим* – имя святого (Подольская 1988: 27).

/ целых грамматических конструкций автор помогает реципиенту декодировать прецедентную ситуацию: «*Чем полны их глазницы – пороха ли, песка ли?*» (ср. старшую сестру Веру положили на раскаленное железо, затем бросили в котел с кипящей смолой; среднюю Надежду бросили в пылающую печь; младшая Любовь была подвержена подобным пыткам); «*Я старшая дочь, с меня спросят гораздо строже...*» (ср. Вера – старшая из трех сестер, первая подверглась жестоким пыткам); «*Нас разлучили в детстве, но мы похожи...*» (ср. во время казни Вере было 12 лет, Надежде – 10, Любви – 9, но они приняли свою мученическую смерть).

В целом мифонимы, фольклоронимы, теонимы, агионимы – динамический конструкт, реализующийся в бесконечном количестве вариантов. Однако необходимо отметить тот факт, что автор избирательно подходит к выбору «перво-текстов» (Орлова 2010: 4). Например, в большинстве случаев прецедентный мифоним генерируется когнитивной сферой «любовь».

Итак, прецедентные поэтонимы (в том числе – мифонимы, фольклоронимы, теонимы, агионимы) включаются в систему вербальных средств, объединенных единым коммуникативным заданием автора поэтических текстов Веры Полозковой. В проанализированных стихотворениях прецедентные поэтонимы являются ключевыми знаками, важными для семантического пространства текста. Поэтонимы в поэтическом дискурсе поэта являются прецедентными элементами, связывающими данный текст с другими текстами культуры.

Рассмотренные доминантные прецедентные поэтонимы в текстах Веры Полозковой одновременно выполняют взаимодополняющие друг друга текстообразующую (создают связность и цельность в стихотворениях автора) и стилистическую (усиливают эмоционально-эстетическую значимость и прагматический потенциал в тексте).

Специфика прецедентных поэтонимов проявляется и на уровне ономоупотребления в тексте: 1) прецедентный поэтоним – смысловая веха (ср.: разные темпоральные срезы), 2) прецедентный поэтоним – фон повествования (мифонимы актуализируют персонажей греческой, римской, еврейской, русской и

др. культур), 3) прецедентный поэтоним – факультативный элемент (однократные поэтонимы с редуцированным функционалом, но в большинстве случаев они выступают необходимым средством текстопостроения, способствуя формированию текстовых категорий информативности, авторской модальности).

2.4. Прагматонимы и другие периферийные онимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой

Прагматонимы (товарные знаки) также являются освоенной категорией в поэзии Веры Полозковой (7,27%), хотя традиционно они относятся к периферии ономастического пространства в силу недолговечности, структурно-семантического разнообразия (Крюкова 2004). Именно поэтому в данном параграфе наряду с прагматонимами мы рассматриваем другие периферийные классы онимов.

Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, словесный товарный знак – это словесное обозначение марки товара, в равной степени относящееся к каждому экземпляру в данной серии и ко всей серии в целом (Подольская 1988: 127). К современным товарным знакам исследователи относят: 1) торговые названия товара, в том числе и фирменные; 2) вывески гостиниц, ресторанов, парикмахерских, поездов, магазинов и т.д. (Суперанская 1978: 23).

Анализируя формы употребления прагматонимов в поэтических текстах Веры Полозковой, мы выделили два основных типа. Во-первых, следует отметить случаи, когда *рядом с товарным знаком присутствует также и название товара*: «И останется грохотать в черепной коробке / Жестяной барабан стиральной машины Бош...» (2005); «Я не то чтобы много требую – сыр Дор Блю...» (2009); «Я бы стала непобедимая, словно рать/ Грозных роботов, даже тех, что в приставке Денди» (2005); «Не грусти, убей себя.// Хочешь, я достану, Вер,/ Смит-и-вессон револьвер?» (2005); «Мне еще бы какого пошла типа Хуча» (2006); «...не берег бумаг,/ арию о том, как недуги лечит портвейн «массандра»...» (2013); «Что ни кадр, то как из журнала Geo...» (2008),

«интернет-провайдер Рол/ вдохновенье запарол» (2005). Это классические примеры употребления товарного знака, выраженного онимом, стоящим в постпозиции к определяемому субстантиву, обозначающему товар, в атрибутивном простом словосочетании. В приведенных примерах становится понятным, о каком товаре идет речь. Кроме этого, прагматоним выполняет эмоционально-стилистическую функцию, поэтому «вызывает некоторые мысли, чувства, ассоциации...» (Стародульская 2003: 20).

Чаще, чем в словосочетаниях, **прагматонимы используются в качестве присловного распространителя** (чаще – глагольного), включая в себя указание на наименование товара: «Он пьет теплый *Хольстен*, листает *Хастлер*...» (2008); «Они ездили в Хэмпшир, любили виски и *пти шабли*» (2008); «Иногда сэр Корстон видится ей с сигарой и «*Джонни Уокером*»...» (2008); «Ты пьешь *Варшайнер*, я пью пуэр» (2005); «Пахнет йодом, асфальтом мокрым и мятной *Wrigley*» (2006); «Он трудится в «*Ведомостях*»...» (2005); «Поработать бы в «*Афише*»/ Прошептать на ухо Санте –/ «Дай мне / Должность/ В «*Коммерсанте*» (2004); «Ты – искришься своим *Моэтом*...» (2004); «мы жили на острове,/брали красный арабский *мальборо*...» (2012) и др. В приведенном иллюстративном материале полностью отсутствует указание на товар, что требует от реципиента определенных фоновых знаний. Отсутствие необходимых сведений (что это за товарная марка, какому товару может соответствовать) затрудняет восприятие отдельных отрезков текстового материала.

Для маркировок второго типа характерен также метонимический перенос наименования (эмоционально-стилистическая функция). Например, в текстах Веры Полозковой можно встретить: «Пахнет йодом, асфальтом мокрым и *мятной Wrigley*...», «Черкнет *статейку* в «*Новом мире*» какой-нибудь седой мужик...» (2006), «Хочешь, я достану, Вер,/ *Смит-и-вессон револьвер*...» (2005) и др. Во всех текстовых примерах метонимические связи между компонентами важны для создания ситуации действительности на уровне осязательных рецепторов, отсюда вполне закономерен с соответствующей семантикой «пахнет» и управляющие лексемы в форме творительного падежа – «йодом», «асфальтом», «(мятной)

Wrigley». Повтор на уровне аллитерации в словосочетаниях «асфальто[м] [м]окры[м] и [м]ятной *Wrigley*» отчасти репрезентируют связь со всей тематической пропозицией текста: адресант передает интенсивность своего чувства. В другом стихотворении Вера Полозкова вводит прагматоним, который неотделим от «культурной памяти» и хронотопа (информационно-стилистическая функция): «Не грусти, убей себя,/ Хочешь, я достану, **Вер**,/ *Смит-и-вессон револьвер?*». Необходимо знать, что «*Smith & Wesson*» – крупнейшая компания-производитель огнестрельного оружия (в первую очередь револьверов) в США, которая поставляет свою продукцию в армию с 1871 г. Прагматический аспект прагматонима в тексте контекстуально и ситуативно обусловлен (эмоционально-стилистическая функция): «Раз заходит к **Вере** в сквер/ Юный Костя-пионер / И так молвит нежно: –**Вер**,–/ Ей рукавчик *теребя*, –/ Не грусти, убей себя,/ Хочешь, я достану, **Вер**,/ *Смит-и-вессон револьвер?*». Для второго типа употребления торговых наименований в индивидуально-авторском дискурсе характерно также такое понятие, как ассоциативная связь: «ты пьешь Варштайнер, я пью пуэр» («*Варштайнер*» («*Warsteiner*») – марка немецкого пива), предикат «*пьешь*» указывает на то, что речь идет о напитке; аналогичный пример мотивированной ассоциативной связи находим и в других поэтических текстах автора: «Он пьет теплый *Хольстен*, листает *Хастлер*...» («*пьет*»→напиток («*Хольстен*» («*Holsten*») – немецкое пиво), «*листает*»→печатное издание, дейксис→направленность журнала на мужскую аудиторию («*Хастлер*» («*Hustler*») – американский мужской журнал).

В поэтических текстах Веры Полозковой можно выделить прагматонимические группы, которые одновременно иллюстрируют высокую степень распространенности и передают личные вкусы, пристрастия героев стихотворений, реализуя информационно-стилистическую функцию:

- **спиртные напитки**: «Он пьет теплый *Хольстен*...» («Фотосинтез», 2008); «...любили виски и *пти-шабли*...» («Фотосинтез», 2008); «Иногда сэра Корстон видится ей с сигарой и «*Джонни Уокером*»...» («Фотосинтез», 2008); «И я сяду на пике, пить из горла *ламбруско*...» («Фотосинтез», 2008);

- **гастрономические именованья:** «Я не то чтобы много требую – сыр *Дор Блю...*» («Непоэмание», 2005);
- **сети быстрого питания:** «Это вечная молодость: от *МакДональдса* до *Стардогса...*» (Фотосинтез», 2008);
- **табачные изделия:** «он стучится в киоск,/ просит *мальборо...*» (Осточерчение», 2010);
- **жевательные резинки:** «Пахнет йодом, асфальтом мокрым и мятной *Wriglei...*» («Непоэмание», 2006); «...все будет большой железной коробкой из-под печенья,/ в которой лежит стопка вкладышей из жевательной резинки *«Love Is»...*» («Осточерчение», 2008);
- **компьютерное оборудование:** «*Интернет провайдер Рол / Вдохновенье запарол*» (ЖЖ, 2005); «... больше никогда не полезешь ни в какой / *гугл* или *блогс яндекс* смотреть, в какой еще их личный ад/люди вписывают твою фамилию...» («Осточерчение», 2013);
- **бытовая техника:** «Куда, интересно, потом из них деваются эти мальчишки,/ от которых у нас не было никакого противоядия / в двенадцать лет – один раз увидеть у друзей на *VHS/* и пропасть навсегда...» («Осточерчение», 2009); «...И останется грохотать в черепной коробке/ Жестяной барабан *стиральной машины Бош...*» («Непоэмание», 2005);
- **автомобили:** «...и весь аппарат восприятия человека покажется старыми *«Жигулями»...*» («Осточерчение», 2010);
- **сотовая связь:** «...операторы *«водафон»*, или *«альджауаль»*,/ или *«кубасель»...*» («Осточерчение», 2009–2010);
- **медиасредства:** «Он... листает *Хастлер...*» («Фотосинтез», 2008); «...Что ни кадр, то как из *журнала Geo...*» («Осточерчение», 2008); «*Тише,/ Мыши/ Кот на крыше/ Поработать бы/ В «Афише»...*» (ЖЖ, 2004);
- **одежда:** «И чтобы круче, *Риччи*, покороче,/ Как в передаче, пуговички в ряд...» (ЖЖ, 2005).

Следует отметить, что одной из самых обширных прагматонимических групп в поэтическом дискурсе Веры Полозковой является группа спиртных

напитков (15 единиц), которую в рамках исследования мы отнесли к прецедентным именам и ядру ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой. Спиртные напитки репрезентированы в основном *иноязычными по своему происхождению языковыми элементами* (английскими, испанскими, итальянскими, французскими).

Постоянный рост рынка товаров и услуг предопределил создание четкой структуры маркировок и выделение отдельных подгрупп, относящихся к различным сферам потребления, в связи с чем представляется возможным объединить наименования алкогольной продукции в отдельную ономастическую группу – *алконимы* (Тимофеев 2005: 176). В настоящей работе мы считаем правомерным относить алкогольную продукцию к прагматонимам, так как они представляют собой марки товаров, принадлежащих определенным предприятиям. Полагаем возможным выделение внутри поля прагматонимов названий алкогольной продукции в качестве отдельной ономастической группы в силу частотности и их структурно-композиционной роли в поэтических текстах Веры Полозковой.

Далее на конкретных примерах рассмотрим функциональный потенциал, место и способы включения одной из разновидностей прагматонимов – алконимов. Спиртные напитки не являются автореферентными образованиями в композиционно-смысловой структуре стихотворений Веры Полозковой, напротив – они связаны с семантикой всего микротекста. Заранее оговариваем, что на примере обширной группы алконимов мы рассматриваем функциональный инвентарь всех прагматонимов, вводимых в поэтические тексты Верой Полозковой. Многообразие возможностей алконимов можно рассмотреть в рамках двух взаимосвязанных функций: *текстообразующей и стилистической*.

Если первая функция проявляется в потенциальной способности алконимов композиционно организовывать текстовое пространство, обеспечивая цельность, связность и завершенность, то вторая функция, чтобы *дать характеристику субъектам действия* за счет описания вкусов, бытовых условий жизни, материального статуса (*информационно-стилистическая подфункция*). Так,

например, в поэтическом цикле «Короткий метр» Верой Полозковой представлены сюжетные драмы в «англо-американском антураже». В стихотворении «Миссис Корстон» (2008) указанного цикла поэт вводит алконим «*Джонни Уокер*». В названии алкогольного продукта в данном случае совмещаются сразу несколько концептуальных образов: а) образ объекта, символом которого служит конкретный алконим; б) контекстуальный образ, устанавливающий связь с элементами рекламы, в которой функционирует имя алкогольного напитка; в) фоносемантический образ, проявляющийся на ритмическом уровне текста. «*Джонни Уокер*» – марка шотландского виски, один из самых известных алкогольных напитков. Имя свое алкогольный напиток получил в честь основателя Джонни Уокера и его сыновей в 1820 году. Рекламный слоган алкогольной продукции при дословном переводе звучит как «попробуй жизнь на вкус». Между тем, в английском языке он имеет дополнительную смысловую нагрузку, которая утрачивается при дословном переводе, поэтому был подобран более адекватный вариант, который точнее выражал смысл всей рекламной кампании: «*Johny Walker – TASTE LIFE*» («Живи, чтобы было что *вспомнить*»). Наблюдается мотивированная связь с лексико-семантической основой текста: миссис Корстон погружена в воспоминания о покойном сэре Корстоне: «...до старости хохотал над ее рассказами...». При этом фамилия основателя в переводе с английского языка означает «идти», что нашло отражение в лейбл-рисунке карикатуриста Тома Брауна: на бутылке шотландского виски изображен идущий человек с тростью и моноклем. Акциональный предикат в настоящем времени «*приходит проведать*», употребленный в тексте, обеспечивает связь между рекламным и контекстуальными образами. Алконим в стихотворении также является гендерно маркированными (виски относится к крепким спиртным напиткам, преимущественно мужским), в силу чего данное имя собственное принимает участие в формировании *лингвокультурного типажа «джентльмена»*, доминантами которого оказываются следующие элементы художественного образа: а) путешествия: топонимы, эксплицитно выраженные: «*Они ездили в*

Хэмпшир...» (англ. Hampshire, графство на юге Англии, популярное место отдыха), и имплицитно выраженные: «...любили виски и пти шабли...» («*Petit Chablis*» – вино, которое производится из винограда, собранного на окраине французского региона Шабли); б) вкусы («...любили виски и пти шабли...»); в) особенное отношение к представительницам женского пола, специфическое обращение с ними: «*Все его слова обладали для миссис Корстон волшебную силою...*»); г) досуг («*Иногда сэр Корстон видится ей с сигарой и «Джонни Уокером»,/Очень пьяным, бессонным, злым, за воскресным покером...*»); д) само обращение в тексте стихотворения «сэр», которое в англоязычном мире до XX века использовалось только по отношению к джентльмену. Рифма «*Уокером*» [уок'брьм] – «*покером*» [пок'брьм] усиливает очевидную традиционность такого препровождения времени, а последующая лексема «*брокером*» [брок'брьм] акцентирует внимание на финансовой стороне вопроса («*Задолжал, вероятно, мелким небесным брокером...*»). Отметим, что в настоящее время сигары, виски, игра в покер являются символами обеспеченной жизни.

В другом поэтическом тексте Веры Полозковой «Говард Кнолл» (2008) при описании героев – отца и сына Кноллов – вводится алконим «*блади мэри*» («*Старший Кнолл адвокат, он сухой и желтый, что твой пергамент,/ Он обожает сына, и четверга нет,/ Чтоб они не сидели в пабе, где им сварганят/ По какой-нибудь замечательной блади мэри*»). «Блади Мэри» – американский коктейль, название которого принято связывать с именем английской королевы Марии I Тюдор, получившей прозвище «кровавая Мэри» за расправы над протестантами. Имплицитная культурная информация позволяет автору дать дополнительную оценку своим героям, а читателю – верно оценить героев. Номинация коктейля выстраивает следующую ассоциативно-мотивированную цепочку: «*кровавая*» → признаки отца и сына Кноллов: «*Кнолл человечней сына – по крайней мере, / Он утешает женщин, которых тот отвергает...*», «*Кнолл осознает, что его сынок не имеет сердца...*»; сон Говарда Кнолла: «*Ему снилось, что Бет находят за гаражами,/ Мертвую и вспухшую, чем-то, видно, обкололась...*». Следует отметить: противопоставление на грамматическом

уровне поддерживается и уровнем концептуальных образов героев, что иллюстрируется звуковым созвучием алконима «блaди мэри» [мэp'и] и адъектива «по крайней мере» [м'эp'ь], отсюда представление о «старшем Кнолле», который «...человечней сына...». В данном тексте Говард Кнолл – олицетворение *лингвокультурного типажа «пизжона»* (Олянич 2005: 234–248), отличающегося привлекательностью: *«Говард Кнолл красавец, и это свойство его с младенчества отличает...».*

Вера Полозкова вводит алконимы в структуру поэтического текста с помощью компаративных конструкций. Например, в тексте «В винных картах – все так невинно...» (2004) субъект действия, его поведение сравнивается со спиртным напитком: *«Ты искришься своим Моэтом...».* «Moët & Chandon» – марка и название элитного французского шампанского, производство которого было основано в 1743 г. Клодом Моэтом. Предикат «*искришься*» обладает генетической связью с качественной характеристикой самого алконима, так как «Moët & Chandon» является искристым вином. Субъект действия – лингвокультурный типаж *«клубный сноб»* (Коровина 2005: 223–233), для которого центральными ценностями жизни выступают манерность, искусственность, яркость. Алконим усиливает данные отличительные признаки субъекта действия: расцвет компании «Moët & Chandon» по производству шампанского пришелся на времена правления Людовика XV, когда алкогольный напиток стал неотъемлемой частью великосветских приемов и романтических свиданий, остается до настоящего времени любимым шампанским «золотой молодежи» и богемы. Алконим «Moët & Chandon» отчасти нивелирует эталон мужественности, так как шампанское представляется несколько гендерномаркированным напитком – по преимуществу женским.

Алконимы в поэтических текстах Веры Полозковой оказывают максимальную степень стилистического воздействия на реципиента. В тексте «Это Гордон Марвел...» (2008) название марки пива «Хольстен» участвует в раскрытии трагической истории Гордона Марвела, его свойств характера. Этимология названия пива («*holtsaten*» – лесной житель) и рекламный слоган

позволяют установить ассоциативную связь с субъектом действия. Логотипом компании является изображение рыцаря на коне. Гордон Марвел – олицетворение лингвокультурного типажа **«рыцаря»** (Скачко 2005: 88–104): он заполняет свой досуг пиршеством (*«Напивался брютом, летал конкордом...»*), пренебрегает смертью (*«...Мне чего, завещать свои мощи храму? Сходить побриться?»*), у него свой стиль жизни, система ценностей (*«Он пьет теплый Хольстен, листает Хастлер...»*), он проявляет своеобразную силу воли (*«Гордон, не пивший месяц, похож на принца...»*), принимает решения (*«Габриэль вернется, тогда-то уж можно будет с ним/и о деле потолковать...»*). Таким образом, алконим «Holsten» совместно с названием порнографического мужского журнала «Hustler» выступают гендерными маркерами и передают жизнь одинокого мужчины.

В большинстве примеров алконимы характеризуют стиль жизни, поведение субъектов действия (**информационно-стилистическая подфункция**). Например, в стихотворении «Для неровного счета» (2007): *«И мы даже выберем день отдельный, и под мартини,/ поговорим с ним, о том,/ что любим друг друга зверски – но вновь получится ни о чем»*. Как правило, «Martini» связан с легким образом жизни (в 1970-х гг. в качестве девиза «Martini» использовалась фраза – «anytime, anyplace, anywhere» («в любое время, в любом месте»), что находит соответствие в тексте и позволяет отнести субъекта действия к лингвокультурному типуажу **«клубный сноб»**: *«Ему наплевать, что вы ему разрешите, не разрешите –/ он потрошитель, он поступает со здравым смыслом, / как с тем окурком – в кусты зашвыривает щелчком...»*. Имя субъекта описания и алконим имеют звуковое сходство: «мартини» [м[^]рт'ин'и] – «Тэмури» [т[^]мур'и].

Не менее значительны алконимы, создающие **лингвокультурный фон пропозиции поэтического текста** и привязывающие авторскую действительность к действительности, реально существующей (**информационно-стилистическая подфункция**).

В тексте «Миссис Корстон» (2008) Веры Полозковой название французского вина «пти шабли» («Petit Chablis») включает в себе значительный

когнитивный потенциал. Алконим вводит в текст концептуальную метафору «любовь – смерть» (*эмоционально-стилистическая подфункция*): «Они ездили в Хэмпшир, любили виски и **пти-шабли**./ А потом его нарядили и **погребли**...». К особенностям данной марки вина следует отнести то, что оно не нуждается в длительном сроке выдержки, ему присуща легкость, свежесть и тонкость вкуса. Данные экстралингвистические детали находят отражение на уровне грамматики: предикаты в перфектной форме, концептуально связанные с воспоминаниями о счастье влюбленных («он до старости **хохотал** над ее рассказами; он **любил** ее», «любили... **пти шабли**») и временной подчинительный союз «**когда**». Следовательно, алконим, не утрачивая генетической связи с производимым товаром, несет в своей основе определенный компонент добавочности: заключение в определенную локально-темпоральную рамку, что находит свое выражение как на лексическом, так и грамматическом уровнях (*текстообразующая функция*).

В стихотворении «Целоваться бесшумно...» (2004) вкусовые особенности алконима сравниваются с неразделенным чувством любви (*эмоционально-стилистическая подфункция*): «Сладким девичьим голоском/ Металлическим – сожалею,/ Но придется – метнуть куском/ Стали в спину./ Давись песком, / Будто редкостным божоле...». «Beaujolais» – французское вино, символ страны-производителя. Его вкус напрямую зависит от правильного момента готовности: если раньше, чем следует, слить вино, оно будет легким, не насыщенным по вкусу; если передержать – терпким, но тусклым. Алконим – ключевое слово для анализа основной эмоции через конкретно-чувственные восприятия вкусовых качеств вина, что нашло отражение и на фонетическом уровне (аллитерация звука [ж]): «**ж**еле я» [ж'ил'э јь] – «тя**ж**елея» [т'ь**ж**ыл'эјь], «со**ж**алею» [с'ь**ж**ыл'эју], «бо**ж**оле» [б'ь**ж** л'э]).

Алконимы, используемые в **стилистической функции**, представляют особый интерес вследствие различия поверхностного и глубинного значения, которое они передают в тексте. В большинстве случаев поэт использует алконимы для передачи внутреннего состояния. Так, например, в поэтическом

тексте «Алоэ» (2008) алконим «ламбруско» совмещает ирреальность, которая вводится неопределенными местоименными адъективами «когда-нибудь», «как-нибудь», и реальность, которая передается адъективом «действительно». «Lambrusco» – игристое вино, способное передавать легкое ощущение праздника и беззаботности. Кардинал Ришелье называл это вино «ключом к женской душе». Подобным образом в другом поэтическом тексте алконим становится символом внутреннего состояния героини (*эмоционально-стилистическая подфункция*): «У Кати в бокале сироп, и водка, и долька лайма, и *куантро*./ Не хмелеет; внутри коротит проводка, дыра размером со все *нутро*...». «Куантро» – французский крепкий спиртной напиток, прозрачный ликёр, который изготавливается по старинному рецепту, включая одновременно горькую и сладкую апельсиновую цедру. Лексема «одинока» повторяется в тексте стихотворения 3 раза, что связано не только с вкусовыми качествами напитка, но и с «горьким одиночеством» героини. В 1898 г. появился фирменный знак французского ликера, созданный художником Николасом Тамаго – изображение Пьеро. Традиционно вызывающий сожаление персонаж, получает удовольствие от потребления алкогольного напитка. Рекламное изображение контрастно состоянию героини поэтического текста, так как героиня «...не хмелеет; внутри коротит проводка, дыра с размером со все нутро...». Таким образом, автор апеллирует к озвученному алкониму «Cointreau», который совместно с поэтонимом «Белый Бим» (повесть Г. Троепольского «Белый Бим Черное ухо») выражают состояние героини, а также отношение автора к своему герою (*эмоционально-стилистическая подфункция*): «*Катя вспоминает, как это тесно, смешно и дико, когда ты кем-то любим./ Вот же время было, теперь, гляди-ка, ты одинока, как **Белый Бим**...*». На звуковом уровне ассонанс звука [о] усиливает концептуальную метафору «одиночество»: «куантро», «нутро», «дико», «одинока».

Алконимы, выполняя эмоционально-стилистическую подфункцию, передают определенное эмоционально-оценочное переживание. Например, в тексте «Изобретателю весны» (2013) алконим «массандра» связан с мотивом

алкогольного забвения: *«да, мой сын: когда я всё мог, я был добрый маг./ я смешил востроглазых дев, не берёг бумаг,/ арию о том, как недуги лечит портвейн «массандра»...»*. В стихотворении «Снова не мы» (2009) автор вводит алконим «самбука» как необходимый атрибут клубной жизни: *«ладно, ладно, давай не о смысле жизни,/ больше вообще ни о чем таком/ лучше вот о том, как в подвальном баре со стробоскопом/ под потолком пахнет липкой **самбукой** и табаком...»*. Тексты с единицами, обозначающими алкогольную продукцию, в ряде случаев включают и эмоционально-оценочное отношение самого поэта к тому или иному бренду: одобрение / неодобрение, принятие / непринятие: *«Мне бы еще какого **пойла** типа **Хуча**...»* (2006), *«Сидишь в углу, **попиваешь чивас**...»* (2007); *«Чтоб они не сидели в пабе, где им сварганят/ По какой-нибудь **замечательной блади-мэри**...»*(2008).

Таким образом, на примере проанализированных текстов алконимы в группе прагматонимов – полифункциональные единицы, совмещающие одновременно текстообразующую и стилистическую функции.

Активное использование в поэтических текстах Веры Полозковой прагматонимов с мировой известностью и прочной их закрепленностью в сознании реципиентов можно объяснить влиянием моды, которая оказывает влияние на языковую картину мира, и шире – процессом глобализации.

Феномен глобализации, затрагивая все сферы жизни человека, не может не затронуть изменения в языке, прежде всего в самом подвижном его пласте – лексике. Иными словами происходит формирование особых лексических единиц – *глобализмов* (термин С.П. Денисовой (Денисова 2004: 210)). Специфика выделенных единиц такова, что они известны широкому кругу социально активных высокообразованных людей, владеющих несколькими языками, в том числе английским языком, в отличие от варваризмов, называют широко- или общеизвестные вещи. Среди них, по замечанию С.П. Денисовой, значительное место занимают прагматонимы с мировой известностью. В ономастиконе Веры

Полозковой также можно выделить прагматонимы-глобализмы¹: «*Пахнет йодом, асфальтом мокрым и мятной Wriglei...*» («Непоэмание», 2006); «*хороший город, моего теплей/ мохито стоит семьдесят рублей/ а кола тридцать пять в кинотеатре...*» («Осточерчение», 2008); «*он стучится в киоск,/ просит мальборо/ и вдыхает горячий дым,/ выдыхает холодный дым*» («Осточерчение», 2010); «*...ты станешь гораздо легче переносить/ физическую боль и больше никогда не полезешь ни в какой/ гугл или блогс...*» («Осточерчение», 2010).

Одним из характерных признаков маркировочных наименований в поэтическом дискурсе Веры Полозковой является написание их со строчной буквы и без кавычек, что можно рассмотреть в фокусе проблемы статуса данного класса ономастических единиц, которую обозначила С.М. Толстая, как «апеллятив-онома» (Толстая 2005: 24–27).

Все выделенные в группе прагматонимов алконимы мы отнесли к прецедентным, так как они входят в так называемое «универсальное» когнитивное пространство (Красных 2003: 174), поскольку являются достоянием личной сферы, как самого автора, так и героев его произведений, а также способствуют созданию национально-культурного фона в тексте.

Прагматонимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой взаимодействуют с поэтонимами, антропонимами, топонимами, являясь функционально нагруженными элементами поэтических текстов Веры Полозковой, формирующими смысловые фон и веху в художественном тексте.

В ономастиконе поэтического дискурса Веры Полозковой выделяются классы онимов, которые носят факультативный характер и не являются информационно емкими в понимании и восприятии текста. Именно такие классы онимов мы отнесли к дальней периферии ономастикона Веры Полозковой:

- **зоонимы** (2 единицы): «*У старого Хью был пес, его звали Джим...*» («Фотосинтез», 2007), «*Там все будет едино, и не будет никакой разницы, кто мама, кто я, кто мертвый Котя...*» («Осточерчение», 2008);

¹ Прагматонимы-глобализмы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой «Coca-cola», «Marlboro», «McDonald's», «Google» выделены с учётом списка 100 самых известных глобализмов, составленного по материалам журнала «Business Week» (17.06.2008 г.). (Эл. ресурс). – Режим доступа: <http://www.businessweek.com/>

- **космонимы, астронимы** (4 единицы): *«Такую тонко продуманную, изощренную, дикую подлость могла, конечно, только она проделать./ Родить именно тебя! Именно такой! Именно на этих гребаных задворках Галактики...»* (ЖЖ, 2006), *«...у нас тут осень, говно, ментовский произвол, у нас тут/ коррупция, творческое бессилие и солнце через миллиард/ лет раскалится так, что вся Земля будет одной сплошной/ Долиной Смерти...»* («Осточерчение», 2008) и др.;
- **собственные имена отдельных праздников** (2 единицы): *«Дремучая старость года – но пахнет Пасхой,/ А вовсе не Рождеством...»* («Непоэмание», 2006), *«Он звонит ей раз в год, в канун Рождества Христова,/ И желает счастья. Ну, ничего святого...»* («Осточерчение», 2009);
- **собственные имена отдельных мероприятий** (2 единицы): *«И «Оскар» вряд ли светит. что обидно...»* (ЖЖ, 2003), *«И над всем этим я стою белокожей стриженной каланчой, / с сумкой «Премия Кандинского» вдоль плеча...»* («Осточерчение», 2008);
- **хрононимы** (1 единицы): *«Век Серебряный щурит взгляд...»* (ЖЖ, 2003);
- **название печатных изданий** (7 единиц): *«Тише,/ Мыши / Кот на крыше / Поработать бы/ В «Афише»* (ЖЖ, 2004), *«Он трудится в «Ведомостях»...»* (ЖЖ, 2005) и др.;
- **собственные имена-названия литературных, музыкальных, сценических, кинематографических, живописных и скульптурных произведений** (16 единиц): *«Тебя не завербуют в Ангелы Чарли, в Орианы Фаллачи и солдаты Джейн, и спустя пару дней станет ясно, что это и к лучшему...»* (ЖЖ, 2006), *«Каждый раз, когда я просыпаюсь, / Я пою себе «I Will Survive» как мантра»* (ЖЖ, 2007), *«Я слушаю старушку Шерил – ее Tomorrow Never Dies...»* («Непоэмание», 2006) и др.

Приведенные разряды онимов, как показывает материал исследования, используются поэтом в процессе создания поэтического текста как средства художественной детализации (элемент «декорационного фона» – по Б.А.

Успенскому), выполняют декоративную функцию. Такие имена маркируют время, эпоху, вкусы и пристрастия как самого автора, так и героев стихотворений.

Однако и среди периферийных онимов зафиксированы немногочисленные случаи, когда они выступают важными элементами декорационного фона и выполняют *эмоционально-стилистическую подфункцию*, воздействующую на читателя: «Чему учит Джайпур меня?/ Я преодолела большой маршрут. / Что ни кадр, то как из журнала *Geo...*»¹ («Осточерчение», 2008), «Но с дикой страстью/ Из пасти/ Рвутся слоги/ Они клыкасты, / Они из *Касты...*»² (ЖЖ, 2004), «расскажи мне, мой свет, как она забирается/ прямо в туфлях к нему в кровать/ и читает *«терезу батисту, уставшую воевать»*/ и закатывает глаза, чтоб не зареветь/ и как люди любят себя по-всякому убивать,/ чтобы не мертветь...»³ («Осточерчение», 2009).

Итак, употребление периферийных онимов в поэтических текстах Веры Полозковой также обусловлено авторским замыслом и идейно-эстетическими задачами поэтического текста (декорационная функция).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, отметим следующее: имена собственные в поэтических текстах Веры Полозковой – неотъемлемая часть индивидуально-авторской картины мира. Онимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой представлены практически всеми разрядами (см. табл. 2.6).

Таблица 2.6

**Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой:
типология онимических единиц**

Тип онимов	Количество, ед.	%
Антропонимы (включая антропопонимы)	176	32,00
Зоонимы	2	0,36

¹ *Журнал «Geo»* – международный научно-популярный журнал с уклоном в тематику путешествий, издаваемый в России ежемесячно с 1998 г. Тематикой статей являются география, история, культура, этнография, биология, психология, астрономия, путешествия, биографии. Фотографии в журнале – уникальные кадры, иллюстрирующие тайны живой природы.

² «*Каста*» – российская рэп-команда из Ростова-на-Дону, лауреаты премии «*Rap Music '99*». В 2004 г. (дата написания стихотворения Веры Полозковой) вышел сольный альбом рэпера Хамиля из группы «Каста» – «Феникс».

³ «*Тереза Батиста, уставшая воевать*» – роман Жоржи Амаду в жанре «магического реализма». В основе сюжета судьба девушки, проданной в рабство, испытавшей любовь, смерть, голод и войну. Самым трудным для Терезы было научиться плакать, потому что родилась она для того, чтобы радостно жить и смеяться.

Топонимы	175	31,9
Космонимы	4	0,73
Имена праздников	2	0,36
Имена мероприятий	2	0,36
Хрононимы	1	0,18
Названия изданий	7	1,27
Названия произведений	16	2,91
Прагматонимы	40	7,27
Прецедентные поэтонимы	127	23,09
Всего	552	100,43

Вопреки преобладанию имен географических объектов, ономастикон поэтического дискурса центрируется за счет прецедентных поэтонимов, поскольку именно этот разряд онимов выполняет конструктивную роль в формировании фрагмента «художественной картины мира» поэта Веры Полозковой. Особенность имен, не существующих в реальной действительности, объясняется тесным взаимодействием двух функций – текстообразующей и стилистической. Доминирующим элементом значения этого разряда имен является то, что они концентрирует в себе не только конкретную коммуникативную ситуацию (контекст), но и мировой художественный опыт. Они «стягивают» все фоновые знания и, как следствие, функционируют в пространстве текста как «семантические узлы» (см. рис. 2.3).

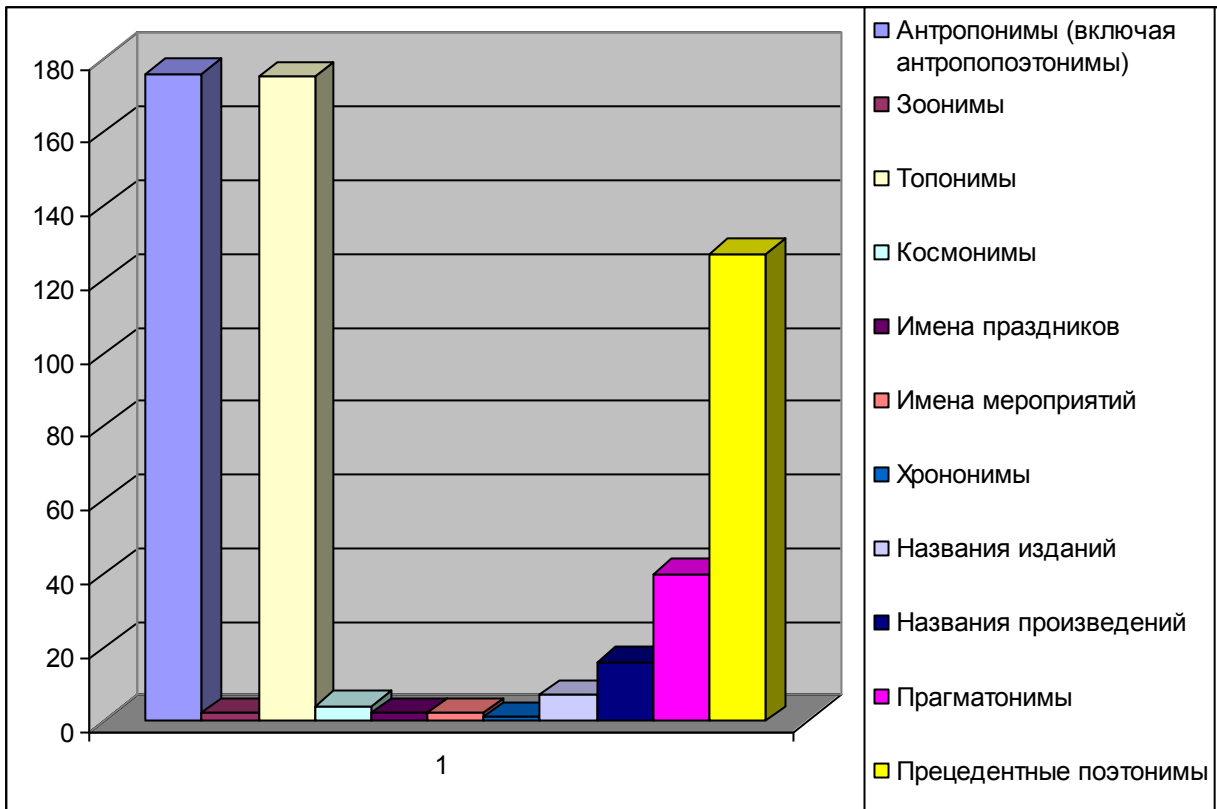

Рисунок 2.3. Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой: типология онимических единиц

Итак, **ядро** ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой занимают **прецедентные поэтонимы, диахронные антропонимы, алконимы**, так как именно эти разряды онимов характеризуются большей **информационной емкостью** (способностью кодировать значительный объем информации на незначительном отрезке текста), **константностью** (обозначают ключевые образы в поэтических текстах, характеризуются «семантической осложненностью», предполагающей увеличение контекстной семантики и ассоциативных связей в рамках художественно-эстетического целого), участием в создании **смысловой многомерности текста**, а также высокой частотностью как в целом развернутом тексте, так и в композиционно значимых его частях (например, в названии стихотворного текста). Кроме этого, указанные разряды онимов создают в тексте смысловые фон и веху. Указанные способы определяют эстетическую нагруженность и особенности функционирования данных онимических разрядов в поэтических текстах Веры Полозковой.

Ближняя периферия структурируется за счет *антропоэтонимов* (имена, неимеющие литературной биографии), *синхронных антропонимов и топонимов*. Специфической чертой данного типа онимов выступают в поэтических текстах Веры Полозковой как: 1) смысловой фон и 2) смысловая веха.

Дальняя периферия формируется за счет *периферийных онимов* и *прагматонимов* (исключение – алконимы), которые выступают как факультативные элементы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой, выполняя преимущественно информационно-стилистическую функцию (см. рис. 2.4).

Рисунок 2.4. Модель полевой структуры ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ II

В главе II – «*Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой: структура, семантика, функционирование*» – предпринята попытка систематизации и типологизации ономастикона поэта:

1. Одной из характерных черт поэта является тот факт, что пространство индивидуально-авторского дискурса Полозковой антропоориентировано, то есть во многом совпадает с географической картой, включая самые разнообразные топосы, актуализированные топонимами. **Топонимы** в поэтических текстах Веры Полозковой совмещают в своей основе геофизическую и общекультурную информацию, обладают широкими коннотативными знаками, выполняя не только информационно-стилистическую, но и эмоционально-стилистическую функции. Функционал топонимов в поэтических текстах Веры Полозковой включает, помимо первичной (номинативной, адресной), **информационно-стилистическую подфункцию**, внутри которой выделен еще ряд **подфункций: пространственная, характеризующая, символическая подфункции**. В настоящем исследовании все топонимы мы отнесли к ближней периферии ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой, что объясняется семантическими перспективами данного класса онимов. В стихотворениях Веры Полозковой топонимы участвуют в формировании хронотопа художественного текста, а также смыслового фона.
2. Все **антропонимы** (176 единицы – 31,9% от общего количества ономоупотреблений) в поэтических текстах Веры Полозковой актуализируют два временных пласта: а) актуальный синхронный срез времени жизни поэта (настоящее время); б) диахронный срез времени (мировая культура в разные исторические периоды). Именно поэтому при анализе антропонимов в поэтическом дискурсе Веры Полозковой мы ввели термины «**диахронный антропоним**» и «**синхронный антропоним**». Кроме этого, обращались к сферам-источникам антропонимов: литература,

история, музыка, кинематограф, религия, наука, политика, философия, журналистика, изобразительное искусство. К ядру ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой относятся антропонимы на диахронном срезе, которые не только являются важным изобразительным, но и хронотопоформирующим средством в лексическом инструментарии Веры Полозковой. Актуальный синхронный срез антропонимов образуют собственные номинации (семьи линейного времени) из непосредственного бытового общения Веры Полозковой – члены семьи, друзья, коллеги по театру, участники эпизодических встреч и сама поэтесса. Антропонимы, относящиеся к синхронному срезу, наиболее часто представлены кинематографической и музыкальной тематической сферами. Используя антропонимы, отсылающие нас к тому или иному поэту / писателю, Вера Полозкова моделирует и некий синхронный антропониму фрагмент действительности. Антропонимы можно рассматривать, на наш взгляд, как важный смыслонесущий и текстопорождающий компонент, смысловая веха в организации поэтического текста и его интерпретации.

3. В поэтическом дискурсе Веры Полозковой к диахронным и синхронным антропонимам мы отнесли имена, неимеющие литературной биографии, взятые автором из реального именника эпохи, или – **антропопоэтонимы** (30 единиц – 5,43%). Антропопоэтонимы позволяют отразить поэту некий вымышленный мир с вполне земными проблемами. Средствами создания вторичной реальности выступают онимы иноязычной природы (топонимы, антропонимы, поэтонимы, прагматонимы), интертекстуальные явления, отсылающие нас к зарубежной литературе, музыке, кино, а также имена, построенные на основе игры звуковых сегментов. Иноязычные антропопоэтонимы образуют фон повествования и относятся к ближней периферии в ономастиконе поэтического дискурса Веры Полозковой. Специфической чертой данного типа онимов выступает тесная связь с другими разрядами онимов – с поэтонимами и антропонимами на

диахронном и синхронном уровнях (антропологонимологическая модель), топонимами (смысловой фон, адресный знак).

4. **Прецедентные поэтонимы** – неотъемлемый компонент поэтических текстов Веры Полозковой. Количество поэтонимов составляет 127 единиц (23%) от общего количества ономоупотреблений в поэтических текстах автора. Прецедентные поэтонимы относятся к ядру ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой, который центрируется посредством данного разряда ономов. Прецедентные поэтонимы выполняют конструктивную роль в формировании фрагмента «языковой картины мира» поэта Веры Полозковой. Во многих текстах Веры Полозковой встречаются прецедентные поэтонимы, которые переходят из стихотворения в стихотворение, тем самым выполняя функцию идиостилевых концептуальных доминант: ср.: Кай, Маленький Мук и Питер Пэн. В условиях художественной действительности Веры Полозковой они выступают как эстетически значимые и информативно объективные знаки образа мира. В поэтическом дискурсе поэта ведущими функциями являются **стилистическая** и **текстообразующая**. Пространство прецедентных поэтонимов в поэтическом дискурсе Веры Полозковой многомерно, можно выделить мифонимы, фольклоронимы, теонимы и агнионимы, роль которых в построении художественных образов текстов Полозковой также очень велика. Мифонимы, фольклоронимы, теонимы и агнионимы в текстах Полозковой выступают в качестве тропеических средств. Основой художественного тропа является его энциклопедическое значение или коннотации, приобретенные им в узуальном употреблении. Мифонимы в поэтических текстах Веры Полозковой могут выступать либо в функции характеристики, либо квалификации субъекта или объекта действия, особенностей взаимоотношений героев поэтических текстов. В топографию своих текстов Вера Полозкова вводит мифотопонимы, которые соприсутствуют в тексте автора рядом с реальными географическими приметами. Имена-мифонимы, актуализирующие персонажей греческой,

римской, еврейской и др. культур, являются важной частью образной системы поэта. Как правило, данные онимы сохраняют свое традиционное символическое значение, получая при этом значительное смысловое приращение, так как их основная функция – активизация исторической памяти читателя. В структуре текстов это поддерживается контекстным окружением и авторскими отсылками к первоисточнику.

5. **Прагматонимы**, то есть товарные знаки, также являются освоенной категорией в поэзии Веры Полозковой. Анализируя формы употребления прагматонимов в поэтическом дискурсе Веры Полозковой, мы выделили два основных структурных типа: 1) употребление наряду с товарным знаком названия товара; 2) изолированная позиция прагматонимов. Для маркировок второго типа характерен в большинстве случаев метонимический перенос наименования. Товарные знаки широко используются автором, чтобы передать личные вкусы, пристрастия героев стихотворений: пища, напитки, сигареты, печатные издания, одежда. Следует отметить, что одной из самых обширных групп в поэтическом дискурсе Веры Полозковой является группа спиртных напитков (15 единиц), которую в рамках исследования мы отнесли к прецедентным именам и ядру ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой. Одним из характерных признаков маркировочных наименований в поэтическом дискурсе Веры Полозковой является написание со строчной буквы и без кавычек.
6. Важно отметить, что в стихотворениях Веры Полозковой можно выделить онимы, которые носят **факультативный характер** и не являются информационно емкими в понимании и восприятии текста. Именно такие классы онимов мы отнесли к дальней периферии ономастикона Веры Полозковой. Такие разряды онимов, как показывает материал исследования, используются поэтом в процессе создания поэтического текста как средства художественной детализации, выполняют декоративную функцию.

7. Имена собственные в поэтических текстах Веры Полозковой – неотъемлемая часть индивидуально-авторской картины мира. Онимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой представлены практически всеми разрядами: топонимы, антропонимы, прецедентные поэтонимы, прагматонимы, хрононимы, зоонимы и др.
8. Ономастикон поэтического дискурса центрируется за счет прецедентных поэтонимов, поскольку именно этот разряд онимов выполняет конструктивную роль в формировании фрагмента «художественной картины мира» поэта Веры Полозковой.
9. **Ядро** ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой занимают прецедентные поэтонимы, диахронные антропонимы, алконимы, так как именно эти разряды онимов характеризуются большей информационной емкостью, константностью, участием в создании смысловой многомерности текста, а также высокой частотностью как в целом развернутом тексте, так и в композиционно значимых его частях. **Ближняя периферия** структурируется за счет антропопоэтонимов, синхронных антропонимов и топонимов, которые выступают как смысловой фон и смысловая веха в поэтических текстах. **Дальняя периферия** формируется за счет периферийных онимов и прагматонимов (исключение – алконимы), которые выступают как факультативные элементы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой, выполняя преимущественно информационно-стилистическую функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа мы пришли к следующим выводам.

Индивидуальность языковой личности поэта Веры Полозковой проявляется на уровне использования ономастической системы, а также в смысловом наполнении имен собственных. Имена собственные участвуют в формировании лингвокультурной компетенции, позволяющей реконструировать особенности конкретной языковой личности автора Веры Полозковой. В лингвокультурную компетенцию языковой личности входит знание прецедентных текстов культуры, обязательных произведений искусства, то есть известных каждому носителю языка явлений литературы, живописи, скульптуры, музыки и т.д.

Онимы – неотъемлемый компонент семантико-стилистической системы словоупотребления в поэтическом дискурсе Веры Полозковой. Они органично и мотивированно вливаются в систему языковых средств художественного текста, участвуют в создании общей образности произведения, входят в состав словаря автора как важный показатель его стиля, организуют «ономастическое пространство» текста. Всего в настоящем диссертационном исследовании проанализировано 276 поэтических текстов, содержащих 552 онима.

В рамках диссертационного исследования ономастическая единица понимается как функционально-семантический словесный знак в парадигме художественных текстов поэта Веры Полозковой. Лексическое значение онима складывается из денотативного, сигнификативного и структурного типов отношений или в виде соотношения предметно-понятийного ядра (интенционала) и смысловой периферии (импликационала), комплекса предметно-образных связей и отношений, где объективируется вероятностная структура обозначаемого фрагмента действительности, соотносимого также с экстралингвистическим фоном.

Мы выявили, что особенности и функциональные возможности имен собственных в пространстве поэтического дискурса Веры Полозковой обусловлены: а) общепринятой системой реальной онимии русского литературного языка; б) спецификой индивидуального мышления самого творца,

проявляющейся в семантико-стилистической системе и способах словоупотребления, то есть с учетом авторской картины мира.

Проанализированные текстовые примеры позволили выделить доминантные функции ономастических единиц – стилистическую и текстообразующую. Кроме этого, важным представляется и то, что пространство поэтического дискурса Веры Полозковой характеризуется тремя способами ономоупотребления: имя собственное как а) смысловая вежа; б) фон повествования; в) факультативный элемент, обуславливающий эстетическую нагруженность и особенности функционирования онимов разных разрядов.

Онимы определенного класса в поэтическом дискурсе Веры Полозковой объединяются в ономастические поля и далее – в ономастикон поэта. Ономастикон поэта Веры Полозковой рассматривается в настоящем исследовании как вербализованный в тексте автора словарь, репрезентирующий реалии объективной / вымышленной действительности. Обязательным принципом полевого структурирования каждого ономастического поля служит моделирование ядерно-периферийных отношений на основании функционального потенциала определенного класса онимов. Необходимо отметить и то, что ономастикон в диссертационном исследовании мы соотносим с индивидуально-авторской картиной мира и языковой личностью поэта Веры Полозковой. Подобная система соотношения позволила нам рассмотреть ономастикон как дискурсивный параметр и уточнить систему соотношений между ключевыми концептами: «оним – ономастикон – дискурс».

Имена собственные в поэтических текстах Веры Полозковой – неотъемлемая часть индивидуально-авторской картины мира. Онимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой представлены практически всеми разрядами: антропонимы, топонимы, прецедентные поэтонимы, прагматонимы и другие периферийные классы онимов.

Анализ поэтических текстов Веры Полозковой показал, что вопреки преобладанию имен географических объектов (175 единиц – 31,70%), ономастикон поэтического дискурса центрируется за счет прецедентных

поэтонимов, поскольку именно этот разряд онимов выполняет конструктивную роль в формировании фрагмента «художественной картины мира» поэта Веры Полозковой. Особенность имен, не существующих в реальной действительности, объясняется тесным взаимодействием двух функций – текстообразующей и стилистической. Доминирующим элементом значения этого разряда имен является то, что они концентрирует в себе не только конкретную коммуникативную ситуацию (контекст), но и мировой художественный опыт. Они «стягивают» все фоновые знания и, как следствие, функционируют в пространстве текста как «семантические узлы».

Таким образом, ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой структурируется на основе ядерно-периферийных отношений. К **ядру** ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой мы отнесли прецедентные поэтонимы, диахронные антропонимы, алконимы, так как именно эти разряды онимов характеризуются большей информационной емкостью (способность кодировать значительный объем информации на незначительном отрезке текста), константностью (обозначают ключевые образы в поэтических текстах, характеризуются «семантической осложненностью», предполагающей увеличение контекстной семантики и ассоциативных связей в рамках художественно-эстетического целого), участием в создании смысловой многомерности текста, а также высокой частотностью как в целом развернутом тексте, так и в композиционно значимых его частях (например, в названии стихотворного текста). Кроме этого, указанные разряды онимов создают в тексте смысловые фон и веху. Указанные способы определяют эстетическую нагруженность и особенности функционирования данных онимических разрядов в поэтических текстах Веры Полозковой.

Ближняя периферия структурируется за счет антропопоэтонимов, синхронных антропонимов и топонимов. Специфической чертой данного типа онимов является то, что они выступают в поэтических текстах Веры Полозковой как 1) смысловой фон и 2) смысловая веха.

Дальняя периферия формируется за счет периферийных онимов и прагматонимов (исключение – алконимы), которые выступают как факультативные элементы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой, выполняя преимущественно информационно-стилистическую функцию.

Периферийные онимы в поэтических текстах поэта Веры Полозковой носят факультативный характер и используются поэтом в процессе создания поэтического текста в качестве средства художественной детализации.

Данное исследование представляется перспективным по нескольким причинам:

- во-первых, в ходе изучения современной сетевой поэзии можно выявить особенности феномена современной литературы в целом (сетевая поэзия как составляющая современной литературы);
- во-вторых, анализ современных поэтических текстов способствует выделению особенностей функционирования языка в новых условиях, описанию тенденций его развития;
- в-третьих, представленный в диссертационной работе алгоритм анализа ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой может быть использован в дальнейшем при изучении функциональной роли ономастических единиц в ином текстовом поэтическом пространстве;
- в-четвертых, материал диссертационной работы, посвященный прецедентным поэтонимам, войдет в разрабатываемый электронный словарь прецедентных имен собственных современной сетевой поэзии¹.

---

¹ Работа выполняется в рамках государственного задания в сфере научной деятельности № 2014/267 от 31 января 2014 г. (проект «Компьютерные технологии в структурно-функциональном изучении текста»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**1. Авторефераты диссертаций:**

1. Андреева, Л.И. Специфика имени собственного и возможности ее использования в художественном тексте: На материале системы собственных имен в творчестве А.Н. Островского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.И. Андреева. – Саратов, 1995. – 19 с.
2. Багирова, Е. Эволюция антропонимикона в текстах разных редакций романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Багирова. – Тюмень, 2004. – С. 25–31.
3. Белозёрова, Е.А. Функционирование имен собственных в художественном тексте и дискурс: на материале современной британской литературы: автореф. канд. ... филол. наук / Е.А. Белозёрова. – М., 2008. – 19 с.
4. Воронова, И.Б. Textoобразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Б. Воронова. – Воронеж, 2000. – 24 с.
5. Гарагуля, С.И. Имя личное как культурно-историческая категория современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.И. Гарагуля. – М., 2000. – 27 с.
6. Горбачёва, О.Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Г. Горбачёва. – Орел, 2008.
7. Джиева, А.А. Синтаксизация имени и номинативность языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.А. Джиева. – М., 1995. – С. 39–40.
8. Донская, М.М. Английский язык в мультимедийном пространстве рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Донская. – М., 2007. – 16 с.
9. Загоровская, О.В. Эстетическая функция языка и эстетическая значимость слова в художественном тексте: На материале стихотворения А. Блока «Снежная маска»: автореф. канд. ... филол. наук / О.В. Загоровская. – Воронеж, 1977. – 23 с.

10. Калинин, В.М. Теоретические основы поэтической ономастики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.М. Калинин. – Киев, 2000. – 37 с.
11. Кирпичёва, О.В. Ономастикон рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Кирпичёва. – Волгоград, 2007. – 21 с.
12. Крыкова, И.В. Англоязычные эргонимы и словесные товарные знаки Японии как опосредованное отражение национальной культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Крыкова. – Владивосток, 2004. – 24 с.
13. Крюкова, И.В. Пограничные разряды ономастики в современном русском языке: автореф. канд. ... филол. наук / И.В. Крюкова. – Волгоград, 1993. – 21 с.
14. Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.В. Крюкова. – Волгоград, 2004. – 40 с.
15. Кузнецова, Т.Б. Русский ономастикон ставропольского края как фрагмент русской языковой картины мира (на материале антропо-, топо- и зоонимов Шпаковского, Кочубеевского и Грачевского районов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Б. Кузнецова. – Ставрополь, 2005. – С. 10.
16. Кузнецова, Я.В. Прецедентные феномены в цикле И. Северянина «Медальоны»: функционально-типологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я.В. Кузнецова. – Череповец, 2002. – 24 с.
17. Луговой, Д.Б. Русский ономастикон Ставропольского края (на материале антропо-, топо- и зоонимии северо-западного региона): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.Б. Луговой. – Ставрополь, 2003. – С.8.
18. Магазаник, Э.Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.Б. Магазаник. – Самарканд, 1967. – 23 с.
19. Монгилёва, Н.В. Семантическое пространство поэтического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Монгилёва. – Челябинск, 2004. – 20 с.
20. Никитина, Н.В. Ономастическое пространство поэзии А.Т. Твардовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Никитина. – Смоленск, 2006. – 24 с.

21. Орлова, Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис.... канд. филол. наук / Н.М Орлова. – Саратов, 2010.–50с.
22. Пронченко, С.М. Интертекстовые ономастические структуры в произведениях О.Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.М. Пронченко. – СПб., 2007. – 20 с.
23. Ражина, В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Ражина. – Краснодар, 2007. – 18 с.
24. Сотникова, Е.А. Ономастическое пространство парфюмерной продукции в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Сотникова. – Елец, 2006. – 22 с.
25. Стародульская, Н.А. Функционально-прагматическая направленность и лингвистический статус товарных знаков (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Стародульская. – Пятигорск, 2003. – 17 с.
26. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.И. Супрун. – Волгоград, 2000.
27. Тикунова, С.Г. Взаимодействие структурных и содержательных характеристик художественного текста и его заглавия (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Г. Тикунова. – М., 2005. – 24 с.
28. Цветкова, М.В. Рецепция Марины Цветаевой в Великобритании: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М.В. Цветкова. – М., 2003. – 36 с.
29. Щербак, А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. ... докт. филол. наук / А.С. Щербак. – Тамбов, 2008. – С. 18.
30. Юркенас, Ю.К. Онимизация апеллятивов и развитие индоевропейских антропонимических систем: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Ю.К. Юркенас. – М., 1979. – 37 с.

2. Книги, монографии и их разделы:

31. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград, 1998. – 274 с.

32. Алёшина, Л.В. Ономастическое пространство идиостиля Н.С. Лескова (на материале инновационных онимов и деонимов) / Л.В. Алёшина. – Орел, 2000. – 76 с.
33. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г. Бабенко, Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург, 2000. – 534 с.
34. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л.Г. Бабенко. – М., 2004. – 464 с.
35. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М., 1986. – 543 с.
36. Беленькая, В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка / В.Д. Беленькая. – М., 1969. – 168 с.
37. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика) / А.А. Белецкий. – Киев, 1972. – 212 с.
38. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства / Е.Л. Березович. – М., 2010. – 532 с.
39. Березович, Е.Л. Топонимия Русского Севера / Е.Л. Березович. – Екатеринбург, 1998. – 340 с.
40. Блох, М.Я. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике / М.Я. Блох, Т.Н. Семёнова. – М., 2001. – С. 152.
41. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л., 1977. – 204 с.
42. Богин, Г.И. Филологическая герменевтика / Г.И. Богин. – Калинин, 1982. – 86 с.
43. Болотнова, Н.С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста / Н.С. Болотнова. – СПб., 1992. – 55 с.
44. Болотнова, Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Н.С. Болотнова. – Томск, 1994. – 210 с.
45. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М., 1983. – 224 с.
46. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л., 1984. – 136 с.

47. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М., 2004. – 250 с.
48. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М., 1990. – 175 с.
49. Васильева, Н.В. Собственное имя в мире текста / Н.В. Васильева. – М., 2009. – С. 132–149.
50. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1976. – 320 с.
51. Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М., 1971. – 240 с.
52. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М., 1959. – 656 с.
53. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М., 1963. – 255 с.
54. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М., 1991. – 448 с.
55. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (Теория и методы) / В.В. Воробьев. – М., 1997. – 332 с.
56. Галкина-Федорук, Е.М. Слово и понятие / Е.М. Галкина-Федорук. – М., 1956. – 54 с.
57. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 2005. – 138 с.
58. Грамматика русского языка. – М., 1952. – 636 с.
59. Грот, Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне: Филологический розыск / Я.К. Грот. – СПб., 1986. – 159 с.
60. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М., 1999. – С. 12.
61. Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г.В. Денисова. – М., 2003. – 298 с.
62. Домнин, В.Н. Брейдинг: новые технологии в России. – СПб., 2002. – 381 с.

63. Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX–XX вв. / М.Я. Дымарский. – М., 2006. – 296 с.
64. Елистратова, К.А. «Диалог культур» в аспекте языковой личности (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) / С.Ю. Лаврова, Д.В. Минец, Е.О. Бирюкова [и др.] // Концептуализация языковой личности в различных типах дискурса: монография / Отв. ред. С.Ю. Лаврова. – Череповец, 2012. – С. 143–187.
65. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен / Пер. с англ. – М., 1958. – 404 с.
66. Жигулёв, А.М. Где труд, там и счастье. Пословицы и поговорки / А.М. Жигулёв. – М., 1962. – 196 с.
67. Зволиньски, П. Место зоонимов в ономастиконе / П. Зволиньски // *Namen in Kontakt*. XII Internationaler Kongress für Namemforschung. – Bern, 1975. – 78 с.
68. Зинин, С.И. Введение в антропонимику / С.И. Зинин. – Ташкент, 1975. – 275 с.
69. Зинин, С.И. Имена персонажей в художественной литературе и фольклоре / С.И. Зинин, А.Г. Степанов // *Антропонимика*. – М., 1970. – С. 330–355.
70. Зинченко, В.Г. Система «литература» и методы ее изучения / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Киридзе. – Нижний Новгород, 1998. – 280 с.
71. Ильенко, С.Г. Русистика: Избранные труды / С.Г. Ильенко. – СПб., 2003. – 674 с.
72. Калинин, В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин. – Донецк, 1999. – 408 с.
73. Калинин, В.М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А.С. Пушкина) / В.М. Калинин. – Донецк, 1999. – 247 с.
74. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М., 2009. – 406 с.
75. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – С. 216.
76. Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А.В. Костина. – М., 2006. – С. 18.

77. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В.В. Красных. – М., 2003. – 375 с.
78. Крюкова, О.С. Ономастикон романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / О.С. Крюкова. – М., 1999. – 150 с.
79. Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения / Е.С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. В 2 т. Т. 1. – М., 2001. – С. 72–81.
80. Кубрякова, Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М., 2004. – 560 с.
81. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – М., 2004. – 268 с.
82. Купина, Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Н.А. Купина. – Красноярск, 1983. – 160 с.
83. Купина, Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург, 1995. – 144 с.
84. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М., 1962. – 456 с.
85. Ларин, Б.А. Эстетика слова и языка писателя: Избранные статьи / Б.А. Ларин. – Л., 1973. – 288 с.
86. Леонович, О.А. Очерки английской филологии / О.А. Леонович. – М., 1994. – 124 с.
87. Лотман, Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю.М. Лотман. – СПб., 2004. – 704 с.
88. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа / В.А. Лукин. – М., 1999. – 192 с.
89. Мороховский, А.Н. Стилистика английского языка / А.Н. Мороховский, О.П. Воробьева, Н.И., Лихошерст [и др.]. – Киев, 1984. – С. 38–41.
90. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации [Эл. ресурс]. – Екатеринбург, 2007 / Е.А. Нахимова. – Режим доступа: <http://www.philology.ru> – Загл. с экрана.
91. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М., 1965. – 178 с.
92. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М., 1974. – 279 с.

93. Пак, С.М. Имя собственное. Функционально-прагматический аспект: на материале американского дискурса XIX–XX веков / С.М. Пак. – М., 2003. – 178 с.
94. Пешковский, А.М. Принципы и приемы анализа и оценки художественной прозы / А.М. Пешковский // Структурно-семантический анализ единиц речи. – М.–Л., 1930. – С. 29–68.
95. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М., 1976. – 615 с.
96. Поцепня, Д.М. Образ мира в слове писателя / Д.М. Поцепня. – СПб., 1997. – 264 с.
97. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб., 2005. – 480 с.
98. Рассел, Б. Человеческое познание: Его сферы и границы / Б. Рассел. – Киев, 1997. – 556 с.
99. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М., 1996. – 535 с.
100. Реформатский, А.А. Топономастика как лингвистический факт / А.А. Реформатский // Топономастика и транскрипция. – М., 1964. – С.17–28.
101. Руднев, Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка [Эл. ресурс] / Ю. Руднев. Режим доступа: http://zheltydom.narod.ru/literature/txt/discours_jr. – Загл. с экрана.
102. Русская грамматика. В 2 т. – М., 1980. – 792 с.
103. Сидоренко, К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова: монография / К.П. Сидоренко. – СПб., 1999. – 253 с.
104. Смольников, С.Н. На золотом пороге немеркнущих времен: Поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева / С.Н. Смольников, Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2006. – 262 с.
105. Соболева, Т.А. Товарные знаки / Т.А. Соболева, А.В. Суперанская. – М., 1986. – 176 с.
106. Сулименко, Н.Е. Антропоцентрические аспекты изучения лексики / Н.Е. Сулименко. – СПб., 1994. – 67 с.

107. Сулименко, Н.Е. Слово в контексте гуманитарного знания / Н.Е. Сулименко. – СПб., 2002. – 84 с.
108. Сулименко, Н.Е. Современный русский язык: Слово в курсе лексикологии / Н.Е. Сулименко. – СПб., 2004. – 352 с.
109. Суперанская, А.В. Имя нарицательное и собственное / А.В. Суперанская. – М., 1978. – 283 с.
110. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М., 1973. – 366 с.
111. Суперанская, А.В. Общая терминология: Вопросы теории: кол. моногр. / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М., 1989. – 243 с.
112. Суперанская, А.В. Структура имени собственного. (Фонология и морфология) / А.В. Суперанская. – М., 1969. – 206 с.
113. Суперанская, А.В. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. – М., 1985. – 175 с.
114. Теория и методика ономастических исследований / Под ред. А.В. Суперанской. – М., 1986. – 254 с.
115. Томахин, Г.Д. Америка через американизмы / Г.Д. Томахин. – М., 1982. – С. 77.
116. Топорова, Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные / Т.В. Топорова. – М., 1996. – 253 с.
117. Тураева, З.Я. Лингвистика текста (Текст: Семантика и структура) / З.Я. Тураева. – М., 1983. – 127 с.
118. Тынянов, Ю.Н. Архаисты и новаторы / Ю.Н. Тынянов. – Л., 1929. – 596 с.
119. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. – М., 1965. – 301 с.
120. Устин, А.К. Textoобразовательный дейксис / А.К. Устин. – СПб., 1995. – 107 с.
121. Уфимцева, А.А. Лексическое значение (Принципы семасиологического описания лексики) / А.А. Уфимцева. – М., 1986. – 239 с.

122. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – М., 2006. – С.37–39.
123. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Л., 1990. – 104 с.
124. Чурилина, Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте / Л.Н. Чурилина. – М., 2006. – 236 с.
125. Чурилина, Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования / Л.Н. Чурилина. – СПб., 2002. – 283 с.
126. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность: Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба. – Л., 1974. – 428 с.
127. Щетинин, Л.М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах / Л.М. Щетинин. – Ростов н/Д, 1966. – 220 с.
128. Щирова, И.А. Текст в интерпретации: взгляды, концепции, школы / И.А. Щирова, З.Я. Тураева. – СПб., 2005. – 155 с.
129. Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95–99.
130. Aschenberg, H. Eigennamen im Kinderbuch / H. Aschenberg // Eine textlinguistische Studie. – Tübingen, 1991 (=Tübinger Beiträge zur Linguistik, 351). [Рец.: Schirmer H. Namenkundliche Informationen, 1991]. – P. 94–98.
131. O'Driscoll. The Country of Lexicography / O'Driscoll, J. Britain. – N.Y., 1984. – Learners of English. OUP, 1995. – P. 174.
132. Wolf, U. (Hrsg.) Eigennamen: Dokumentation einer Kontroverse / U. Wolf. – Frankfurt.–М., 1993.

3. Статьи и тезисы:

133. Алексеева, О.А. Имена в лирике В. Набокова: Организация авторского культурного пространства / О.А. Алексеева // Материалы юбилейной конф., посвящ. 60-летию филологического факультета ВГУ. Вып. 1. Языкознание. – Воронеж, 2002. – С. 8–13.

134. Аникина, М.Н. Выявление национально-культурного компонента русских антропонимов / М.Н. Аникина // Русский язык за рубежом. – 1992. – № 3. – С. 101–103.

135. Арнольд, И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83–91.

136. Арнольд, И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика / И.В. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб., 1993. – С. 4–12.

137. Банникова, И.А. Имя собственное как фактор организации художественного текста / И.А. Банникова // Textoобразующие потенции языковых единиц и категорий. – Барнаул, 1990. – С. 92–98.

138. Барковская, Ю.В. О составе ономастикона Н.С. Лескова / Ю.В. Барковская // Русский язык и славистика в наши дни: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Н.А. Кондранюва (29–30 ноября 2004 г.). – М., 2004. – С. 6–14.

139. Березникова, Р.Е. Место номенов в лексической системе языка / Р.Е. Березникова // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978. – С. 42–58.

140. Болдырев, Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий / Н.Н. Болдырев // С любовью к языку. – Воронеж, 2000. – С. 103–114.

141. Болотов, В.И. Лингвистический статус имени собственного и его функционирование в тексте / В.И. Болотов // Ономастика. Имя и культура. – Вып. 25. Книга 1. Ч. 1. – М., 1993. – С. 42–49.

142. Брагилевский, Д.Ю. О критериях разграничения имен собственных и нарицательных / Д.Ю. Брагилевский // Вестник СПбГУ. – 1994. – Сер. 2, Вып. 3. – № 16. – С. 105–109.

143. Бурвикова, Н.Д. Воспроизводимые сочетания слов в коммуникативном пространстве носителя русского языка / Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров // Языковая личность: текст, словарь, образ мира: к 70-летию чл.-кор. РАН Ю.Н. Караулова. – М., 2006. – С. 11.

144. Васильева, Н.В. Литературная ономастика и лингвистика текста: интегративный подход к собственным именам в художественном тексте / Н.В. Васильева, К. Хенгст // Известия Волгоградского гос. педун-та. Сер. Филол. науки. – 2003. – № 4. – С. 49–57.

145. Гаврилина, И.Н. Место и характер номенклатурных единиц в ракетно-ядерной терминосистеме / И.Н. Гаврилина // Номинативные свойства языковых единиц: межвуз. сб. – Саратов, 1990. – С. 33–37.

146. Григорьев, В.П. Ономастика Велимира Хлебникова (индивидуальная поэтическая норма) / В.П. Григорьев // Ономастика и норма. – М., 1976. – С. 181–200.

147. Грудева, Е.В. Индийские культуронимы в поэтических текстах Веры Полозковой: семантика и функционирование / Е.В. Грудева, К.А. Елистратова, Д.В. Минец // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи: сб. ст. по мат. XL междунар. науч.-практ. конф. № 9 (40). – Новосибирск: Изд. "СибАК", 2014. – С. 10–19.

148. Грудева, Е.В. Электронный словарь прецедентных онимов современной сетевой поэзии как инструмент повышения культурной грамотности / Е.В. Грудева, К.А. Елистратова, Д.В. Минец // Актуальні питання філологічних наук: наукові дискусії: Міжнародна науково-практична конференція, м. Одеса, 14–15 листопада 2014 року. – Одеса: Південноукраїнська організація «Центр філологічних досліджень», 2014. – С. 39–41.

149. Гудков, Д.Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко [и др.] // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–118.

150. Гудков, Д.Б. Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) / Д.Б. Гудков // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология. – 1994. – № 6. – С. 14–21.

151. Гурская, Ю.А. Ключевые имена национальных культур как свернутые диахронические национально-культурные тексты / Ю.А. Гурская // Язык и культура: мат. IV Междунар. конф. – М., 1996. – Ч. 2. – С. 53–59.

152. Денисова, С.П. Русский язык: исторические судьбы и современность / С.П. Денисова // Глобализмы в языке массовой коммуникации: 2-й Междунар. конгресс исслед. рус. яз. – М., 2004. – С. 210, 429–430.

153. Елистратова, К.А. «Теоним «Бог» в поэзии Веры Полозковой / К.А. Елистратова // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города): сб. ст. по мат. докл. и сообщений конф. (Смоленск, 4–5 октября 2012 г.) / Отв. ред. И.А. Королёва. – Смоленск, 2012б. – С. 149–154.

154. Елистратова, К.А. Диалог культур как языковая стратегия кодирования информации в поэтическом дискурсе Веры Полозковой / К.А. Елистратова // *Lingua Mobilis* Научный журнал, 2011. – № 1(27) – С.7–13.

155. Елистратова, К.А. Дискурсивизация ономастического пространства в современной поэзии (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) / К.А. Елистратова // Теория и практика общественного развития. – Краснодар: ООО ИД «Хорс», 2012. – № 2. – С. 391–394.

156. Елистратова, К.А. Концептуальная ономастическая триада «Вера – Надежда – Любовь» в стихотворении Веры Полозковой «Сестры» / К.А. Елистратова // Лингвистика смотрит в будущее: сб. науч. тр. молодых ученых-филологов. Вып. II / Отв. ред. С.А. Громыко, Е.И. Ильина; Мин-во образования и науки РФ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2012. – С. 73–78.

157. Елистратова, К.А. Концепты-онимы в современном поэтическом дискурсе (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) / К.А. Елистратова // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2012. – № 5(3). – С. 27–34.

158. Елистратова, К.А. Лексическая объективация топонимических логоэпистем «Москва» vs. «Петербург» в современном поэтическом дискурсе (на материале текстов В. Полозковой и Е. Фанайловой) / К.А. Елистратова // Череповецкие научные чтения–2012: мат. Всероссийской науч.-практ. конф. (15 ноября 2012 г.): в 3 ч. Ч. 1: Литературоведение, Лингвистика, СМИ, История,

Философия, Социология, Политология / Отв. ред. Н.П. Павлова. – Череповец, 2013. – С. 68–70.

159. Елистратова, К.А. Метафорическая реализация концепта «творчество» в поэтическом сборнике Веры Полозковой «Фотосинтез» / К.А. Елистратова // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2010» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев, А.В. Андриянов. – М., 2010. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: www.philol.msu.ru/~smu/work/science-day/2010/24-1-6.pdf. – Загл. с экрана.

160. Елистратова, К.А. Мифонимы как культурно-языковые маркеры поэтического дискурса Веры Полозковой / К.А. Елистратова // Теоретические и практические вопросы развития научной мысли в современном мире: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (29–30 апреля 2013 г.): в 4 ч. Ч. 3 / Отв. ред. Г.Д. Овакимян. – Уфа, 2013б. – С. 231–237.

161. Елистратова, К.А. Модели поэтического дискурса (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) / К.А. Елистратова // X выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи»: Материалы. – Череповец: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2011. – С. 114–120.

162. Елистратова, К.А. Мужчина глазами женщины: к вопросу о специфике представления образа мужчины в современной женской поэзии (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) / К.А. Елистратова // 3rd International Scientific Conference. European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches. Hosted by the ORT Publishing and The Center For Social and Political Studies «Premier». Volume 2. May 20–21, 2013. – Stuttgart, Germany, 2013. – С. 71–73.

163. Елистратова, К.А. Особенности нарративной структуры стихотворения Веры Полозковой «В.А.» / К.А. Елистратова // Череповецкие научные чтения-2011: мат. Всероссийской науч.-практ. конф.: в 3 ч. Ч. 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология / Отв. ред. Н.П. Павлова. – Череповец, 2012. – С. 12–19.

164. Елистратова, К.А. Поликодовая языковая личность: лингвосомиотический аспект (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) / К.А. Елистратова // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: мат. Всероссийской с междунар. участием науч. конф. студентов и аспирантов (Сыктывкар, 30 марта 2012 г.) / Отв. ред. Ф.Н. Иванов. – Сыктывкар, 2013. – С. 496–498.

165. Елистратова, К.А. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки в современной сетевой поэзии / К.А. Елистратова, Д.В. Минец // Казанская наука: Изд-во Казанский Издательский Дом. – 2013. – № 1. – С. 106–110.

166. Елистратова, К.А. Рецепция творчества Нины Берберовой в поэтическом цикле Веры Полозковой «Песни острова Макунуду» / К.А. Елистратова // Язык и культура: сб. мат. IX Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск, 2013в. – С. 171–175.

167. Елистратова, К.А. Рецепция творчества Нины Берберовой в поэтическом цикле Веры Полозковой «Песни острова Макунуду» / К.А. Елистратова // Язык и культура: сб. мат. IX Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск, 2013. – С. 171–175.

168. Елистратова, К.А. Семантические трансформации фразеологизмов в поэзии Веры Полозковой / К.А. Елистратова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. Ч. 8 / Отв. ред. Е.Н. Ильина. – Вологда, 2011. – С. 134–138.

169. Елистратова, К.А. Сказочный дискурс в поэзии Веры Полозковой / К.А. Елистратова / Мат. III Междунар. науч.-практ. интернет-конф. «Современный русский язык: динамика и функционирование» // «Грани познания», 2011. – № 4(14): 29 декабря 2011 г. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/jurnal/19>. – Загл. с экрана.

170. Елистратова, К.А. Специфика репрезентации концепта «Мужчина» в поэтических текстах Веры Полозковой: от кризиса маскулинности к метросексуальности / К.А. Елистратова // Вестн. ЧГУ, 2013. – № 3 (49). – Т. 1. – С. 74–78.

171. Елистратова, К.А. Способы дневникового самовыражения в автодокументальной прозе Веры Полозковой / К.А. Елистратова // Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): мат. Всероссийской науч. конф. с междунар. участием (12–14 марта 2014 г., Череповец) / Отв. ред. Н.В. Володина, Е.В. Грудева, Е.Е. Соловьёва. – Череповец: ЧГУ, 2014. – С. 55–61.

172. Елистратова, К.А. Топонимы в поэтическом дискурсе Веры Полозковой: лингвосемиотический аспект / К.А. Елистратова // Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 200-летию со дня рождения А.И. Герцена): мат. Всероссийской науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена, 14–16 ноября 2012 г. / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб., 2012. – С. 183–188.

173. Ефанова, Л.П. Имядатель как языковая личность в зеркале топонимии Ставропольского края / Л.П. Ефанова // Проблемы региональной ономастики: мат. 4-й Всероссийской науч. конф. – Майкоп, 2004. – С. 56.

174. Ефанова, Л.П. Русское население Ставропольского края в этнолингвистическом аспекте (замысел и подходы к исполнению) / Л.П. Ефанова // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века: сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». – Вып. 6. – СПб.; Ставрополь, 2001. – С. 441.

175. Зинин, С.И. О личных именах в произведениях Д.И. Фонвизина / С.И. Зинин // Научные труды Ташкентского ун-та. Вып. 317: Вопросы истории русского языка. – Ташкент, 1967. – С. 106–124.

176. Калинин, В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В.М. Калинин // Логос ономастики. – 2006. – № 1. – С. 81–88.

177. Калинин, В.М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки / В.М. Калинин // Логос ономастики. – 2008. – № 2. – С. 97.

178. Карпенко, Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.

179. Карпенко, Ю.А. Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обобщения / Ю.А. Карпенко // Материалы к Всероссийской

науч.-практической конф., посвященной 100-летию Томского гос. пед. ун-та (11–12 окт. 2001 г.) / Под общ. ред. Н.С. Болотновой. – Томск, 2001. – С. 44–48.

180. Кирпичева, О.В. Способы семантизации имени товара в рекламном тексте / О.В. Кирпичёва // Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти профессора Р.К. Миньяр-Белоручева, г. Волгоград 16 янв. 2006 г.: сб. ст. – Волгоград, 2006. – С. 45–47.

181. Комолова, З.П. Пути образования прагматонимов (на материале товарных марок США) / З.П. Комолова // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: сб. ст. – Пермь, 1972. – С. 228–232.

182. Комолова, З.П. Семантическая мотивированность прагмонимов (на материале товарных знаков СССР и США) / З.П. Комолова // Проблемы семантики: сб. ст. – М., 1974. – С. 333–339.

183. Коровина, А.Ю. Лингвокультурный типаж «сноб» в английской художественной литературе / А.Ю. Коровина // Аксиологическая лингвистика. – Волгоград, 2005. – С. 213–233.

184. Красных, В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко [и др.] // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.

185. Крюкова, И.В. Рекламные имена как объект литературной ономастики / И.В. Крюкова // Ономастика в кругу гуманитарных наук: мат. междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.). – Екатеринбург, 2005. – С. 212–214.

186. Кузьмина, Н.А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения / Н.А. Кузьмина // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. – Новосибирск, 2004. – С. 28–34.

187. Кузьмина, Н.А. Книга стихов: Интертекст? Гипертекст? Сверхтекст? / Н.А. Кузьмина // Речеведение: современное состояние и перспективы: Материалы междунар. науч. конф., посвященной юбилею М.Н. Кожинной. – Пермь, 2010. – С. 483–489.

188. Кушнерук, С.Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе /

С.Л. Кошнерук // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 146–155.

189. Лаврова, С.Ю. Концептуализация языковой личности в различных типах дискурса / С.Ю. Лаврова, Д.В. Минец, К.А. Елистратова [и др.] // Гуманизация образования. Научно-практический журнал. – 2013. – № 4. – С. 56.

190. Макарова, Т.Г. К специфике ономастической номинации / Т.Г. Макарова // Семантические аспекты языка / Под ред. Л.В. Бондарко, О.И. Фоняковой [и др.]. – Л., 1981. – С. 4–18.

191. Манерко, Л.А. Концептуально-смысловое пространство текста / Л.А. Манерко // Теория и практика германских и романских языков: мат. V Всероссийской науч.-практ. конф. – Ульяновск, 2004. – С. 26–31.

192. Минец, Д.В. Лакуны в ономастиконе современного школьника в аспекте проблемы культурной грамотности / Д.В. Минец, К.А. Елистратова // Международное научное издание «Современные фундаментальные и прикладные исследования», 2013. – № 4(11). – Кисловодск, 2013. – С. 84–87.

193. Минец, Д.В. Ономастическая модель англо-американской реальности в современной сетевой поэзии / Д.В. Минец, К.А. Елистратова // Концепт, 2014. – Вып. 2 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/55203.htm>. – Загл. с экрана.

194. Минец, Д.В. Специфика репрезентации концепта «Русский Север» в современной вологодской поэзии (на материале текстов Натты Сучковой) / Д.В. Минец, К.А. Елистратова // Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера: сборник научных статей // Отв. ред. Е.Н. Ильина; Вологодский государственный педагогический университет. – Вологда, 2013. – С. 124–130.

195. Митягина, Е.В. «Клиповое сознание» молодежи в современном информационном обществе / Е.В. Митягина, Н.С. Долгополова // Вестн. Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2009. – № 3. – С. 53–60.

196. Михайлов, В.Н. Роль собственных имен в произведениях Н.В. Гоголя / В.Н. Михайлов // Русский язык в школе. – 1954. – № 2. – С. 40–48.

197. Мурзин, Л.Н. Имя собственное: значение и деривация / Л.Н. Мурзин // Вопросы словоформирования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. – Томск, 1994. – Ч. 1. – С. 64–73.

198. Нахимова, Е.А. Мифологема Александр Невский в современной массовой коммуникации / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3. – С. 105–108.

199. Нахимова, Е.А. Новая жизнь старых слов / Е.А. Нахимова // Русская речь. – 2009. – № 2. – С. 51–53.

200. Нахимова, Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах / Е.А. Нахимова // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 1. – С. 73–83.

201. Немирова, Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса / Н.В. Немирова // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2003. – Т. 11. – С. 153.

202. Нестерова, Н.М. О роли имен собственных в формировании смысла поэтического текста (на материале лирических произведений И.А. Бродского) / Н.М. Нестерова // Вестн. Пермского ун-та: Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 4 (16). – С. 95–101.

203. Никитина, С.Е. Имена духоборов и молокан / С.Е. Никитина // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: в 2 ч. Ч. 1. – М., 2001. – С. 123–126.

204. Николаева, Т.М. Имена собственные в русской культуре и литературе (к вопросу об эволюции культурных коннотаций) / Т.М. Николаева // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: в 2 ч. Ч. 1. – М., 2001. – С. 34–38.

205. Олянич, А.В. «Пижон» как коммуникативный типаж: лингво-семиотические и дискурсивные презентационные характеристики / А.В. Олянич // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград, 2005. – С. 234–248.

206. Прокофьева, В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы / В.Ю. Прокофьева // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. – 2005. – № 11. – С.87–94.

207. Разумов, Р.В. Онимическое пространство малого провинциального города / Р.В. Разумов // Ономастика Поволжья: мат. XIII междунар. науч. конф. (Казань, 14–16 сентября 2010 г.). – Казань, 2010. – С. 351–354.

208. Разумов, Р.В. Рекламные имена в текстах массовой литературы / Р.В. Разумов // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. науч. ст. – Ярославль, 2008. – С. 91–103.

209. Ревзина, О.Г. Собственные имена в поэтическом идиолекте М. Цветаевой / О.Г. Ревзина // Поэтика и стилистика. 1988–1990 / Отв. ред. В.П. Григорьев. – М., 1991. – С. 171–194.

210. Селезнёва, Л.Б. Взаимопереходность имен нарицательных и имен собственных / Л.Б. Селезнёва // Вопросы структуры и функционирования русского языка. – Вып. 5. – Томск, 1984. – С. 56–62.

211. Сердобинцева, Е.Н. Виды вторичных номинаций в системе производственно-технической терминологии / Е.Н. Сердобинцева // Номинативные свойства единиц: межвуз. сб. – Саратов, 1990. – С. 125–132.

212. Скачко, Е.Ю. Лингвокультурный типаж «Английский рыцарь» / Е.Ю. Скачко // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград, 2005. – С. 88–104.

213. Суперанская, А.В. Прецедентные фразы, ситуации, имена / А.В. Суперанская // Науковий вісник Чернівецького університету, 2007. – Випуск 356–359. – С. 366–374.

214. Суперанская, А.В. Эволюция теории имени собственного в Европе / А.В. Суперанская // Вопросы филологии. – 2004. – № 3. – С. 5–17.

215. Суперанская, А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации имен собственных / А.В. Суперанская // Антропонимика. – М., 1970. – С. 7–17.

216. Супрун, В.И. Ономастические единицы в художественном тексте / В.И. Супрун, А.В. Данилов // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: тез. докл. – Вып. 3. – Волгоград, 1997. – С. 50–52.
217. Супрун, В.И. Ядро и периферия в ономастическом пространстве / В.И. Супрун // Славистический сборник. – СПб., 1998. – С. 215–220.
218. Тимофеев, М.Ю. Водка мужского рода: национальные особенности гендерной семантики российской алконимики (1992–2003) / М.Ю. Тимофеев // Гуманитарные аспекты профессионального: сб. науч. тр. – Вып. 3. – Иваново, 2005. – С. 176.
219. Тихомирова, Н.П. Географическое имя в контексте культуры региона / Н.П. Тихомирова // Вестн. ЧГУ. – 2006. – № 1. – С. 68–71.
220. Тихомирова, Н.П. Географическое имя и история края / Н.П. Тихомирова // Проблемы лингвистического краеведения: мат. Всероссийской науч. конф. (к 75-летию Е.Н. Поляковой). – Пермь, 2007. – С. 283–288.
221. Толстая, С.М. К понятиям апеллятивизации и онимизации / С.М. Толстая // Ономастика в кругу гуманитарных наук: мат. междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2005. – С. 24–27.
222. Топоров, В.Н. Две заметки из области ономатологии / В.Н. Топоров // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тез. междунар. науч. конф. Ч. 1. – М., 2001. – С. 63–64.
223. Топоров, В.Н. Из области теории топономастики / В.Н. Топоров // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С. 3–13.
224. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Из работ московского семиотического круга. – М., 1997. – С. 455–515.
225. Фатеева, Н.А. Директории «По», «От» и... «До», или Poetical Language in Progress / Н.А. Фатеева // Поэтика исканий, или Поиск поэтики: мат. конф. – М., 2004. – С. 79–89.
226. Фатеева, Н.А. Заглавие и текст в русской поэзии конца XX века: параллельная динамика / Н.А. Фатеева // Текст. Интертекст. Культура: сб. докл. междунар. науч. конф. – М., 2001. – С. 299–393.

227. Фомин, А.А. Имя как прием: реминисцентный оним в художественном тексте / Н.А. Фатеева // Известия Уральского гос. ун-та. Проблемы образования, науки и культуры. – Вып. 6. – 2003. – № 28. – С. 167–181.

228. Фомин, А.А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы / А.А. Фомин // Вопросы ономастики. – 2004. – № 1. – С. 108–120.

229. Фомин, А.А. О направлениях изучения литературной онимии / А.А. Фомин // Ономастика в кругу гуманитарных наук: мат. междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.). – Екатеринбург, 2005. – С. 54–58.

230. Чавпецова, С.В. Роль имени собственного в раскрытии образа персонажа в художественном тексте / С.В. Чавпецова // Textoобразующие потенции языковых единиц и категорий. – Барнаул, 1990. – С. 125–132.

231. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса / В.Е. Чернявская // Текст в дискурсе. – Рязань, 2002. – С. 230–232.

232. Шаховской, В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В.И. Шаховской // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 97–104.

233. Шелестюк, Е.В. О лингвистическом исследовании символа / Е.В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125–143.

234. Шмелёва, Т.В. Алфавит в ономастиконе / Т.В. Шмелёва // Российский лингвистический ежегодник. – Вып. 1(8). – Красноярск, 2006. – С. 6–12.

235. Шмелёва, Т.В. Терминологические записки (лексикон и другие) / Т.В. Шмелёва // Лингвистический ежегодник Сибири, 2000. – Вып. 2. – С. 23–31.

236. Bergien, A. Beobachtungen zum Gebrauch von Eigennamen in englischen Texten / A. Bergien // Namenkundliche Informationen, 1993. – P. 20–26.

237. Debus, F. Vom Zauber literarischer Namen. Intentionen – Funktionen – Wirkungen / F. Debus // Beiträge zur Namenforschung. – 2001. – Bd. 36. – Heft 1. – P. 1–27.

238. Debus, F. Funktionen literarischer Namen / F. Debus // Onomastika. – 2003. – Vol. 48. – P. 5–15.

239. Grudeva, E.V. Electronic dictionary of quotes as a way to enhance cultural literacy / E.V. Grudeva, D.V. Minets, K.A. Elistratova // Life Science Journal. – 2014. –

№ 12(12s). – P. 616–619 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.lifesciencesite.com/ljs/life1112s/132_26456life1112s14_616_619.pdf – Загл. с экрана.

240. Hengst, K. Onyme als Strukturelemente in Texten der russischen Umgangssprache / K. Hengst // Word und Text. Slavistische Beiträge zum 65. Geburtstag von Wolfgang Sperber / Hrsg. von E. Eichler, K. Krüger, A. Thiele. – Frankfurt, 1994. – P. 59–190.

241. Werner, O. Namenpragmatik / O. Werner // Namenforschung. Name Studies. Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik. Hrsg. von E. Eichler e.a. Vol. 2. – Berlin–New York, 1996. – P. 476–484.

4. Учебники, учебные пособия и их разделы:

242. Елистратова, К.А. Имя собственное в структуре поэтического текста В. Полозковой; Концептуальная ономастическая триада «Вера – Надежда – Любовь» в стихотворении Веры Полозковой «Сестры») / К.А. Елистратова, С.Ю. Лаврова, Д.В. Минец // Лингвокогнитивные аспекты коммуникации: учеб. пособие / Отв. ред. С.Ю. Лаврова. – Череповец, 2012. – С. 35–58.

243. Карпенко, Ю.А. Русские антропонимы: пособие к спецкурсу / Ю.А. Карпенко. – Одесса, 1970.

244. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М., 2002. – С. 58.

245. Смольников, С.Н. Морфемная и словообразовательная система антропонимов / С.Н. Смольников // Морфемика и словообразование русского языка: учеб. пособие. – Вологда, 2002. – С. 216–247.

246. Степанова, В.В. Слово в тексте: Из лекций по функциональной лексикологии / В.В. Степанова. – СПб., 2006. – С. 8–25.

5. Словари и справочники:

247. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 2005.

248. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. В 4 т. – М., 1981.

249. Козырев, В.А. Русская история и культура в именах и названиях: Словарные материалы / В.А. Козырев, А.Ю. Пентина, В.Д. Черняк. – СПб., 2014.
250. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990.
251. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999.
252. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – М., 2006.
253. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен / Н.А. Петровский. – 3-е изд. – М., 1984.
254. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М., 1978.
255. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., пер. и доп. – М., 1988.
256. Рыбакин, А.И. Словарь английских личных имен: 4000 имен / А.И. Рыбакин. – М., 2000.
257. Рыбакин, А.И. Словарь английских фамилий: Ок. 22 700 фамилий / А.И. Рыбакин. – М., 2000.
258. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999.
259. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. А.М. Бабкина и др. В 17 т. – М.–Л., 1950–1965.
260. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского языка [Эл. ресурс]. /А.И. Фёдоров. – М., 2000. – Режим доступа: <http://phraseology.academic.ru>. – Загл. с экрана.
261. Фразеологический словарь / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1978.

6. Литературные источники:

262. Полозкова, В. Непознание / В. Полозкова. – М., 2009.
263. Полозкова, В. Осточерчение / В. Полозкова. – М., 2013.
264. Полозкова, В. Фотосинтез / В. Полозкова, О. Паволга. – М., 2008.

